Вдоль Полярныхъ Окраинъ Россіи

Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи

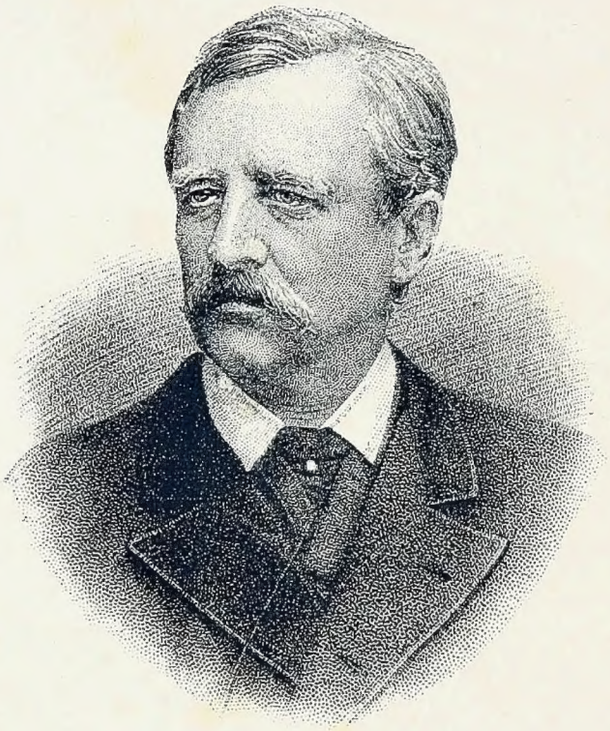
№ 1.

Синее знамя.

КРОШКА АСЯ.

Маленькія школьницы.

ЖИВЧИКЪ.



А. Э. Норденшельдъ.

Э. ГРАНСТРЕМЪ.

ВДОЛЬ ПОЛЯРНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ПУТЕШЕСТВІЕ НОРДЕНШЕЛЬДА ВОКРУГЪ ЕВРОПЫ и АЗІИ въ 1878 — 1880 гг.

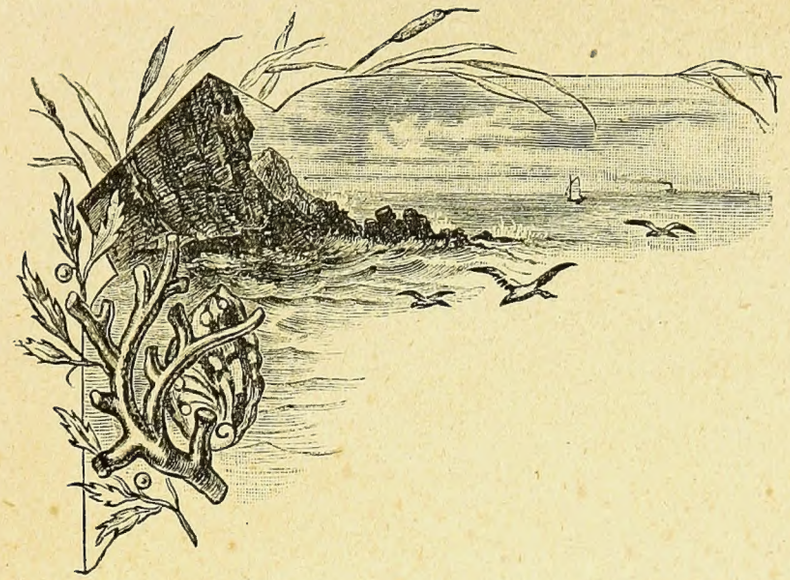
Изданіе четвертое, съ картою и 65 рисунками.

Первое изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-литографія К. Биркенфельда, В. О., 8 я л., № 1.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го Сентября 1898 г.

ФГБУПБ № 968



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Путешествія въ Сѣверный Ледовитый океанъ по берегамъ Европы и Азіи до Норденшельда:

А) Экспедиціи западныхъ народовъ. 1

Б) Русскія и норвежскія экспедиціи 15

» II. А. Э. Норденшельдъ. 45

» III. Путешествіе на Шпицбергенъ. 48

» IV. Изъ Швеціи до Новой Земли. 67

» V. Животное царство Новой Земли. 79

» VI. Отъ Новой Земли до Енисея. 95

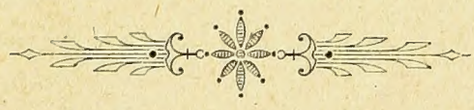
» VII. Отъ Енисея до устьевъ Лены. 100

» VIII. Отъ устьевъ Лены до мѣста зимовки 114

» IX. Зимовка 130

» X. Отъ Чукотскаго полуострова до Японіи. . . 156

» XI. Изъ Японіи на родину 164



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Путешествія въ Сѣверный Ледовитый океанъ по берегамъ Европы и Азіи до Норденшельда.

А. Экспедиціи западныхъ народовъ.

Сѣверный Ледовитый океанъ, на огромномъ протяженіи омывающій берега Европы и Азіи, въ теченіе долгихъ вѣковъ оставался для человѣчества легендарною загадкою. Тѣмъ не менѣе цивилизованнѣйшій народъ древности—греки, чисто теоретически пришедшіе къ мысли, что вся суша окружена океаномъ, уже имѣли темное представленіе о томъ, что за необозримыми скиѳскими равнинами простирается холодное, недоступное море. Геродотъ представляетъ его вѣчно покрытымъ льдомъ, а прилегающія къ нему страны погруженными восемь мѣсяцевъ въ году въ такой холодъ, что «тамъ размягчаютъ землю, не разводя ее водою, а согрѣвая огнемъ». Сношенія римлянъ съ Сѣверомъ не внесли въ эти представленія почти ничего новаго, и долго еще, когда очагомъ цивилизаціи стала уже Европа, а легкія ладьи норманновъ избороздили при-

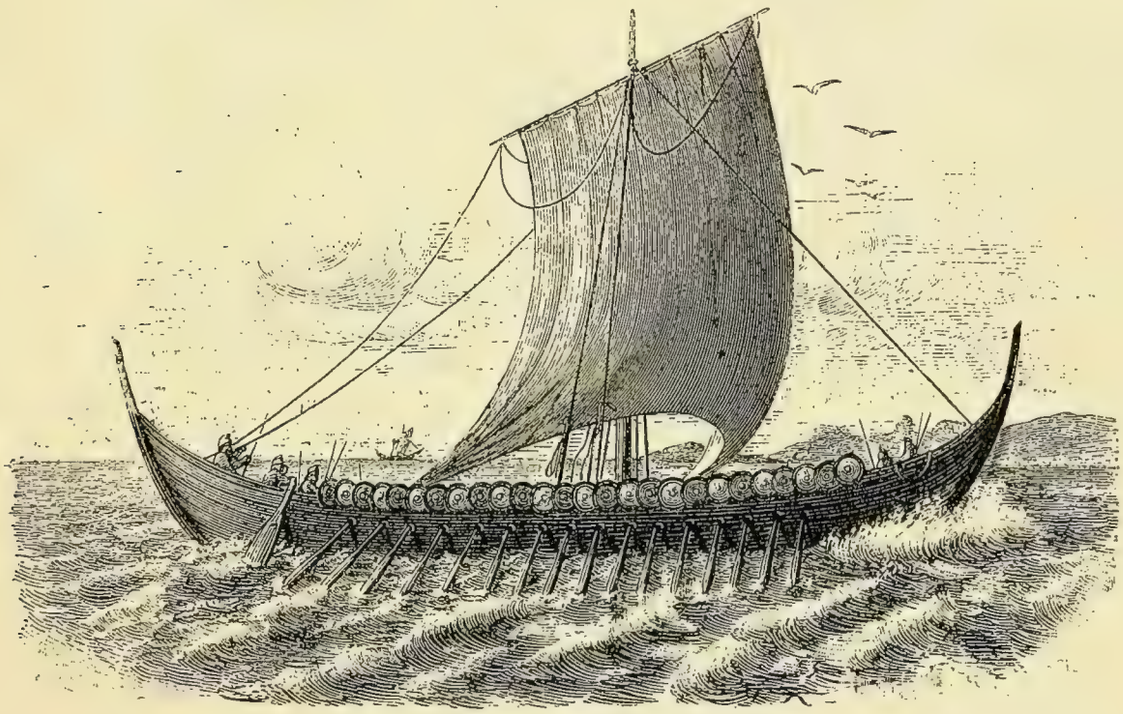
европейскія моря Атлантическаго океана, сѣверное холодное море оставалось все еще совершенно неизвѣстнымъ. Нужно думать, что отважные скандинавы въ своихъ далекихъ экспедиціяхъ случайно и намѣренно попадали иной разъ въ сѣверныя моря и въ тѣ далекія времена.

Такъ, по преданіямъ, лѣтъ тысячу назадъ, норвежецъ Отэре (Othere) объѣхалъ съ сѣвера Скандинавскій полуостровъ до устьевъ Двины и разсказывалъ объ этомъ своемъ путешествіи «въ простыхъ и образныхъ выраженіяхъ» англійскому королю Альфреду Великому, ко двору котораго былъ заброшенъ судьбою. Но всѣ подобныя путешествія оставались безслѣдны для науки и мореплаванія—и забывались.

Настала славная эпоха открытій и изобрѣтеній, эпоха многочисленныхъ завоеваній человѣка въ природѣ. Найденъ былъ путь въ Индію вокругъ Африки, открыта Америка, и Сѣверный Ледовитый океанъ, прежде мало интересовавшій цивилизованные народы, вдругъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ ихъ особенный интересъ.

Въ Европѣ появилась мысль о возможности проникнуть на богатый сказочный Востокъ, объѣхавъ Европу и Азію съ сѣвера. Шестнадцатое столѣтіе было еще полно стремленія къ географическимъ открытіямъ, которое дало столь блестящіе результаты въ вѣкѣ предыдущемъ, и найти сѣверо-восточный путь въ Китай и Индію представлялось слишкомъ заманчивою задачею. Рѣшеніе ея казалось тѣмъ легче, что, при тогдашней бѣдности географическихъ познаній, не было извѣстно, ни какое огромное пространство предстоитъ на этомъ пути, ни съ какими трудностями сопряжено плаваніе въ моряхъ далекаго Сѣвера. Отважные люди того времени были глубоко заинтересованы открытіемъ новаго пути. Въ Европѣ появилось даже нѣсколько фантастическихъ путешествій, будто бы уже совершонныхъ по сѣвернымъ океанамъ въ Азію. Такъ, нѣкій пор-

тугалецъ Мальдонадо составилъ донесеніе, будто бы онъ проѣхалъ въ 1558 году сѣверомъ взадъ и впередъ изъ Европы въ Азію, не встрѣтивъ нигдѣ на своемъ пути ни льдовъ, ни животныхъ, характеризующихъ крайній сѣверъ, и, напротивъ, найдя, особенно на возвратномъ пути, повсюду въ морѣ такую же температуру, какая бываетъ въ Испаніи въ самое жаркое время года; близъ пролива, отдѣляющаго Америку отъ Азіи, онъ от-



Норвежское судно IX столѣтія.

крылъ даже страну, покрытую большими деревьями, круглый годъ приносящими плоды.

Это фантастическое описаніе имѣло, вѣроятно, цѣлью дать вѣсъ предложенію автора снарядить изъ Португаліи экспедицію для открытія сѣверо-восточнаго прохода.

Не заставили себя ждать и дѣйствительныя путешествія въ негостепріимныя воды Сѣвернаго Ледовитаго океана, и честь первой такой экспедиціи, совершонной еще раньше фантазіи Мальдонадо, принадлежитъ Англіи.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ Англія, нынѣ господствующая на моряхъ, была еще далека отъ первенства въ этомъ отношеніи. Въ то время владычествовали на океанѣ Испанія и Португалія, которыя ревниво охраняли свои интересы, препятствуя мореплавателямъ другихъ странъ торговать въ восточной Азіи. Это обстоятельство вынуждало англичанъ и голландцевъ искать новыхъ морскихъ путей въ Китай и Индію, то черезъ полюсъ, то сѣверо-западными американскими проливами, то юго-западомъ, вдоль береговъ новаго континента, то, наконецъ, съ сѣверо-востока, по берегамъ Европы и Азіи.

И вотъ, въ 1553 году состоялась знаменитая сѣверо-восточная экспедиція Виллоуби и Ченслера, организованная славнымъ мореплавателемъ Себастіаномъ Каботомъ. Эскадра, въ составѣ трехъ кораблей, вышла съ попутнымъ вѣтромъ изъ Ратклифа 20 мая (н. с.) 1553 года. Изъ Гринвича, гдѣ тогда находился дворъ, флотъ провожали придворные чины — самъ король былъ тогда боленъ. Огромныя толпы народа тѣснились въ окнахъ и на крышахъ, смотря на выходившія изъ порта суда; артиллерія салютовала имъ. «Эхо горъ, долинъ и моря вторило канонадѣ, моряки кричали «ура», восходившее до самыхъ звѣздъ», говоритъ историкъ этого событія. Всѣ радовались и торжествовали.

Экспедиція, между тѣмъ, была роковою для сэра Виллоуби, главнаго ея начальника — онъ погибъ, вмѣстѣ съ экипажемъ двухъ судовъ. Но, какъ извѣстно, Ченслеру, отбитому бурею на пути отъ эскадры, удалось съ своимъ судномъ проникнуть въ Бѣлое море до устьевъ Двины, гдѣ тогда, на мѣстѣ нынѣшняго Архангельска, стоялъ русскій монастырь, и завязать переговоры съ московскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Такъ открыты были торговыя сношенія Англіи съ далекимъ Московскимъ царствомъ, имѣвшія важное значеніе для обѣихъ странъ.

Извѣстіе о счастливыхъ результатахъ экспедиціи Ченслера было принято въ Англіи съ энтузіазмомъ. Людямъ того времени казалось, что недалеко уже и до открытія пути въ Китай и Индію, и на путешествіе Ченслера смотрѣли только какъ на удачное начало великаго событія. Въ Лондонѣ немедленно составилась такъ-называемая Московская Компанія, энергически принявшаяся за установленіе прочной торговли съ Мо-

Себастіанъ Каботъ.

сковскимъ царствомъ, и восьмидесятилѣтній Себастіанъ Каботъ назначенъ безсмѣннымъ главою ея. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ же, по возвращеніи Ченслера, 1556 году снаряжена новая экспедиція на сѣверъ, имѣвшая назначеніе проникнуть теперь уже до Азіи, подъ начальствомъ одного изъ участниковъ экспедиціи Виллоуби, Стефена Баррофа. Выйдя изъ Англіи 3 мая, Баррофъ въ теченіе лѣта проѣхалъ путемъ Ченслера до острова Вайгача. Близъ Колы онъ встрѣтилъ ладьи

русскихъ промышленниковъ, которыя затѣмъ уже нерѣдко попадались ему на всемъ протяженіи пути.

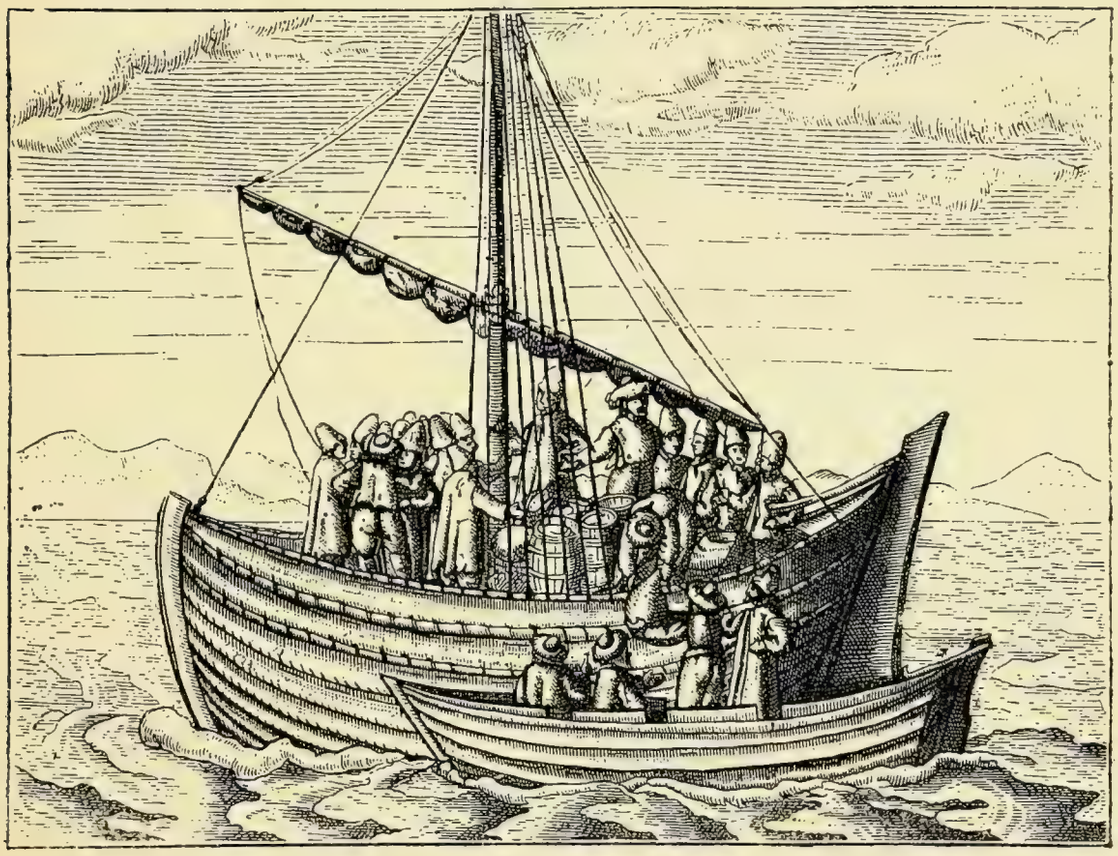
Разсказъ его доказываетъ, что въ серединѣ шестнадцатаго вѣка русскіе и финны русскихъ земель поддерживали дѣятельное мореплаваніе по Бѣлому морю, по Печорѣ, въ моряхъ около островов Вайгача и Новой Земли и до устьевъ Оби. Баррофъ описываетъ этихъ рыболововъ какъ превосходныхъ моряковъ, на прекрасныхъ для своего времени судахъ, превосходившихъ скоростью хода даже англійскія суда той эпохи. Судя по этому описанію, мореплаваніе въ той мѣстности, въ теченіе трехъ вѣковъ, слѣдовавшихъ затѣмъ, не пошло впередъ, а скорѣе упало; и понынѣ тамъ находятся суда того же типа, которыя видѣлъ Баррофъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ того въ попыткахъ англичанъ найти сѣверо-западный проходъ въ Азію, и объ экспедиціяхъ къ сѣвернымъ берегамъ Европы на время было забыто. Но въ 1580 году Артуръ Петъ съ двумя кораблями, снаряженными въ Англіи, первый изъ европейцевъ Запада проникъ въ воды Карскаго моря. Не зная, гдѣ находится, онъ, слѣдуя по западному берегу Вайгача, прошелъ въ это море чрезъ Карскія Ворота и проплылъ далеко къ югу по восточнымъ берегамъ острова. Густыя массы пловучаго льда вынудили его воротиться прежнимъ путемъ, черезъ Карскія Ворота, и идти обратно въ Англію.

Путешествіемъ Пета оканчивается рядъ сѣверо-восточныхъ экспедицій англичанъ той эпохи; ихъ мѣсто занимаютъ голландцы. Счастливо вышедшая изъ борьбы съ Испаніей за независимость, Голландія, бывшая уже великимъ промышленнымъ и торговымъ государствомъ, къ концу 16-го вѣка становится могущественною морскою державою. Преобладающее морское могущество Испаніи и Португаліи, однако, вынуждало и ее, подобно Англіи, искать иныхъ торговыхъ путей въ Индію и

Китай, на которыя не распространялась бы монополія державъ Пиренейскаго полуострова.

И вотъ, вслѣдъ за англичанами, голландцы шлютъ экспедицію за экспедиціей въ сѣверо-восточныя воды. Три года сряду плывутъ голландскіе корабли къ сѣвернымъ берегамъ Европы, надѣясь, наконецъ, разрѣшить задачу сѣверо-восточнаго пути



Русская ладья XVI столѣтія.
(По рисунку де-Вера).

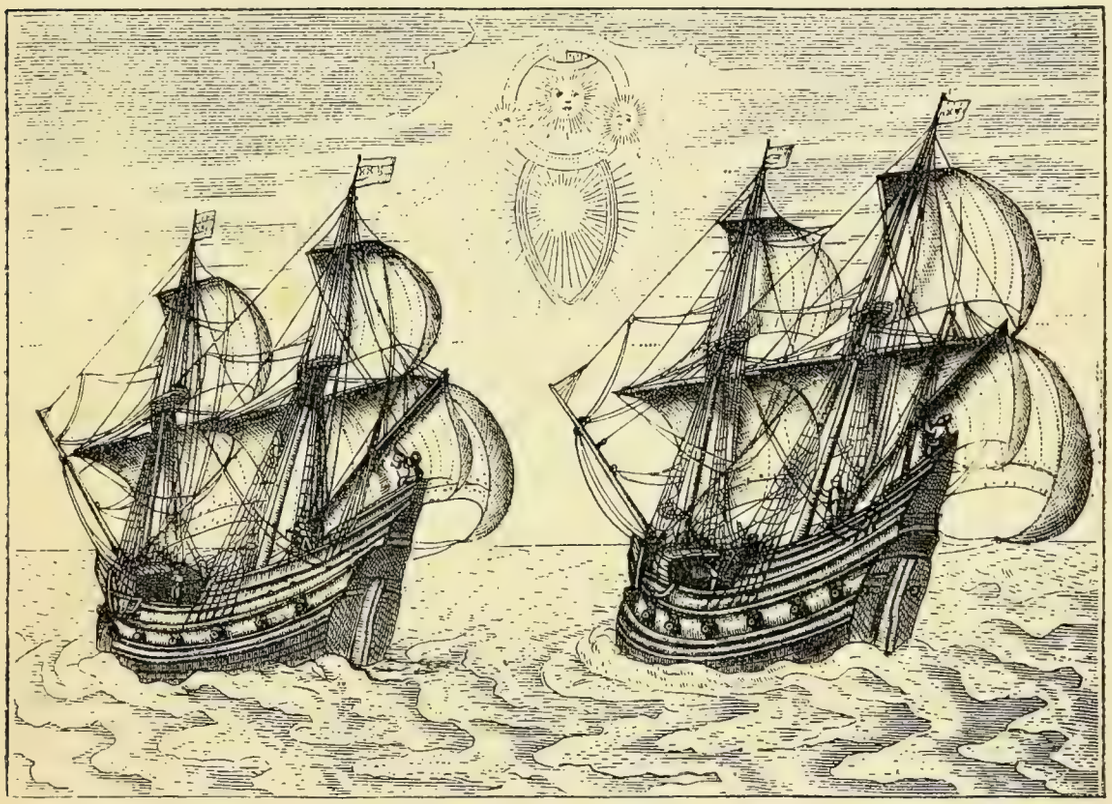
на богатый Востокъ. Въ 1594 г. три голландскихъ купца снарядили первую изъ этихъ экспедицій. Два судна, по совѣту знаменитаго въ то время географа Планціуса, должны были обойти съ сѣвера Новую Землю, чтобы этимъ удобнѣйшимъ путемъ достигнуть восточныхъ береговъ Азіи; имъ командовалъ Барентсъ. Два другія имѣли назначеніе плыть южнѣе, мимо острова Вайгача. Барентсъ достигъ въ іюлѣ Новой Земли. Но

онъ встрѣтилъ въ высокихъ широтахъ невыносимый холодъ, льды и другія страшныя препятствія крайняго сѣвера. Однажды матросы его встрѣтились на берегу съ бѣлымъ медвѣдемъ, наведшимъ ужасъ на весь экипажъ безстрашіемъ, силой и ловкостью, съ которыми онъ, раненый и разъяренный, напалъ на судно. Онъ былъ, однако, убитъ однимъ храбрецомъ, и шкура его привезена въ Амстердамъ. Ледяныя поля заставили Барентса отказаться отъ мысли обогнуть Новую Землю съ сѣвера, и онъ поплылъ къ югу.

Между тѣмъ суда, отправившіяся къ острову Вайгачу, успѣли пройти въ Карское море и, несмотря на пловучіе льды, проникнуть въ какое-то обширное и свободное водное пространство. Голландцы приняли устья Кары за устья Оби, и, убѣжденные, что имъ легко было бы обойти представившійся имъ тутъ на пути полуостровъ, думали, что путь въ Китай уже не будетъ далѣе представлять затрудненій. Они видѣли много китовъ, выбрасывающихъ по обыкновенію высоко вверхъ водные фонтаны, и это принимали за доказательство, что передъ ними открытый обширный океанъ. 24-го августа, пройдя на возвратномъ пути чрезъ Югорскій Шаръ, они были встрѣчены Барентсомъ и вмѣстѣ съ нимъ воротились въ Голландію.

Въ слѣдующемъ 1595 году голландское правительство, убѣжденное, на основаніи донесенія Барентса и его спутниковъ, что путь въ Китай открытъ, снарядило вторую большую экспедицію изъ семи большихъ судовъ, изъ которыхъ шесть были нагружены товарами и деньгами. Выйдя въ море въ половинѣ іюля, флотилія только въ концѣ августа достигла Югорскаго Шара. 3-го сентября она встрѣтила нѣсколько русскихъ лодокъ, съ которыхъ получила нѣкоторыя свѣдѣнія и увѣреніе, что льды должны вскорѣ исчезнуть. 10-го сентября голландцы вошли въ сношенія съ самоѣдами, живущими къ югу отъ Вайгачскаго пролива, и были дружелюбно приняты, по ихъ сло-

вамъ, какимъ-то «самоѣдскимъ царемъ». Между тѣмъ экспедиція встрѣтила въ Карскомъ морѣ многочисленные пловучіе льды. Случилось, что бѣлый медвѣдь убилъ на островкѣ двухъ матросовъ, и это происшествіе въ высшей степени дурно повліяло на экипажъ, а начальники, видя повсюду льды, покрывавшіе море, пришли къ мысли, что наступаетъ слишкомъ позднее время года, чтобы подвергать опасности нагруженные доро-

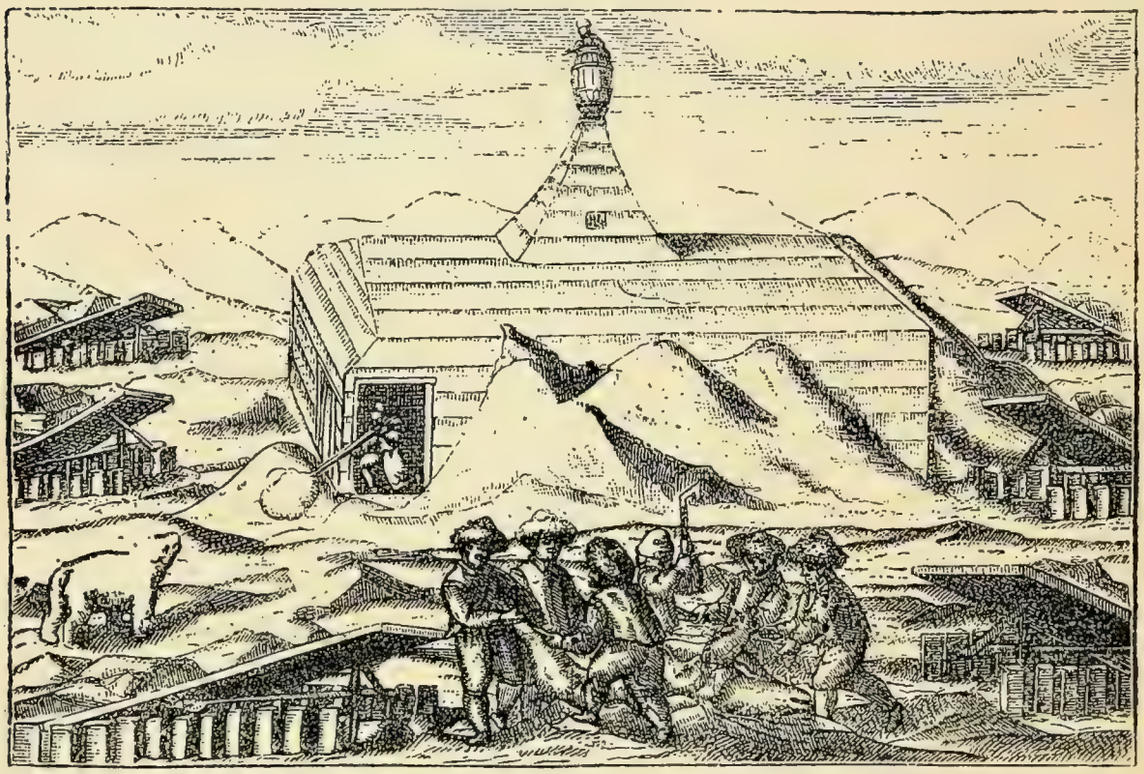


Корабли Барентса.
(По рисунку де-Вера).

гими товарами корабли. Рѣшено было воротиться. 25-го сентября флотилія прошла обратно Вайгачскій проливъ и воротилась въ Голландію.

Послѣ этой, дорого стоившей и обманувшей столько надеждъ, экспедиціи, государственные штаты Голландіи отказались дать средства для третьей попытки. Но въ то же время они назначили большой призъ тому, кто на свой счетъ пред-

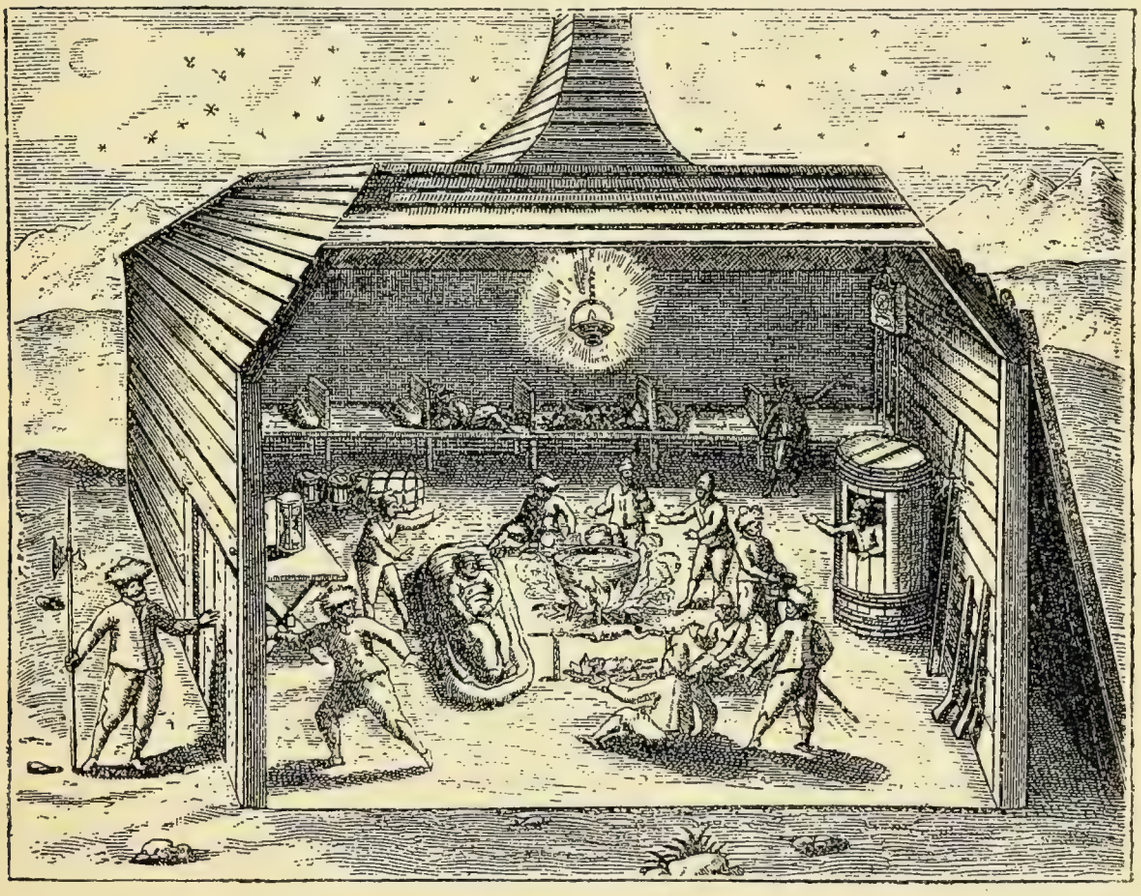
приметъ и исполнитъ путешествіе въ Китай сѣверо-восточнымъ путемъ. Подъ вліяніемъ надежды получить этотъ призъ, голландскіе купцы снова вооружили два судна, изъ которыхъ однимъ опять командовалъ Барентсъ. Экипажъ былъ набранъ съ большою осмотрительностью, преимущественно изъ безсемейныхъ, для того, чтобы заботы о семьяхъ не повліяли на несвоевременное возвращеніе.



Домъ Барентса (наружный видъ).
(По рисунку де-Вера).

Новая флотилія вышла изъ Амстердама 20-го мая 1596 года. Направляясь къ сѣверу, она открыла архипелагъ Шпицбергенъ; но далѣе путь ей преградили льды. Послѣ тщетныхъ усилій пройти за архипелагъ, флотилія раздѣлилась. Одно судно должно было попытаться пройти къ сѣверу по восточной сторонѣ Шпицбергена, а Барентсъ направился съ своимъ къ Новой Землѣ.

Послѣ невѣроятныхъ усилій ему удалось въ концѣ августа достигнуть сѣверной оконечности острова. Видя невозможность идти далѣе, Барентсъ рѣшился уже вернуться въ Голландію; но было уже поздно. Отовсюду льды окружали судно, нерѣдко они поднимали его на себя и, наконецъ, сломили руль. Становилась неизбѣжною зимовка на негостепріимномъ суровомъ



Домъ Барентса (внутренній видъ).
(По рисунку де-Вера).

берегу холоднаго острова. Барентсъ приказалъ перенести на берегъ съѣстные припасы, оружіе и необходимые инструменты, и разослалъ матросовъ осмотрѣть окружающую страну. Для участниковъ экспедиціи настало время жестокихъ бѣдствій. По счастію, они нашли на берегу большіе стволы деревьевъ еще съ корнями, занесенные на этотъ совершенно безлюдный островъ морскими теченіями, и изъ нихъ могли построить себѣ домъ.

Укрытые въ немъ, моряки тѣмъ не менѣе испытывали всевозможныя страданія и лишенія. Ежедневно приходилось, къ тому же, вести борьбу съ бѣлыми медвѣдями, которые были необыкновенно смѣлы и не боялись подходить къ самому жилищу голландцевъ.

Страданія еще болѣе усилились, когда, 14-го ноября, солнце совершенно исчезло съ горизонта, съ тѣмъ, чтобы показаться снова только 3-го февраля. Къ счастію, вмѣстѣ съ солнцемъ исчезли и медвѣди, а на мѣсто ихъ появились лисицы, бродившія около самаго дома и даже по крышѣ его. Ихъ ловили и ѣли. Для развлеченія экипажа Барентсъ время отъ времени устраивалъ праздники. Матросы брали часто паровыя ванны въ бочкѣ, превращенной въ паровой шкафъ.

Съ возвращеніемъ солнца, медвѣди стали снова навѣщать голландцевъ и однажды забрались даже на покинутое судно, вмерзшее въ ледъ, разломали въ немъ всѣ предметы и выломали дверь въ кухню, занесенную глубокимъ снѣгомъ. Голландцы, успѣвшіе привыкнуть къ нимъ, устраивали на нихъ правильныя охоты, не обходившіяся, однако, безъ приключеній.

Между тѣмъ въ экипажѣ появился бичъ сѣверныхъ странъ — скорбутъ. 25-го мая Барентсъ рѣшился покинуть островъ и плыть въ лодкахъ, такъ какъ корабль высвободить было невозможно. Экипажъ дѣятельно принялся за приготовленія къ отъѣзду; но силы измѣнили ему, — люди были ослаблены лишеніями и скорбутомъ. Тѣмъ не менѣе 23-го іюля лодки, снаряженныя и нагруженныя провизіей, вышли въ море. Барентсъ былъ въ это время уже боленъ и недѣлю спустя умеръ, въ моментъ, когда лодки, остановленныя пловучими льдами, должны были причалить къ ледяному полю. Въ тотъ же день умеръ одинъ матросъ, за нимъ послѣдовалъ другой. 7-го августа экспедиція встрѣтилась съ русскими рыбаками, съ которыми голландцы познакомились еще въ прошломъ году, и была ра-

душно принята ими. Дальнѣйшій путь ихъ на родину уже не представлялъ затрудненій.

Рѣшимость и безстрашіе спутниковъ Барентса справедливо возбудили удивленіе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Европы, и ихъ донесеніе о зимовкѣ на дальнемъ сѣверѣ встрѣтило живѣйшій интересъ; почти на всѣхъ языкахъ появились сочиненія, прозою и стихами воспѣвавшія подвиги ихъ. Экспедиція принесла не малую пользу и наукѣ, въ первый разъ познакомивъ цивилизованный міръ съ явленіями полярной зимы.

Такимъ образомъ, экспедиціи голландцевъ не повели, какъ тогда ожидалось, къ открытію сѣверо-восточнаго пути въ Азію. Тѣмъ не менѣе онѣ занимаютъ важное мѣсто въ исторіи географическихъ открытій. Не остались онѣ и безъ практическаго значенія, давъ начало китовому промыслу, который сдѣлался источникомъ богатства для Голландіи и высоко поднялъ національное чувство этого немногочисленнаго народа.

Рядъ неудачныхъ экспедицій къ сѣвернымъ берегамъ Европы нѣсколько умѣрилъ стремленіе европейскихъ народовъ къ открытію сѣверо-восточнаго морского пути, тѣмъ болѣе, что путь этотъ становился менѣе необходимъ, и мысль о немъ надолго была оставлена. Тѣмъ не менѣе, въ этотъ періодъ затишья не разъ были сдѣланы новыя попытки въ этомъ направленіи, почти всѣ вызванныя стремленіемъ распространить торговлю за Новую Землю, до Сибири.

Изъ этихъ экспедицій замѣчательны: Генри Гудзона 1608 г., Вильяма Гурдона 1611, Яна Корнелиша ванъ-Горна 1612, Босманъ 1625, датская 1653, Вильгельма Вламинга въ 1664—1668 годахъ, голландская 1666, Сноббергера 1675 г., наконецъ, англійская Вуда 1676 г. Однако вся доблесть опытныхъ и отважныхъ моряковъ разбивалась о невѣроятныя трудности сѣвернаго плаванія. Гудзонъ и другіе не доходили даже до тѣхъ мѣстъ, которыя видѣли ихъ предшественники, и только

китопромышленникъ Вламингъ достигъ мѣстъ зимовки Барентса. Въ ихъ извѣстіяхъ къ тому же встрѣчаются неточности, которыя лишаютъ ихъ полнаго довѣрія.

Не счастливѣе другихъ былъ и Вудъ, посланный англійскимъ королемъ Карломъ II отыскать сѣверо-восточный путь въ Азію; не обладая опытностью и необходимымъ спокойствіемъ въ плаваніи среди льдовъ, этотъ отважный мореплаватель далеко не достигъ возможнаго для него. Путешествіе его важно, однако, по своимъ послѣдствіямъ, именно тѣмъ, что ему предшествовали и сопровождали его споры о возможности плаванія полярными морями. Послѣ неудачи, Вудъ отказался отъ своихъ прежнихъ мнѣній и открыто заявилъ, что считаетъ донесенія прежнихъ изслѣдователей сѣвера сомнительными, а искомый путь въ Азію невозможнымъ. Мнѣніе это получило извѣстное значеніе, и хотя всегда были отважные люди, не раздѣлявшіе его, тѣмъ не менѣе экспедиціи въ сѣверныя моря Европы и Азіи совершенно прекратились.

Только два вѣка спустя, австрійская экспедиція Пейера и Вейпрехта въ 1872—74 годахъ имѣла прямое назначеніе открыть сѣверо-восточный путь. Она также не могла проникнуть далѣе на востокъ, но важна открытіемъ земли Францъ-Іосифа и многочисленными наблюденіями надъ климатомъ и вообще жизнью полярныхъ странъ.

Б. Русскія и норвежскія экспедиціи.

Въ то время, какъ европейскія экспедиціи одна за другою истощались въ тщетныхъ усиліяхъ найти сѣверо-восточный путь въ Азію и привели къ мысли о невозможности отыскать его, на сцену исторіи сѣверныхъ открытій все виднѣе и виднѣе выступалъ другой элементъ, подготовившій успѣхъ экспедиціи Норденшельда, по его же собственнымъ словамъ. То были русскіе, къ которымъ впослѣдствіи присоединились норвежцы.

Русскіе, какъ обладатели сѣвернаго побережья Европы и Сибири, были самими потребностями жизни побуждаемы къ хорошему ознакомленію съ нимъ. Мы видѣли, что какъ Баррофъ, такъ и другіе уже встрѣчали на пути своемъ множество ладей русскихъ промышленниковъ, имѣвшихъ вѣрныя свѣдѣнія объ окружныхъ моряхъ сѣвера. Скоро явились отважные русскіе люди, которые начали дѣйствовать въ этомъ направленіи систематически.

Стоитъ только взглянуть на карту европейско-азіатскихъ береговъ Ледовитаго океана, чтобы сразу опредѣлить, въ какихъ направленіяхъ должны были совершаться побережныя изысканія русскихъ моряковъ. Отъ устьевъ рѣки Кары сѣверные берега Европы и Сибири, направляясь къ сѣверо-востоку мимо устьевъ Оби и Енисея, углубляются далеко въ океанъ, образуя обширный полуостровъ Таймуръ, наиболѣе сѣверная оконечность котораго, мысъ Челюскинъ, немного не достигаетъ 78 градуса сѣв. шир. Затѣмъ берега снова послѣдовательно понижаются къ югу до широты острова Вайгача (70°), и Беринговъ проливъ лежитъ уже южнѣе ея. Полуостровъ Таймуръ

является, такимъ образомъ, наиболѣе недоступнымъ побережьемъ. Карское море, ограничиваемое имъ съ востока и Новою Землею съ запада, открыто своимъ широкимъ концомъ въ наиболѣе холодныя области льда и естественно вѣчно загромождено ледяными полями, между тѣмъ какъ болѣе южные, дальнѣйшіе берега Сибири по мѣстамъ прикрыты отъ полюса грядами острововъ — Новой Сибири и другихъ, до извѣстной степени мѣшающими льдамъ проходить къ материку. Естественно, что въ болѣе доступныхъ частяхъ моря и возникали стремленія изслѣдовать берега.

Дѣйствительно, изысканія русскихъ шли, съ одной стороны, отъ Бѣлаго моря къ сѣверо-востоку въ Карское море, а съ другой — отъ населеннаго берега Сибири къ востоку и къ западу. Но всѣ усилія отважныхъ мореплавателей не могли побѣдить трудности обхода Таймурскаго полуострова съ мысомъ Челюскинымъ (Сѣверо-Восточнымъ).

Нужно думать, что русскими уже издавна дѣлались въ обоихъ направленіяхъ многочисленныя изысканія, которыя, при негласности тогдашней русской жизни, остались неизвѣстными, какъ мы увидимъ изъ примѣра Дежнева. Тѣмъ не менѣе въ исторію сѣверныхъ открытій внесены многія русскія имена.

Какъ ни мало извѣстна исторія промысловъ русскаго сѣвера, несомнѣнно однако, что русскіе ходили на Шпицбергенъ за охотой на оленей и лисицъ, и ихъ разрушенные шалаши находятъ понынѣ на всѣхъ островахъ архипелага.

Въ одномъ старинномъ иностранномъ сочиненіи, именно Витцена, находится описаніе одной бѣдственной ловли русскими тюленей также и въ Карскомъ морѣ, въ 1690 году. Витцену разсказалъ о ней самъ герой этого происшествія, русскій лоцманъ, нѣкто Родіонъ Ивановъ. 1-го сентября указаннаго года, онъ съ двумя судами потерпѣлъ крушеніе въ южной части Карскаго моря. Зимою въ этомъ мѣстѣ ледъ наплываетъ огром-

ными массами и тѣснится другъ на друга съ страшнымъ шумомъ, наводящимъ ужасъ, «какъ будто весь міръ разрушается». При сильномъ вѣтрѣ на берега островов выступаетъ вода, покрывая огромныя пространства и оставляя открытыми только высокіе холмы. На одномъ изъ такихъ холмовъ, въ хижинѣ, построенной изъ глины, перемѣшанной съ кровью и шерстью моржей и тюленей, пріютился и провелъ зиму съ своими пятнадцатью спутниками Родіонъ Ивановъ, среди голода и всевозможныхъ лишеній. Одиннадцать человѣкъ экипажа погибли отъ скорбута, оставшихся въ живыхъ ограбили весною самоѣды, и только по счастливой случайности они спаслись, найденные и принятые русскими промышленниками.

Къ концу семнадцатаго вѣка русскія промышленныя и торговыя поѣздки въ сѣверныхъ моряхъ значительно уменьшились, что̀ приписываютъ нерѣдко будто бы послѣдовавшему измѣненію тамошняго климата. Болѣе вѣрная причина заключается въ томъ, что съ завоеваніемъ Сибири возникли сообщенія сухопутныя по всему побережью.

Обширныя земли Сибири постепенно открывались. Къ концу XVI-го вѣка казаки покорили большую часть бассейна Оби и Иртыша. Къ 1627 году открыты Енисей и Лена. Десять лѣтъ спустя, казакъ Елисей Буза, посланный въ Енисейскъ изслѣдовать рѣки, лежащія далѣе и впадающія въ Ледовитый океанъ, съ 10 казаками и 40 охотниками вышелъ въ устья Лены и по берегу добрался до устьевъ Оленека; прозимовавъ тамъ, онъ вышелъ въ Ледовитый океанъ и, послѣ счастливаго плаванія, нашелъ устья Яны. Въ слѣдующіе два года онъ снова ходилъ по морю и открылъ новую рѣку, впадающую въ одинъ изъ рукавовъ Яны.

Въ то же время Иванъ Постниковъ сухимъ путемъ дошелъ до Индигирки. Нѣсколько лѣтъ спустя, казакъ Михаилъ Стадухинъ нашелъ Колыму и въ 1644 году на берегу ея вы-

строилъ зимовье, превратившееся съ теченіемъ времени въ городъ, извѣстный подъ именемъ Нижнеколымска. Такъ главныя рѣки Сибири стали всѣ извѣстны, и розысканіе сообщеній моремъ изъ устьевъ одной въ другую стало вопросомъ времени.

Стремленіе подчинить себѣ чукчей и собирать съ нихъ дань скоро привело казаковъ къ морскимъ поискамъ, и уже въ 1646 году Исай Игнатьевъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ охотниковъ, спустился по Колымѣ въ океанъ. Онъ нашелъ въ морѣ льды, но вдоль береговъ былъ свободный отъ нихъ каналъ, и Игнатьевъ проплылъ до какого-то залива, собралъ дань съ чукчей и благополучно воротился въ Колыму. Эта удача и выгодные поборы съ инородцевъ побудили русскія власти послать въ слѣдующемъ году болѣе солидную экспедицію къ берегамъ Сѣвернаго океана.

Начальникомъ этой экспедиціи былъ Федоръ Алексѣевъ, и въ составѣ его экипажа находился казакъ, знаменитый впослѣдствіи Семенъ Ивановъ Дежневъ. Первая ихъ экспедиція успѣха не имѣла.

Но въ слѣдующемъ же 1648 году снаряжена новая, изъ семи судовъ, изъ которыхъ три, командуемыя Анкудиновымъ, Дежневымъ и Алексѣевымъ, совершили замѣчательное плаваніе. Выйдя изъ Колымы въ океанъ, они направились къ востоку. Вскорѣ судно Анкудинова разбилось, а Алексѣевъ былъ раненъ въ схваткѣ съ чукчами. Суда разошлись, такимъ образомъ, въ разныя стороны и уже не встрѣчались. Дежневъ остался одинъ съ своимъ судномъ и добрался по берегу до большого Чукотскаго носа, пройдя, такимъ образомъ, Беринговъ проливъ; среди бурь, при противныхъ вѣтрахъ, онъ долго блуждалъ по морю, пока, наконецъ, не разбилось и его судно. Тогда съ 25 спутниками онъ прошелъ на рѣку Анадыръ, впадающую въ Берингово море, и, не зная, какъ добраться до Колымы, расположился на зимовье, въ которомъ его нашли люди экспедиціи Стадухина.

Слухъ о существованіи въ океанѣ богатыхъ островов прельстилъ Стадухина. Въ 1647 году онъ спустился изъ Якутска по Ленѣ и, проведши зиму на ней, проѣхалъ на саняхъ къ Индигиркѣ. Тамъ онъ построилъ суда и прошелъ на нихъ изъ Индигирки въ Колыму. Въ 1649 году онъ снова вышелъ Колымою въ море и, слѣдуя берегомъ, также достигъ Анадыра. Здѣсь, собирая дань съ инородцевъ, онъ и нашелъ Дежнева.

Предпріимчивый Дежневъ въ 1653 и 1654 гг. вновь спустился къ устьямъ Анадыра. Здѣсь онъ узналъ, что Алексѣевъ и Анкудиновъ также проникали по берегу до Камчатки.

Открытіе пролива, отдѣляющаго Азію отъ Америки, оставалось, однако, долго неизвѣстнымъ, и донесенія Дежнева были найдены только впослѣдствіи академикомъ Миллеромъ, уже послѣ вторичнаго открытія пролива Берингомъ.

Между тѣмъ по сѣверному берегу Сибири плаваніе развивалось. Въ 1650 году Андрей Горѣлый спустился въ океанъ Индигиркой и объѣхалъ Святой Носъ.

Въ томъ же году казакъ Тимоѳей Болдаковъ отправился моремъ въ Колыму изъ Лены; льды въ океанѣ остановили его, и онъ рѣшился пройти на сушу по льду. Но ледъ неоднократно вдругъ распадался на тысячи обломковъ, и судно вѣтромъ отгоняло все дальше и дальше въ море. Когда море совсѣмъ замерзло, судно было брошено, а экипажу, обезсиленному голодомъ, скорбутомъ, стужею и постоянными трудами, удалось достигнуть берега близъ устьевъ Индигирки.

Всѣ эти факты указываютъ на постоянно существовавшее мореходство въ этой части Ледовитаго океана. Плававшіе тамъ говорили объ островахъ, лежащихъ къ сѣверу противъ устьевъ Колымы. Въ воеводство князя Барятинскаго въ Якутскѣ (1667—1678), во время переѣзда Никифора Малгина и купца Воропаева моремъ изъ Лены въ Колыму, лоцманъ привлекъ вниманіе всего экипажа на эти острова, а одинъ торговецъ

разсказывалъ Малгину, что три его судна были занесены къ нимъ вѣтрами, и тамъ найдены были остатки неизвѣстныхъ животныхъ. Эти слухи подали поводъ, въ началѣ восемнадцатаго вѣка, къ попыткамъ проникнуть на неизвѣстные острова то моремъ, то по льду на саняхъ.

Существуютъ извѣстія, будто бы казакъ Вагинъ и Пермаковъ, въ 1712, и Амосовъ, въ 1724 году, были на нихъ, проѣхавши туда на саняхъ. Въ періодъ времени отъ 1696 года, между тѣмъ, русскіе успѣли проникнуть въ Камчатку и завладѣли ею, познакомившись и съ Охотскимъ моремъ.

Такъ, къ началу восемнадцатаго вѣка путешествія казаковъ и промышленниковъ дали довольно вѣрныя въ общихъ чертахъ свѣдѣнія объ очертаніи земель и теченіи рѣкъ сѣверо-восточной Азіи. Однакоже открытіе Дежнева было или неизвѣстно, или возбуждало сомнѣнія, и вопросъ о томъ, соединяется ли Азія съ Америкой перешейкомъ, на подобіе Суэцкаго, или отдѣлена отъ нея проливами, считался нерѣшеннымъ.

Петръ Великій своимъ всеобъемлющимъ умомъ скоро постигъ значеніе точныхъ географическихъ изслѣдованій Сибири для торговли и промышленности его обширнаго государства, и съ его времени начинается рядъ большихъ экспедицій, снаряженныхъ на счетъ правительства. Первая изъ нихъ имѣла назначеніе изслѣдовать Камчатку. Начальникомъ ея былъ знаменитый Берингъ.

Члены экспедиціи выѣхали изъ Петербурга въ началѣ 1725 года, за три дня до смерти императора, везя съ собою матеріалы, необходимые для постройки и вооруженія судна въ Камчаткѣ.

Только въ іюлѣ 1728 года Берингъ могъ поднять паруса и начать изысканія. Направляясь къ сѣверо-востоку по берегамъ и достигнувъ сѣверо-восточнаго конца Азіи, на 68 град. сѣв. широты, онъ замѣтилъ, что берегъ направляется къ за-

паду. Заключивъ, что его миссія—рѣшить, отдѣляется ли Азія отъ Америки проливомъ, исполнена, онъ воротился въ Нижне-Камчатскій Острогъ.

Разсказы жителей Камчатки о большой землѣ на востокѣ, по другую сторону моря, побудили его, впрочемъ, въ слѣдующемъ году предпринять новое путешествіе, чтобы увѣриться въ ихъ истинѣ; но сильные противные вѣтры помѣшали ему достигнуть американскаго берега. Во второй половинѣ іюля (ст. с.) онъ прибылъ въ Охотскъ и немедленно отправился въ Петербургъ.

Камчатская экспедиція не опредѣлила, такимъ образомъ, ни положенія, ни сѣвернаго очертанія Азіи, ни положенія части Америки, сосѣдней съ Сибирью. Случились притомъ обстоятельства, которыя вызывали недовѣріе къ точности наблюденій, сдѣланныхъ Берингомъ. Тогда онъ предложилъ русскому правительству продолжать изслѣдованіе. Благодаря вліянію тогдашняго секретаря сената, Кирилова, предложеніе Беринга было принято, но при этомъ рѣшено произвести осмотръ всѣхъ сѣверныхъ береговъ Сибири. Въ виду невозможности долгаго плаванія въ короткое сѣверное лѣто, изслѣдованіе предположено сдѣлать по частямъ: одна морская экспедиція должна была обозрѣть берега отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, другая—отъ Оби до Енисея, третья—отъ Лены на западъ до Енисея, четвертая—отъ Лены на востокъ до Берингова пролива, а самъ Берингъ долженъ былъ осмотрѣть подробнѣе восточные берега Сибири и снять сѣверо-западные берега Америки.

Экспедиція изъ Архангельска къ устьямъ Оби, организованная изъ двухъ кораблей, подъ начальствомъ Павлова и Муравьева, вышла въ море въ іюлѣ 1734 года. Въ первый годъ она достигла Карскаго моря и воротилась зимовать въ Пустозерскъ на Печорѣ. Въ слѣдующемъ году она опять не могла перейти за пунктъ, достигнутый въ первый разъ.

Неудачи эти были отнесены къ дурной постройкѣ судовъ, и адмиралтейство вооружило еще два судна, отданныя въ команду Скуратову и Сухотину. Муравьева замѣнилъ Малыгинъ. 1-го іюня Малыгинъ спустился съ старыми судами къ устьямъ Печоры; но здѣсь одно судно погибло, и экипажъ его перевели на другое. Пройдя, среди постоянныхъ отъ льдовъ опасностей, до Долгаго острова, онъ встрѣтился тамъ съ новыми судами изъ Архангельска. Отсюда Малыгинъ и Скуратовъ на новыхъ судахъ направились къ рѣкѣ Карѣ и тамъ опять зимовали. Но въ слѣдующемъ году имъ удалось, наконецъ, пройти къ устьямъ Оби. Суда воротились затѣмъ въ 1739 году въ Архангельскъ, употребивъ на обратный путь два года.

Для экспедиціи отъ устьевъ Оби до Енисея Берингъ построилъ въ Тобольскѣ двухмачтовое судно и отдалъ его подъ команду лейтенанту Овцыну. Два года, въ 1734 и 1735, пытался Овцынъ пройти небольшое пространство, раздѣляющее устья Оби и Енисея, но безуспѣшно. Въ первый разъ ему помѣшали льды, во второй — цынга, которой заболѣли двѣ трети экипажа. Овцынъ отправился въ Петербургъ, чтобы дать отчетъ о своихъ плаваніяхъ, и предложилъ построить въ Тобольскѣ другое судно, которое должно было сопровождать его въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Адмиралтейство одобрило его планъ, но судно не поспѣло къ назначенному 1736 году, и Овцынъ долженъ былъ плыть при прежнихъ условіяхъ, — и опять неудачно. Наконецъ въ 1737 году, уже съ двумя судами, Овцыну и Кошелеву удалось достигнуть цѣли.

Въ слѣдующемъ году Овцынъ и Кошелевъ были отозваны въ Петербургъ по жалобѣ на нихъ подчиненныхъ, и мѣсто ихъ занялъ Мининъ, которому поручено было попытаться плыть на востокъ отъ Енисея къ мысу Таймурскому. Мининъ послалъ зимою своего помощника Стерлогова на саняхъ снять берега Таймурскаго полуострова, и въ слѣдующемъ году достигъ, по

его западному берегу, 75° широты, встрѣтивъ, повидимому, на пути довольно свободныя отъ льдовъ воды. Но далѣе онъ не пошелъ, за позднимъ временемъ года.

Экспедиція изъ Лены къ Енисею, въ составѣ двухъ кораблей и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ съ припасами, вышла изъ Якутска въ іюлѣ 1735 года, подъ начальствомъ Прончищева, легко спустилась по Ленѣ и въ половинѣ августа достигла устьевъ ея. Медленно идя на западъ, къ концу августа она достигла почти 77½° сѣв. широты и была, такимъ образомъ, на высотѣ самой сѣверной оконечности Азіи. Но тутъ корабль былъ окруженъ густыми массами льда, грозившими ежеминутно раздавить его. Прончищевъ хотѣлъ воротиться назадъ, но къ несчастію безвѣтріе держало судно на одномъ мѣстѣ. Наконецъ поднялся съ сѣвера жестокій вѣтеръ, который погналъ къ югу корабль вмѣстѣ съ льдами, подпиравшими его. Моряки начали опасаться катастрофы, но вѣтеръ разломалъ ледъ и освободилъ судно. Прончищевъ воротился къ устьямъ Оленека на зимовку; но здѣсь онъ умеръ, оплаканный подчиненными, которые очень любили его. Нужно сказать, что передъ самою экспедиціей онъ женился, и его молодая жена сопровождала его въ ней, подвергаясь, наравнѣ съ другими, опасностямъ и лишеніямъ плаванія. Она не пережила своего мужа и умерла нѣсколько дней спустя. Ихъ похоронили рядомъ на пустынномъ берегу Ледовитаго океана.

Принявшій команду послѣ Прончищева штурманъ Челюскинъ вернулся въ слѣдующемъ году въ Якутскъ, убѣжденный въ невозможности обогнуть сѣверную оконечность Азіи, и отправился въ Петербургъ сдѣлать докладъ въ этомъ смыслѣ. Адмиралтейство, однако, не раздѣляло воззрѣній Челюскина и приказало предпринять новое путешествіе. Мѣсто Прончищева занялъ лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ. Но эта вторая экспедиція, состоявшаяся въ 1739 году, не была счастливѣе первой. Ко-

рабль былъ затертъ льдами, а экипажъ вынужденъ зимовать въ незнакомой сѣверной странѣ. Не располагая болѣе судномъ, Лаптевъ рѣшился снять Таймурскій полуостровъ и его берега экскурсіями сухопутными.

Съ началомъ весны онъ отослалъ на Енисей всѣхъ безполезныхъ людей экипажа, а остальныхъ раздѣлилъ на три партіи, подъ начальствомъ своимъ, Чекина и Челюскина, изъ которыхъ каждая должна была снять часть берега, съ тѣмъ, чтобы потомъ сойтись на Енисеѣ. Предпріятіе было удачно выполнено. Но когда сложили куски отдѣльно добытыхъ картъ, оказалось, что самая сѣверная оконечность Азіи не была ни обойдена, ни снята. И только въ 1742 году Челюскинъ достигъ ее на саняхъ и снялъ на карту.

Вмѣстѣ съ экспедиціею Прончищева и въ такомъ же составѣ, вышла изъ Якутска въ 1735 году и спустилась по Ленѣ экспедиція Лассеніуса, имѣвшая назначеніе изслѣдовать берега на востокъ до Берингова пролива. Но, четыре дня спустя послѣ выхода изъ устьевъ Лены, она встрѣтила плотныя массы пловучихъ льдовъ и должна была остановиться на зимовку въ устьяхъ небольшой рѣки. Въ распоряженіи путешественниковъ было не мало пловучаго лѣса и съѣстныхъ припасовъ, и тѣмъ не менѣе большая часть экипажа погибла отъ цынги.

Узнавъ объ этомъ, Берингъ отправилъ къ мѣсту зимней стоянки Лассеніуса вспомогательную экспедицію, состоявшую изъ четырнадцати человѣкъ подъ командою лейтенанта Щербинина, который нашелъ въ живыхъ только священника, штурмана и семь матросовъ изъ пятидесяти трехъ человѣкъ, отправившихся годъ назадъ изъ Якутска.

Въ то же время Дмитрій Лаптевъ съ необходимымъ экипажемъ отправился туда же, чтобы вооружить судно и продолжать изслѣдованіе береговъ къ востоку. Въ августѣ онъ вышелъ въ море. Въ началѣ ему пришлось также бороться про-

тивъ льдовъ; но позже, когда уже передъ нимъ было свободное море, онъ рѣшилъ воротиться, считая время года слишкомъ позднимъ, и зазимовалъ въ одномъ изъ рукавовъ Лены. Цынга не замедлила снова появиться въ экипажѣ. Лаптевъ, насколько могъ, старался не дать ей усилиться; онъ приказалъ людямъ возможно больше работать на воздухѣ и лѣчилъ больныхъ.

Между тѣмъ якуты, обитавшіе въ этихъ странахъ, единогласно сообщали, что ледъ здѣсь никогда не таетъ, не отдѣляется отъ берега и не уходитъ въ открытое море. Лаптевъ, считая, на основаніи этихъ свѣдѣній, проектъ обойти моремъ Святой Носъ невыполнимымъ, послалъ въ этомъ смыслѣ донесеніе Берингу, который и уполномочилъ его отправиться въ Петербургъ донести обо всемъ Адмиралтейству. Адмиралтейство рѣшило, однако, снарядить новую экспедицію, но съ тѣмъ, что если не удастся и она, то уже оставить дальнѣйшія попытки и снять берега сухопутными экскурсіями.

Вторая экспедиція Дмитрія Лаптева, исполненная имъ въ 1739—1742 годахъ, была нѣсколько успѣшнѣе. Пробиваясь между льдами и останавливаясь на зимовья, гдѣ это становилось необходимымъ, онъ, изучая берега, успѣлъ пройти въ два года за устья Колымы; но здѣсь его встрѣтили сплошныя ледяныя поля, которыя вынудили его воротиться къ этой рѣкѣ и сухимъ путемъ достигнуть Анадыра. Онъ снялъ на карту теченіе этого послѣдняго въ 1741 и 1742 годахъ.

Въ то время, когда отважные русскіе люди, въ постоянной борьбѣ съ препятствіями сѣверной природы, изслѣдовали сибирскіе берега Ледовитаго океана, Берингъ отправился изслѣдовать сѣверо-западные берега Америки.

Въ 1740 году, съ двумя судами, изъ которыхъ однимъ онъ командовалъ самъ, а другимъ Чириковъ, онъ вышелъ изъ Охотска и, перезимовавъ въ Авачинской губѣ, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Петропавловскъ, въ іюнѣ слѣдующаго года пустился въ

открытое море. Буря скоро разлучила корабли. Направляясь къ сѣверу-востоку, Берингъ открылъ полуостровъ Аляску и Алеутскіе острова. Здѣсь вдругъ въ экипажѣ разразилась цынга. Слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы судно Беринга блуждало въ морѣ между Аляскою и Камчаткою среди густыхъ тумановъ, не зная, гдѣ находится, и ежеминутно рискуя погибнуть, пока, наконецъ, не наткнулось на островъ, получившій имя Беринга. Здѣсь шквалъ разбилъ судно о прибрежныя скалы, и экипажъ расположился на островѣ на зимовку. Большая часть людей не устояла противъ жестокихъ условій жизни и погибла; въ декабрѣ умеръ и самъ Берингъ. Остальные весною построили новое судно и, среди страшныхъ испытаній, въ одиннадцать дней добрались до береговъ Камчатки.

Между тѣмъ Чириковъ, потерявъ изъ виду Беринга, также добрался до берега Америки подъ 56° широты. Онъ послалъ на берегъ большую лодку съ вооруженными людьми и съ пушкою; но она не воротилась. Вѣроятно индѣйцы захватили ее и убили людей. Чириковъ послалъ другое судно отыскивать пропавшихъ; но и его постигла та же участь. Послѣ новой безплодной попытки, Чириковъ рѣшилъ воротиться въ Камчатку. Лишенный лодокъ, а потому и возможности сноситься съ берегами, онъ проплылъ вдоль Америки къ сѣверу, страдая все время отъ недостатка прѣсной воды, и затѣмъ, среди постоянныхъ тумановъ добрался, наконецъ, до Камчатки, потерявъ на пути 21 человѣка.

Но изслѣдованныя Берингомъ моря были не такъ недоступны и уже раньше него посѣщались русскими. Такъ, въ 1727 году, одно судно казачьяго головы въ Якутскѣ, Шестакова, съ геодезистомъ Гвоздевымъ, съ вѣдѣнія и при помощи правительства, объѣхало Камчатку, доходило до береговъ Америки и въ Беринговомъ проливѣ открыло группу островов, называемую Архипелагомъ Гвоздева.

Усилія русскаго правительства не остались и далѣе безъ поддержки и подражанія со стороны частныхъ людей, предпріимчивыхъ промышленниковъ. Въ 1743 году сержантъ камчатской команды Басовъ, съ московскимъ купцомъ Серебренниковымъ, плавалъ съ промышленными цѣлями опять до Берингова острова, зимовалъ тамъ и затѣмъ сдѣлалъ еще три такихъ же путешествія съ иркутскимъ купцомъ Трапезниковымъ.

Въ 1745 году, по слѣдамъ Басова, отправилось въ тѣ же мѣстности купеческое судно Чупрова, Чебаевскаго и Трапезникова, подъ начальствомъ тобольскаго крестьянина Неводчикова, и хотя плавало неудачно, но вывезло большое количество товара. Охотское и Камчатское моря посѣщаются затѣмъ все чаще и чаще. Въ 1758—1764 годахъ совершонъ былъ цѣлый рядъ промышленныхъ плаваній, причемъ открыты были всѣ Лисьи и Андреяновскіе острова. Плаванія Дружинина, Соловьева, особенно Шелехова, правительственныя экспедиціи въ 1768—1769 годахъ, капитана Креницына и Левашова въ 1790—1794 годахъ, наконецъ экспедиціи, еще въ 1739—1749 годахъ, Шпангберга и Вальтона, изъ Охотска въ Японію и пр. и пр. постепенно вводили сѣверныя моря Восточнаго океана въ область знанія и промышленной дѣятельности цивилизованныхъ народовъ.

Учрежденіе въ 1798 году «Россійско-Американской Компаніи» дало всему дѣлу правильный ходъ. Въ то же время обширныя ученыя изслѣдованія Сибири путешественниками Гмелинымъ, академикомъ Миллеромъ, Стеллеромъ, Крашенинниковымъ и большою экспедиціею, снаряженною Екатериною II, подъ начальствомъ знаменитаго Палласа, и пр., познакомили цивилизованный міръ съ отдаленными русскими владѣніями и открывали сухопутныя сношенія съ странами Востока.

Болѣе отдаленныя, не прибрежныя воды Сѣвернаго Ледовитаго океана, омывающаго берега Европы и Азіи, продолжа-

ютъ оставаться темною неразрѣшимою загадкою, грозящею гибелью тому, кто покусится нарушить ихъ вѣковѣчное одиночество и безлюдность. Но разъ начатыя изслѣдованія не прекращались, и попытки плаванія по Ледовитому океану нашли новыхъ представителей и въ Европейской Россіи, и въ Сибири.

Нужно сказать, что о Новой Землѣ давно уже ходили слухи, какъ о странѣ, наполненной богатствами. Слухи эти имѣли единственное основаніе въ найденныхъ тамъ блестящихъ какъ золото кварцевыхъ камняхъ, не имѣющихъ никакой цѣнности. Но легенда дѣлала свое дѣло, привлекая предпріимчивыхъ моряковъ къ новымъ и новымъ попыткамъ проникнуть въ эту мнимо богатую землю. Изъ предпринятыхъ туда поѣздокъ извѣстна экспедиція 1757 года Юшкова, убѣдившаго одного архангельскаго купца попытаться овладѣть сокровищами Новой Земли. Экспедиція, впрочемъ, не дала никакого результата, такъ какъ Юшковъ умеръ на пути.

Три года спустя, въ 1760 году, лоцманъ рыболовнаго судна, Савва Ложкинъ, предполагая справедливо, что восточные берега Новой Земли не посѣщаются другими промышленниками, задумалъ пройти туда для промысла. Благодаря своей настойчивости, онъ обогнулъ всю Новую Землю, употребивъ на то три лѣта. Объ этой экспедиціи сохранилось, къ сожалѣнію, мало извѣстій; но она доказала, что Новая Земля — островъ, въ чемъ сомнѣвались до того географы.

Мысль о сѣверо-восточномъ проходѣ на Востокъ, между тѣмъ, занимала еще многіе умы. Въ 1763 году Ломоносовъ подалъ, тогда генералъ-адмиралу, великому князю Павлу Петровичу, свое сочиненіе: «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію». Результатомъ была экспедиція Чичагова изъ Колы. Но встрѣтивъ непроходимые льды, она вернулась въ Архангельскъ.

Въ 1768 году, благодаря слухамъ о сокровищахъ Новой Земли, снаряжена была собственно туда для изслѣдованій и снятія острова на карту экспедиція лейтенанта Розмыслова, съ опытными помощниками Губинымъ и Чиракинымъ. Несмотря на дурное судно, Розмысловъ въ томъ году въ началѣ сентября доѣхалъ до Маточкина Шара, пролива, раздѣляющаго на-двое Новую Землю, и тщательно снялъ его. Съ вершины высокой горы, лежащей на восточномъ концѣ пролива, онъ увидѣлъ Карское море совершенно свободнымъ отъ льдовъ и путь къ Енисею открытымъ для плаванія; но судно его не годилось для дальнѣйшаго плаванія. Розмысловъ рѣшилъ зимовать въ восточномъ концѣ пролива, въ мѣстѣ, получившемъ имя Тюленьей губы. Въ октябрѣ Маточкинъ Шаръ замерзъ, и Карское море, насколько охватывалъ глазъ, покрылось пловучими льдами. Начались жестокія бури съ пронизывающимъ вѣтромъ, съ быстрыми измѣненіями температуры, и экипажъ долженъ былъ оставаться въ утлой хижинѣ безъ движенія и воздуха. При этихъ условіяхъ не замедлила появиться цынга; большая часть матросовъ заболѣла; семь человѣкъ, и между ними Чиракинъ, умерли.

Въ іюлѣ слѣдующаго года, когда очистился отъ льда Маточкинъ Шаръ, Розмысловъ, починивъ судно, пытался идти дальше по Карскому морю. Но на этотъ разъ, отойдя лишь нѣсколько миль къ востоку, въ виду неизбѣжной гибели, онъ долженъ былъ воротиться на мѣсто зимовки и потомъ въ Архангельскъ.

Въ Сибири изслѣдованія шли гораздо энергичнѣе. Въ 1760 году якутскіе купцы Шалауровъ и Баховъ, заручившись дозволеніемъ правительства, съ экипажемъ изъ бѣглыхъ солдатъ и ссыльныхъ, спустились по Ленѣ въ океанъ, намѣреваясь пройти на востокъ путемъ, проложеннымъ Дежневымъ. Имъ удалось, однако, дойти въ этомъ году только до Яны, гдѣ они и зимовали.

Въ слѣдующемъ году, держась береговъ, они обогнули опасный Святой Носъ и замѣтили на другой сторонѣ пролива, къ сѣверу, какую-то возвышенную землю. Это былъ островъ, впослѣдствіи названный, по имени открывшаго его, Ляховскимъ. Близъ Медвѣжьихъ острововъ, до которыхъ экспедиція дошла по свободному морю, при попутномъ вѣтрѣ, она встрѣтила первые пловучіе льды, и, какъ кажется, въ незначительномъ количествѣ. Но время года было позднее, и Шалауровъ разсудилъ зимовать по близости, въ устьяхъ Колымы.

Въ августѣ слѣдующаго года онъ снова вышелъ въ море; но противные вѣтры не допустили его обогнуть Шелагскій мысъ и заставили, послѣ многихъ бѣдствій, воротиться на зимовье прошлаго года. Шалауровъ предполагалъ въ слѣдующемъ году продолжать свое плаваніе, но экипажъ его взбунтовался; къ тому же и средства его истощились. Вынужденный вернуться въ Лену, онъ отправился въ Москву хлопотать о новой экспедиціи. Ему удалось получить средства отъ правительства, и въ 1764 году онъ снова вышелъ въ плаваніе. Эта поѣздка была роковая для него: онъ погибъ со всѣмъ экипажемъ.

По мнѣнію одного изъ участниковъ Врангеля въ экспедиціи 1823 года, онъ достигъ только Шелагскаго мыса, гдѣ найдены имъ остатки какого-то судна, избушки и человѣческія кости, оставшіеся здѣсь, по словамъ туземцевъ, отъ экспедиціи, бывшей здѣсь лѣтъ за 70 передъ тѣмъ. По другимъ свѣдѣніямъ, Шалауровъ прошелъ Беринговымъ проливомъ до Анадырской губы и здѣсь потерпѣлъ крушеніе.

Годомъ раньше послѣдней экспедиціи Шалаурова, въ 1763 году, сибирскій губернаторъ Чичеринъ снарядилъ экспедицію на саняхъ, подъ начальствомъ Андреева, съ цѣлью разузнать, продолжается ли американскій континентъ вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи, какъ то предполагали въ Сибири. Андреевъ, дѣйствительно, видѣлъ съ Медвѣжьихъ острововъ какія-то большія

земли въ Ледовитомъ океанѣ. Вѣроятно то былъ островъ, носящій его имя, или же земля Врангеля. Онъ направился къ нимъ по льдамъ на собакахъ, но не отъѣхалъ и двадцати верстъ отъ береговъ.

Для изслѣдованія этой земли въ 1769 году снаряжена была новая экспедиція. Она вышла изъ Колымы, намѣреваясь проѣхать туда по льду на собакахъ, но не успѣла не только достигнуть предполагаемой земли, но даже не увѣрилась въ ея существованіи.

Вскорѣ затѣмъ были открыты острова Новой Сибири, нерѣдко видѣнные и прежде моряками, плававшими вдоль береговъ Сибири. Именно, въ 1770 году, купецъ Ляховъ, направляясь къ сѣверо-западу отъ Святого Носа, достигъ острова, носящаго его имя, и затѣмъ нашелъ острова Малый и Котельный. Говорятъ, что этимъ открытіемъ онъ обязанъ стаду оленей, которыхъ видѣлъ съ Святого Носа идущими къ югу съ какой-то, очевидно, сѣверной земли. Въ награду Ляховъ получилъ исключительное право на открытыхъ имъ островахъ собирать мамонтовы клыки, которые доставили ему большія выгоды

По разъ проложенному Ляховымъ пути послѣдовали другіе. Въ 1805 году Сонниковъ открылъ острова Столбовой и Фадѣевъ. Сыроватскій въ 1806 г. первый былъ на Новой Сибири; въ 1808 г. Бѣлковъ нашелъ островокъ, названный его именемъ.

Споры, возникшіе между обладателями новооткрытыхъ земель, побудили тогдашняго канцлера Румянцова послать новую экспедицію, начальство надъ которою было поручено сосланному въ Сибирь, бывшему прежде секретаремъ значительнаго лица въ Петербургѣ, Геденштрему, который, при помощи Сонникова, и изслѣдовалъ острова Новой Сибири.

Въ своемъ третьемъ кругосвѣтномъ путешествіи, въ 1778 г. знаменитый Кукъ вошелъ проливомъ Беринга въ Ледовитый

океанъ и проплылъ по сѣверо-восточному берегу Азіи до лежащаго на долготѣ земли Врангеля мыса, названнаго имъ Сѣвернымъ (Иркайпій по Норденшельду) и переснялъ американскій берегъ Берингова пролива.

Успѣхъ экспедицій Кука и сдѣлавшіяся тогда извѣстными путешествія русскихъ промышленниковъ въ сѣверныя воды Тихаго океана побудили русское правительство снарядить въ 1785 году новую экспедицію, чтобы окончательно изслѣдовать сѣверные и восточные берега Россіи. Исполненіе плана, составленнаго Палласомъ и Коксомъ, ввѣрено было находившемуся на русской службѣ офицеру англійскаго флота Биллингсу, спутнику Кука въ его послѣднемъ путешествіи. Экспедиція была задумана въ широкихъ размѣрахъ, въ ней принимало участіе болѣе ста человѣкъ, и между ними ученые изслѣдователи. Но Биллингсъ оказался неспособнымъ руководить столь важнымъ плаваніемъ. Въ Ледовитый океанъ онъ зашелъ въ 1787 году лишь на короткое время, въ слѣдующемъ году попалъ въ губу противъ острова Св. Лаврентія и оттуда сухимъ путемъ переправился въ Якутскъ, въ сопровожденіи 11 человѣкъ.

Девятнадцатый вѣкъ—до Норденшельда—не присоединилъ важныхъ открытій въ изслѣдованіи сѣверныхъ береговъ собственно Сибири. Мореплаватели случайно заходили въ Ледовитый океанъ, не проникая, однако, далеко за Беринговъ проливъ. Такъ, Коцебу, въ свое знаменитое кругосвѣтное плаваніе 1815—1818 годовъ, прошелъ Беринговъ проливъ, но осматривалъ преимущественно американскіе берега. Литке, въ путешествіе 1826—1829 гг., не заходилъ далѣе пролива и острововъ, сосѣднихъ съ Чукотскимъ носомъ. Иностранные плаватели, какъ Муръ въ 1848—49 гг., Келлетъ въ 1849, Джонъ Роджерсъ въ 1855, Лангъ въ 1866 году, оставили только любопытныя описанія уже извѣстныхъ мѣстностей. Келлетъ, впрочемъ, первый присталъ къ острову, названному именемъ Врангеля.

Не успѣшнѣе были одновременныя, въ 1823 году, экспедиціи офицеровъ русскаго флота Анжу и Врангеля. Анжу тщетно пытался достигнуть земель, которыя предполагались существующими къ сѣверу и сѣверо-востоку. Врангель, оставившій превосходное описаніе посѣщенныхъ имъ странъ, преслѣдовалъ ту же задачу, предполагая на сѣверѣ континентъ. Оба они по льду не успѣли далеко отъѣхать отъ береговъ, а Врангель воротился на первый разъ убѣжденнымъ, что земля, которая была открыта впослѣдствіи и получила его имя, вовсе не существуетъ. Важность ихъ путешествій тѣмъ не менѣе несомнѣнна въ одномъ отношеніи: они доказали, что въ сосѣдствѣ полюса во времена наиболѣе низкой температуры море не покрыто сплошными льдами.

Въ 1843 году Миддендорфъ и Вагановъ изслѣдовали сухимъ путемъ полуостровъ Таймуръ. Наконецъ, въ 1876 году послана была правительствомъ экспедиція черезъ Беринговъ проливъ къ Землѣ Врангеля; но льды не позволили ни подойти къ ней, ни пройти къ западу.

Въ противоположность Сибири, изслѣдованіе сѣвера отъ береговъ Европы приняло въ девятнадцатомъ вѣкѣ вновь болѣе серьезные размѣры. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Розмыслова, въ 1807 году, горный инженеръ Лудловъ былъ посланъ на Новую Землю, чтобы болѣе тщательно провѣрить слухи о ея мнимыхъ богатствахъ. Лудловъ воротился, не открывши никакихъ минеральныхъ залежей, но далъ весьма тщательное геологическое описаніе острова; а его преемникъ, Поспѣловъ, составилъ подробное картографическое описаніе восточнаго берега Новой Земли.

Въ 1819 году русскимъ правительствомъ была снаряжена изъ Архангельска экспедиція лейтенанта Лазарева. Лазаревъ оказался совершенно неопытнымъ въ дѣлѣ плаванія по сѣверному морю. Обладая значительными, сравнительно съ предшествени-

ками, средствами, онъ не достигъ никакихъ результатовъ. Среди лѣта его экипажъ весь переболѣлъ скорбутомъ, а среди льдовъ и береговъ, покрытыхъ снѣгомъ, изъ котораго можно было добыть сколько угодно прѣсной воды, онъ жаловался на трудность достать ее.

Новая экспедиція на Новую Землю составилась года два спустя (въ 1821 — 1824 гг.), подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Литке, впослѣдствіи адмирала и графа. Она была организована съ учеными цѣлями и принесла наукѣ богатыя сокровища. Но Литке во всѣ четыре путешествія не перешелъ границъ, достигнутыхъ его предшественниками, и потому экспедиція его мало послужила собственно вопросамъ сѣвернаго плаванія.

Не безъ значенія была дѣятельность Иванова, снявшаго въ 1822 — 1828 гг. на карту берега между Карой и Печерой на самоѣдскихъ саняхъ.

Весьма замѣчательны путешествія Пахтусова, совершонныя въ 1832 — 1835 годахъ. Архангельскіе купцы Брандтъ и Клоковъ снарядили въ 1832 году большую экспедицію, съ цѣлью открыть путь къ Енисею и составить карту восточныхъ береговъ Новой Земли, гдѣ предполагали производить охоту на моржей. Три судна получили каждое свое назначеніе. Пахтусовъ, имѣвшій случай близко ознакомиться въ экспедиціи Иванова съ побережьемъ Ледовитаго океана и его жителями, долженъ былъ изслѣдовать Новую Землю, лейтенантъ Кротовъ со своимъ судномъ — пройти чрезъ Маточкинъ Шаръ къ Енисею, наконецъ, Гвоздаревъ — производить промыселъ, чтобы хоть частью покрыть издержки предпріятія. Пахтусовъ не могъ проникнуть въ Карское море и зимовалъ, первый изъ изслѣдователей Новой Земли, на югѣ ея, подъ $70\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. Принятыя имъ предосторожности долго предохраняли экипажъ отъ цынги, но весной болѣзнь все-таки появилась.

Слѣдующимъ лѣтомъ Пахтусовъ поднялся до 72½° сѣв. шир., нашелъ нѣсколько удобныхъ гаваней и, пройдя Маточкинымъ Шаромъ, воротился къ Печорѣ. Восточный берегъ Новой Земли, даже къ сѣверу отъ Маточкина Шара, былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ; но, къ сожалѣнію, Пахтусовъ не могъ продолжать

Адмиралъ Литке.

изслѣдованіе, такъ какъ жизненные припасы, привезенные имъ изъ Архангельска на 14 мѣсяцевъ, вышли. Лодка Гвоздарева, сопровождавшая Пахтусова, воротилась съ богатой добычей; но о суднѣ Кротова не было никакихъ извѣстій. Для отысканія его слѣдовъ русское правительство организовало новую экспедицію, подъ начальствомъ того же Пахтусова.

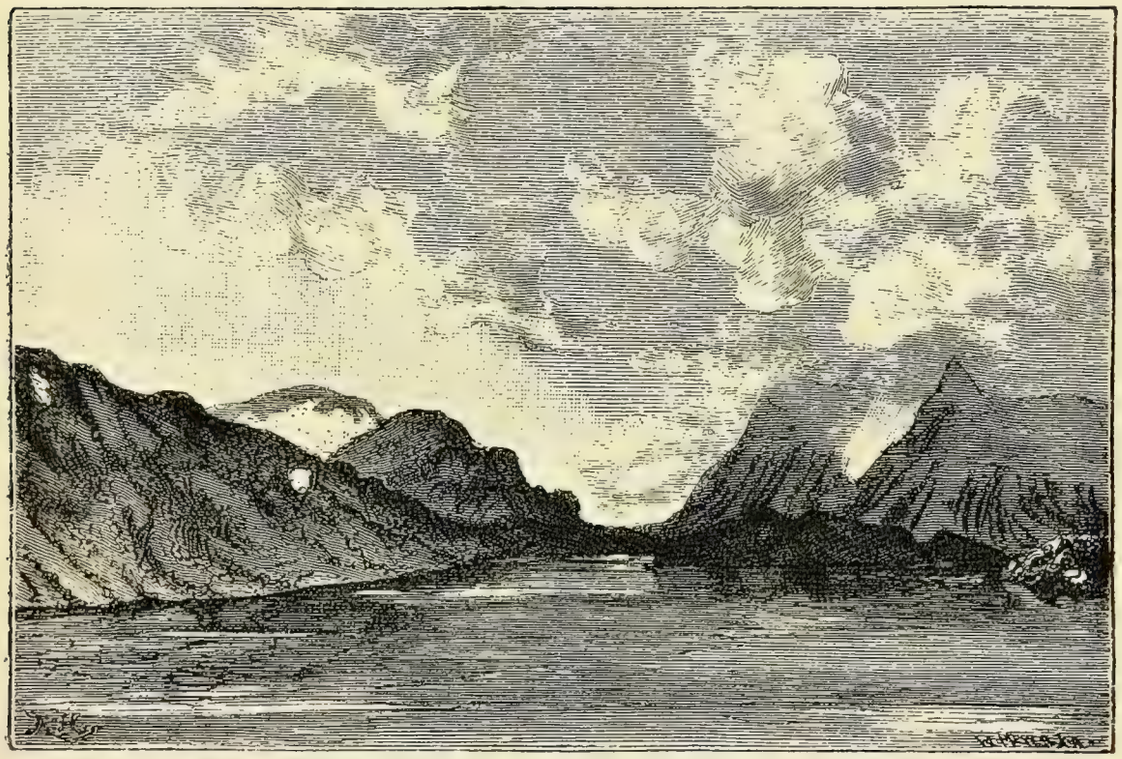
Два судна, изъ которыхъ однимъ командовалъ Пахтусовъ, а другимъ Циволка, прошли къ Новой Землѣ. Экспедиція провела зиму 1834 — 1835 года на южномъ берегу Маточкина Шара, изборожденномъ, какъ и всѣ берега пролива, остроконечными крутыми горами, достигающими высоты 1000 — 1200 метровъ и придающими странѣ своеобразно дикій видъ. Лѣтомъ Пахтусовъ тщетно пытался обойти сѣверный мысъ острова, но льды и бури сдѣлали предпріятіе невозможнымъ. Экспедиція воротилась въ Архангельскъ. Къ несчастью, вскорѣ затѣмъ Пахтусовъ умеръ. «Это была большая потеря — говоритъ Норденшельдъ: — по энергіи въ предпріятіяхъ, предусмотрительности, мужеству и настойчивости, этотъ морякъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди полярныхъ изслѣдователей. И не много, къ тому же, арктическихъ экспедицій могутъ сравняться съ его экспедиціями обиліемъ результатовъ для науки, многочисленностью астрономическихъ опредѣленій мѣстъ, геодезическихъ съемокъ, метеорологическихъ и мареграфическихъ наблюденій и пр.».

Въ 1837 году знаменитый натуралистъ Бэръ предпринялъ ученое путешествіе на Новую Землю, въ сопровожденіи Циволки, геолога Лемана, живописца Редера и препаратора Филиппова. Онъ посѣтилъ Маточкинъ Шаръ, проплывъ на лодкѣ до восточнаго его выхода, и видѣлъ Карское море совершенно чистымъ. Экспедиція принесла пользу наукѣ, но осталась въ предѣлахъ уже изслѣдованныхъ морей.

Чтобы окончить съемку Новой Земли, русское правительство снарядило въ слѣдующемъ 1838 году новую экспедицію, подъ начальствомъ опять Циволки и лейтенанта Моисеева. У начальниковъ ея не было однако предусмотрительности Пахтусова, и зимовка у Мелкой губы, на восточномъ берегу острова, обошлась дорого экспедиціи. Двадцать пять человѣкъ изъ экипажа заболѣли скорбутомъ, и девять изъ нихъ умерли. Въ числѣ

умершихъ былъ и самъ Циволка. Весною топографическимъ изслѣдованіямъ мѣшало то обстоятельство, что въ экспедиціи не оказалось очковъ съ дымчатыми стеклами для защиты глазъ отъ блестящаго снѣга — предосторожность, которой не забывалъ Пахтусовъ. Тѣмъ не менѣе значительная часть восточнаго берега была снята, и добыты были вообще цѣнныя свѣдѣнія.

Послѣ этого бѣдственнаго путешествія русскія экспедиціи на Новую Землю надолго прекратились, и во весь періодъ до Норденшельда было только два изслѣдованія сѣвера.



Маточкинъ Шаръ.

Въ 1860 году офицеръ русскаго флота, Павелъ Крузенштернъ, задумалъ предпринять полярную экспедицію на принадлежащемъ ему суднѣ «Ермакъ», находившемся тогда на Печорѣ. съ цѣлью снять берега Новой Земли по направленію къ востоку. Обстоятельства помѣшали ему самому стать во главѣ предпріятія, и онъ передалъ начальство надъ экспедиціей сыну своему, Павлу Крузенштерну младшему. Судно вышло

въ море въ самомъ концѣ августа. Въ три дня Крузенштернъ достигъ Карскихъ воротъ, которыя, какъ и далѣе Карское море, далеко на востокъ нашелъ совершенно чистыми. Но позднее время года и недостаточное вооруженіе судна заставили его, послѣ короткаго плаванія по Карскому морю, воротиться назадъ въ Печору.

Михаилъ Константиновичъ Сидоровъ.

Два года спустя, въ 1862 году, сдѣлана была новая попытка, организованная человѣкомъ, поклявшимся открыть сообщеніе моремъ между Европой и Сибирью. Это былъ извѣстный Михаилъ Константиновичъ Сидоровъ. «Ермакъ» былъ перевооруженъ, къ нему присоединено норвежское судно «Эмбріо», и начальство надъ экспедиціей поручено опять Крузенштерну младшему. Но это второе путешествіе Крузенштерна кончилось

бѣдственно. Выйдя въ началѣ августа изъ Печоры, экспедиція, задержанная бурями и противными вѣтрами, прошла только тринадцать дней спустя Югорскій Шаръ. Оба судна стали на якоряхъ у острова Вайгача. Нѣсколько часовъ спустя, массы льда проникли въ портъ и вынесли «Ермакъ» въ Карское море. Судно съ трудомъ освободилось и стало въ восточномъ

Крузенштернъ.

входѣ въ Югорскій Шаръ. Здѣсь мореплавателямъ пришлось выдержать суровую борьбу съ природой. Увлекаемое теченіями при безвѣтріи, судно долго противостояло опастностямъ сѣвера, но, наконецъ, было затерто льдами и брошено. Крузенштернъ съ экипажемъ по льдинамъ, нерѣдко перескакивая съ одной на другую, добрался до берега и, отдохнувъ въ самоѣдской стоянкѣ,

отправился въ Обдорскъ. Другое судно, «Эмбріо», во́-время ускользнуло отъ напиравшаго въ проливъ льда и вернулось благополучно въ Печору.

Экспедиція Крузенштерна была послѣднею русскою экспедиціею въ сѣверныя моря, если не считать экспедиціи Сидорова съ Шваненбергомъ и Нуммелиномъ, о которой будетъ сказано ниже. Мѣсто русскихъ заняли норвежцы, которые давно уже развивали у себя китовый промыселъ и, за оскудѣніемъ добычи на Шпицбергенѣ, стали искать болѣе богатой ловли на востокѣ отъ этого архипелага.

Первый норвежскій промышленникъ, посѣтившій Новую Землю, былъ Карлсенъ, извѣстный впослѣдствіи участіемъ въ австро-венгерской полярной экспедиціи 1872 — 74 годовъ, открывшей земли Франца-Іосифа за 80° сѣв. шир. Въ 1868 году, отправляясь на промыслы, онъ поплылъ къ востоку, прошелъ Карскими воротами въ Карское море и воротился Югорскимъ Шаромъ. Привлеченный изобиліемъ добычи, онъ повторилъ плаваніе въ слѣдующемъ году, успѣлъ проѣхать Карскимъ моремъ до Бѣлаго острова и воротился Маточкинымъ Шаромъ.

Примѣръ Карлсена не остался безъ подражанія. Въ 1869 году, въ маѣ и въ августѣ, Іоганнесенъ прошелъ тѣми же путями, изслѣдуя западные берега Новой Земли, и побывалъ на Бѣломъ островѣ, не встрѣтивъ нигдѣ льдовъ. Въ томъ же году англійскій путешественникъ Джонъ Паллизеръ, проѣхавъ Маточкинъ Шаръ и Карское море до Бѣлаго острова, воротился Югорскимъ Шаромъ съ богатой добычей. Удачи этихъ плавателей уничтожили страхъ передъ Карскимъ моремъ, доказавъ, что въ извѣстное время года оно очищается отъ льдовъ и потому доступно для судоходства.

Воротившись въ Норвегію, Іоганнесенъ послалъ Стокгольмской академіи наукъ мемуары о совершонномъ имъ плаваніи, а въ слѣдующемъ году объѣхалъ сѣверные мысы Новой Земли.

По проложенному пути устремились между тѣмъ другіе, и въ томъ же 1870 и слѣдующихъ годахъ, многіе промышленники (капитаны Ульве, Макъ, Квале, Недревагъ, Тобіесенъ и др.) совершили замѣчательныя плаванія въ Карскомъ морѣ, не проникнувъ далѣе предшественниковъ, но избороздивъ изслѣдованныя мѣстности во всѣхъ направленіяхъ. Карлсенъ, между прочимъ, открылъ мѣсто зимовки Барентса.

Въ 1872 году состояніе льдовъ у Шпицбергена и около Новой Земли было весьма неблагопріятно для путешествій, и нѣсколько научныхъ и промышленныхъ экспедицій были неудачны. Шведская полярная экспедиція и австро-венгерская встрѣтили многочисленныя препятствія и не достигли предположенныхъ цѣлей.

Между прочимъ погибъ въ этомъ году Тобіесенъ, одинъ изъ старѣйшихъ и отважнѣйшихъ норвежскихъ промышленниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ освоившійся съ опасностями сѣвернаго плаванія. Не находя возможности проникнуть въ Карское море, онъ пошелъ вдоль западныхъ береговъ Новой Земли, и въ половинѣ сентября былъ застигнутъ льдами. Семь человѣкъ его экипажа отправились въ шлюпкѣ къ югу искать судна, которое могло бы оказать имъ помощь, а самъ Тобіесенъ съ сыномъ и двумя матросами остался на суднѣ и приготовился къ зимовкѣ на берегу. Здѣсь Тобіесенъ и сынъ его умерли. Матросамъ, пережившимъ ихъ, удалось уйти къ югу въ лодкѣ и встрѣтить русскаго промышленника. Спаслись и семеро уѣхавшихъ раньше, послѣ различныхъ бѣдственныхъ приключеній попавъ къ самоѣдамъ.

Но въ 1874 году состояніе льдовъ было опять благопріятно, и множество промышленниковъ снова появились въ Карскомъ морѣ. Между прочимъ, въ этомъ году посѣтилъ Карское море англичанинъ, капитанъ Виггинсъ. Дальше предшественниковъ, однако, эти изслѣдователи опять не проникли.

Въ слѣдующихъ 1875 и 1876 годахъ, экспедиціи къ сѣверо-востоку сдѣлали новый и важный шагъ, доказавшій возможность сношеній Европы съ устьями Енисея. Но честь этого успѣха уже принадлежитъ Норденшельду.

Примѣръ Норденшельда немедленно вызвалъ подражанія. Въ томъ же 1876 году капитанъ Виггинсъ дошелъ до Енисея, поднялся по нему въ лабиринтѣ островов, но долженъ былъ тамъ зимовать; а въ слѣдующемъ году судно его было разбито ледоходомъ. Вслѣдъ затѣмъ шведскій пароходъ «Фразеръ», снаряженный на средства Сибирякова, въ 1877 году пришелъ съ товарами въ Енисей изъ Гаммерфеста и благополучно возвратился назадъ.

Сдѣлана была удачная попытка плаванія изъ Енисея и съ русской стороны. Въ 1876 году Сидоровъ соорудилъ въ Енисейскѣ судно «Сѣверное Сіяніе», съ цѣлью отправить на немъ разные товары въ Европу, поручивъ его командованіе русскому капитану, курляндцу Шваненбергу, и его помощнику, финляндскому уроженцу Нуммелину. Разныя обстоятельства помѣшали экспедиціи выйти въ томъ же году изъ устьевъ Енисея, и она расположилась зимовать на островѣ Брюховскомъ. Нуммелинъ и четыре матроса остались здѣсь, въ то время какъ Шваненбергъ съ остальнымъ экипажемъ уѣхалъ въ Енисейскъ. Настали холода, трое изъ подчиненныхъ Нуммелина погибли отъ цынги и были замѣнены другими. Въ половинѣ іюня начался ледоходъ и половодье. Вода поднялась такъ высоко, что Нуммелинъ съ своими товарищами и двумя собаками должны были провести цѣлую недѣлю между жизнью и смертью на крышѣ непрочнаго барака, въ которомъ они зимовали, отталкивая баграми ледъ, ежеминутно грозившій зданію. Наводненіе было такъ ужасно, что застало врасплохъ даже птицъ; онѣ не находили мѣста, гдѣ сѣсть, стаями слетались на крышу Нуммелина и садились даже на головы измученныхъ людей и со-

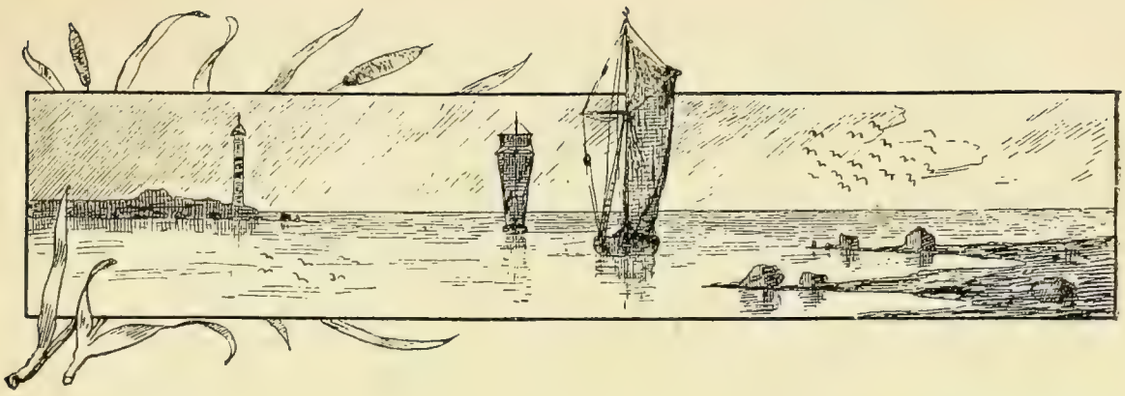
бакъ. Судно «Сѣверное Сіяніе» погибло при этомъ. Но Шванепбергъ купилъ у одного англичанина шлюпъ «Утренняя Заря», построенный также въ Енисейскѣ, и въ августѣ съ Нуммелиномъ и небольшимъ экипажемъ вышелъ на немъ въ устья Енисея. Здѣсь онъ встрѣтилъ пароходъ Сибирякова «Фразеръ»,

«Утренняя Заря».

капитанъ котораго тщетно пытался отговорить его отъ рискованнаго предпріятія. «Утренняя Заря» вышла въ море, въ половинѣ августа была у Бѣлаго острова, прошла Карскія ворота, къ сентябрю пришла въ Вардэ, въ октябрѣ — въ Христіанію, въ ноябрѣ—въ Стокгольмъ и, наконецъ, въ Петербургъ. По-

всюду въ Швеціи и Норвегіи горячо привѣтствовали отважныхъ моряковъ. Ихъ судно было первое и долго единственное, которое совершило плаваніе отъ города Енисейска въ Европу.

Длинный рядъ удачныхъ и неудачныхъ плаваній по сѣвернымъ берегамъ Европы и Азіи, сопряженныхъ съ столькими усиліями и бѣдствіями, подготовилъ сѣверо-восточный путь на Востокъ. По частямъ всѣ моря, лежащія на этомъ пути, были уже неоднократно пройдены, и только самая сѣверная оконечность Азіи, Челюскинъ мысъ, оставался еще дѣвственнымъ въ этомъ отношеніи. Нуженъ былъ только отважный и опытный морякъ, который принялъ бы на себя этотъ подвигъ. Такой человѣкъ явился въ лицѣ Норденшельда.



ГЛАВА ВТОРАЯ.

А. Э. Норденшельдъ.

Адольфъ Эрикъ Норденшельдъ родился въ Гельсингфорсѣ въ 1832 г. Дѣтство и первую молодость онъ провелъ въ своемъ отцовскомъ имѣніи Фрюгордъ, въ Нюландской губерніи. Предки Норденшельда были большіе любители естествознанія, и въ Фрюгордѣ съ теченіемъ времени составились большая библіотека и нѣсколько богатыхъ естественно-историческихъ коллекцій. Мальчика, такимъ образомъ, съ дѣтства пріохотили заниматься естественными науками, а отецъ къ тому же часто бралъ его съ собой въ свои путешествія.

Тринадцати лѣтъ Норденшельдъ поступилъ въ гимназію въ Борго, гдѣ сначала такъ плохо успѣвалъ, что былъ даже оставленъ въ одномъ классѣ на второй годъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался, однако, однимъ изъ лучшихъ учениковъ и 17-ти лѣтъ поступилъ въ университетъ.

Здѣсь Норденшельдъ вполнѣ отдался своей любимой наукѣ — естествознанію, и въ это время отецъ передалъ въ его вѣдѣніе свои богатыя коллекціи. Во время каникулъ ему позволяли

предпринимать экскурсіи въ Питкеранта, Таммела, Паргасъ и другія мѣстности, извѣстныя своими минеральными богатствами.

Въ 1853 году Норденшельдъ сдалъ экзаменъ на степень кандидата философіи и затѣмъ сопровождалъ отца въ его ученомъ путешествіи на Уралъ. По возвращеніи, Норденшельдъ продолжалъ свои занятія при университетѣ и вскорѣ получилъ степень доктора философіи. Потомъ онъ посѣщалъ нѣкоторые университеты за границею и принималъ участіе въ одной шведской экспедиціи на Шпицбергенъ. Въ 1858 году Норденшельдъ былъ избранъ въ профессора и назначенъ директоромъ минералогическаго отдѣленія при шведскомъ государственномъ музеѣ. Это было эпохою въ его жизни. Въ послѣднихъ числахъ декабря онъ отправился изъ Гельсингфорса черезъ Аландъ въ Стокгольмъ и при этомъ такъ нетерпѣливо спѣшилъ къ своему новому и почетному назначенію, что на конькахъ перебѣжалъ Аландское море по такому слабому льду, что на пути ему пришлось три раза выкупаться.

Спокойная жизнь профессора и ученаго директора не соотвѣтствовала, однако, характеру Норденшельда; его тянуло къ опаснымъ полярнымъ путешествіямъ.

Издавна стоявшій передъ человѣкомъ неразрѣшимою загадкою таинственный и величественный полярный міръ имѣетъ свои красоты, неотразимо влекущія къ себѣ пытливый умъ.

Никакое живое воображеніе не въ состояніи нарисовать себѣ тѣхъ поразительныхъ явленій, какія представляетъ природа сѣвера. Нужно видѣть роскошное сѣверное сіяніе, появляющееся вмѣстѣ съ огненными метеорами, чтобы имѣть понятіе, до чего неистощима природа въ ея разнообразіи. На арктическомъ небѣ особеннымъ блескомъ сіяютъ звѣзды, а вслѣдствіе сильнаго преломленія лучей, какъ на раскаленныхъ пескахъ Сахары, возникаютъ миражи: гдѣ, быть можетъ, собралось нѣсколько льдинъ—кажутся высокія горы, глубокія пропасти—

гдѣ земля совершенно ровна. Тамъ море покрыто необозримыми ледяными полями, по своему протяженію равняющимися цѣлымъ государствамъ Европы; тамъ въ глубину моря свергаются громадныя ледяныя горы, которыя затѣмъ несутся далеко къ югу, какъ страшныя привидѣнія таинственныхъ сѣверныхъ странъ.

Своеобразный міръ животныхъ и растеній полонъ причудливыхъ формъ, не встрѣчающихся въ другихъ странахъ. Все здѣсь обращаетъ на себя любопытный взглядъ ученаго, и въ экспедиціяхъ, возникавшихъ обыкновенно по побужденіямъ торговаго характера, всегда принимали участіе люди науки, стремившіеся видѣть и изслѣдовать жизнь приполярныхъ странъ.

Уроженецъ сѣвера, глубоко любившій суровую природу его и, какъ мы видѣли, всѣмъ своимъ воспитаніемъ какъ бы подготовленный къ подвигамъ полярнаго путешественника, Норденшельдъ скоро нашелъ удобный случай для удовлетворенія своей любознательности и страсти къ путешествіямъ. Въ томъ же 1858 году, когда состоялось его назначеніе директоромъ шведскаго государственнаго музея, онъ уже принимаетъ съ другими учеными участіе въ шведской экспедиціи Тореля на Шпицбергенъ. Въ 1861 году Торель повторилъ экспедицію, и Норденшельдъ опять былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ ея. Наконецъ, въ 1864 году, экспедиція на тѣ же острова отправляется уже подъ начальствомъ самого Норденшельда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Путешествіе на Шпицбергенъ.

Группа острововъ, извѣстная подъ именемъ Шпицбергенъ, лежитъ приблизительно между 76—80° сѣв. широты и состоитъ изъ одного главнаго острова, собственно Большого Шпицбергена, и множества маленькихъ острововъ. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: островъ Принца Карла на западѣ и Сѣверовосточная Земля на востокѣ; послѣдній островъ отдѣляется отъ Большого Шпицбергена проливомъ Гинлопенъ.

Сѣвернѣе Сѣверовосточной Земли находится группа такъ называемыхъ Семи острововъ и Столовый островъ. На юго-востокѣ Сторфіордъ или Большой проливъ отдѣляетъ отъ Большого Шпицбергена острова Барентса и Стансъ-Форелэндъ или Землю Эдге; къ югу отъ послѣдняго лежитъ Тысяча острововъ. Большой Шпицбергенъ, Земля Эдге и Сѣверовосточная Земля высоки, гористы и пересѣкаются большими заливами; внутри они сплошь покрыты льдомъ, который сообщается съ заливами посредствомъ глетчеровъ. Послѣдніе ровны, безъ возвышеній и

зубцовъ, какъ въ Альпахъ, что объясняется ровнымъ уклономъ долинъ Шпицбергена. Такъ какъ глетчеры эти доходятъ до самаго моря, то изъ нихъ не вытекаетъ рѣкъ. Почва здѣсь постоянно мерзлая, ключей нѣтъ. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ октября до февраля, солнце совсѣмъ не восходитъ, а въ лѣтніе мѣсяцы лучи его такъ наклонны, что чрезвычайно мало согрѣваютъ почву. Температура значительно понижается къ тому

Ледяной фіордъ.

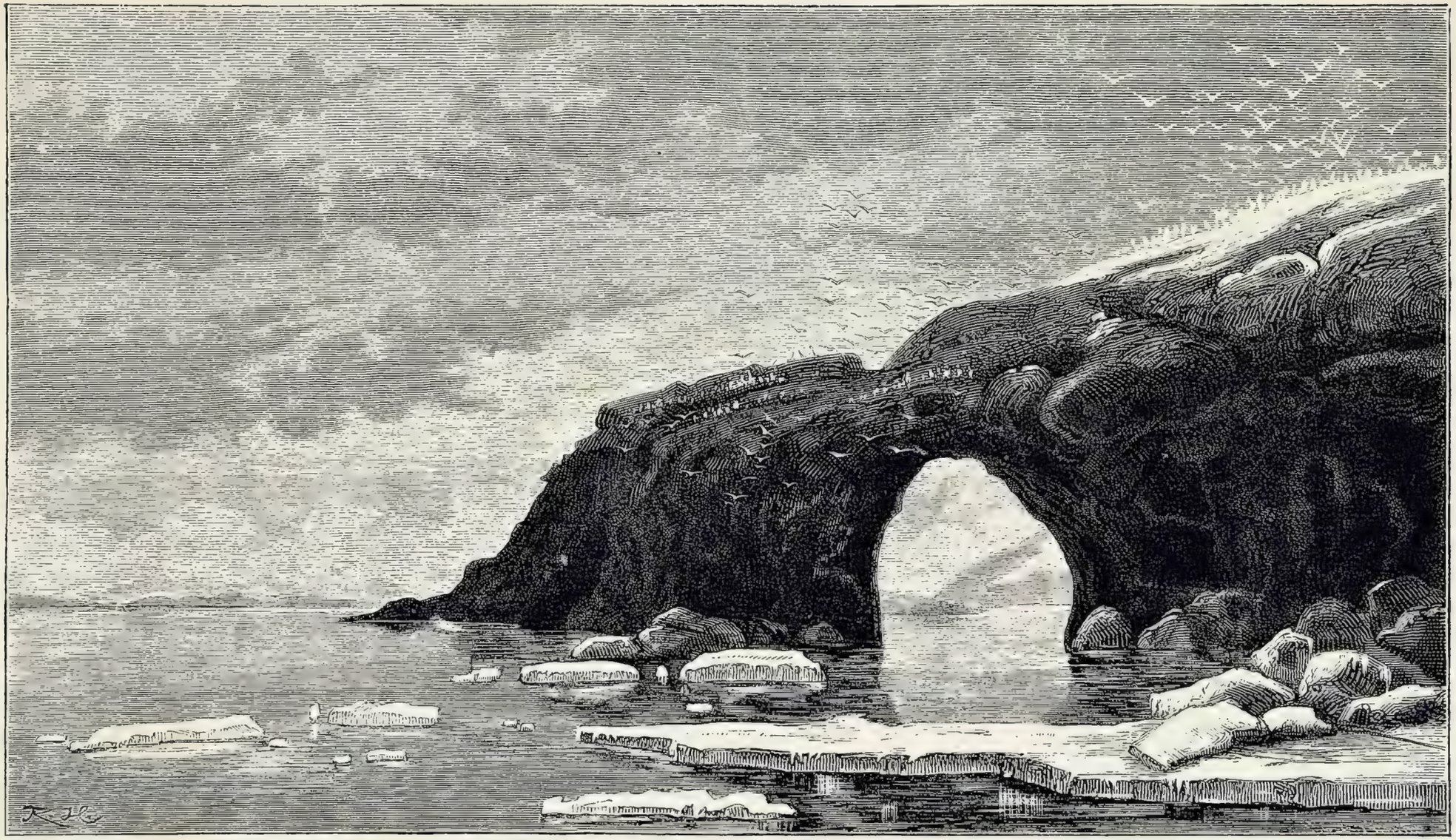
же и постоянно господствующими вѣтрами, не встрѣчающими никакихъ препятствій на ледяныхъ равнинахъ. Ясныхъ дней на Шпицбергенѣ почти вовсе нѣтъ; непроницаемый туманъ покрываетъ всю страну, осаждаясь то мелкимъ пронизывающимъ дождемъ, то переходя въ снѣжную мятель, даже лѣтомъ. Погода очень непостоянна: то полнѣйшее затишье, то сильный порывистый вѣтеръ. Растительность крайне бѣдна; встрѣчается лишь нѣсколько породъ злаковъ, мха и лишаевъ. Въ прямой

зависимости отъ растительности находится и царство животныхъ; изъ млекопитающихъ здѣсь водятся только олени, бѣлые медвѣди, песцы и полевыя мыши; однѣхъ птицъ — безчисленное множество.

Словомъ, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь во всемъ ея грозномъ величіи природу крайняго сѣвера, и только благодаря положенію Шпицбергена среди моря и теплому Гольфштрому, омывающему его западные берега, климатъ на немъ нѣсколько менѣе суровъ, чѣмъ подъ тѣми же широтами въ Баффиновомъ заливѣ и въ проливѣ Мельвиля.

До позднѣйшаго времени Шпицбергенъ былъ очень мало изслѣдованъ. Лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали предпринимать туда экспедиціи съ ученою цѣлью, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ англичанамъ. Послѣ нихъ на Шпицбергенъ ходилъ французскій корветъ, подъ начальствомъ капитана Фабра. Наконецъ, въ 1858 и 1861 гг. были, какъ выше сказано, шведскія экспедиціи Тореля, сдѣлавшія тщательныя опредѣленія, главнымъ образомъ, сѣверо-восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ береговъ Шпицбергена, изслѣдованія геологическія, измѣренія морского дна, наблюденія надъ магнитизмомъ земли, температурою воздуха и пр. Ими же констатировано, что Гольфштромъ достигаетъ сѣверной оконечности Шпицбергена. Чтобы пополнить свѣдѣнія относительно Шпицбергена и окружающихъ его острововъ, правительство Швеціи отправило туда въ 1864 г. третью экспедицію подъ начальствомъ Норденшельда. Тамъ нашихъ путешественниковъ ждали всѣ испытанія суровой природы.

Экипажъ небольшого и не совсѣмъ удобнаго судна состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ смѣлыхъ и опытныхъ моряковъ. Въ первыхъ числахъ іюня корабль на буксирѣ выведенъ былъ изъ Тромсэ между шхерами въ море; но сильная буря заставила путешественниковъ простоять нѣсколько дней.



Мѣсто выводки чайки-бургомистра.

Когда буря стихла, корабль снялся съ якоря и, при попутномъ западномъ вѣтрѣ, направился въ открытое море. Утесистый берегъ Норвегіи скрылся за горизонтомъ, и передъ смѣлыми путешественниками открылось со всѣхъ сторонъ безконечное водное пространство.

Утромъ 17-го іюля показался Медвѣжій островъ, самый восточный изъ острововъ Шпицбергена. Полярный міръ привѣтствовалъ путешественниковъ прекраснымъ лѣтнимъ днемъ. Островъ представляетъ равнину, расположенную на 100—150 футовъ надъ поверхностью моря. Въ южной и сѣверо-восточной части острова возвышаются двѣ горы въ видѣ терасъ; одна изъ нихъ вышиною до 1200 футовъ. Голая, пустынная равнина, пересѣченная множествомъ мелководныхъ озеръ, оканчивается крутымъ обрывомъ у самаго моря. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти высокіе береговые утесы отдѣляются отъ моря узкимъ, низкимъ и ровнымъ песчанымъ берегомъ, представляющимъ удобное мѣсто отдыха громаднымъ стадамъ моржей, посѣщающихъ въ извѣстное время года этотъ островъ. Множество моржевыхъ костей, разбросанныхъ здѣсь, свидѣтельствуютъ объ ужасномъ истребленіи, которое производилось здѣсь корыстолюбивыми звѣроловами. Внутренняя часть острова крайне пустынна. Кое-гдѣ пробивается тощій стебелекъ на безплодной землѣ, и лишь изрѣдка какая-нибудь заблудившаяся водяная птица или кричащая чайка нарушаютъ мертвую тишину этой пустыни.

Зато на берегу кипитъ совсѣмъ иная жизнь. Тысячи птицъ, высиживающихъ свои яйца въ ущельяхъ скалъ, и многочисленныя стаи водяныхъ птицъ шевелятся у подошвы утесовъ, добывая себѣ пищу съ богатаго морского дна, между тѣмъ какъ другія, крича и ссорясь, кружатся въ воздухѣ. Здѣсь же у берега, въ ущельяхъ, защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ, можно найти сравнительно роскошную растительность. Олени вовсе не

водятся на островѣ, но зато встрѣчаются лисицы, а зимою изрѣдка попадаются бѣлые медвѣди, которые на пловучихъ льдинахъ переправляются сюда съ Большого Шпицбергена. Лѣтомъ островъ почти постоянно покрытъ туманами. Эти туманы происходятъ вслѣдствіе того, что теплыя воды Гольфштрома встрѣчаются здѣсь съ холодными водами полярнаго теченія. Густой туманъ и громадныя льдины, которыя лѣтомъ скопляются у береговъ этого острова, часто затрудняютъ кораблямъ доступъ къ нему.

Но въ этихъ, въ настоящее время столь пустынныхъ странахъ, за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ царствовалъ тропическій, жаркій климатъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ остатки великолѣпныхъ дубовыхъ лѣсовъ и проч., которые были найдены на островѣ въ каменно-угольныхъ пластахъ. Тамъ, гдѣ эти деревья когда-то зеленѣли и въ тѣни своей давали защиту и пищу слонамъ, антилопамъ, тапирамъ и другимъ животнымъ жаркихъ странъ, теперь колышется Ледовитое полярное море, и только утесы Медвѣжьяго острова свидѣтельствуютъ о томъ материкѣ, роскошные берега котораго когда-то возвышались здѣсь надъ волнами.

Такъ какъ пристать къ берегу было довольно трудно, то путешественники, бросивъ якорь, спустили лодки и направились вдоль берега, отвѣсныя скалы котораго, съ выдолбленными въ нихъ исполинскими пещерами и арками, имѣли видъ громаднаго и могущественнаго города, превратившагося въ развалины. Высадившись на берегъ, путешественники нашли избу безъ оконъ и дверей. Норденшельдъ исправилъ ее, насколько было возможно, перенесъ туда свои фотографическіе аппараты и, такимъ образомъ, эта старая изба превратилась въ фотографическую мастерскую, изъ которой было снято нѣсколько видовъ. Передъ отъѣздомъ онъ распорядился вбить желѣзный болтъ въ одну изъ скалъ у уровня моря, чтобы впослѣдствіи можно было

видѣть значительное повышеніе земли, постоянно замѣчаемое въ сѣверныхъ странахъ.

Возвратившись на корабль, путешественники направились къ сѣверу. Скоро вдали у горизонта показался какой-то сіяющій блескъ. Этотъ блескъ означалъ, что за горизонтомъ находятся невидимыя для глаза ледяныя поля.

20-го іюня, утромъ, на сѣверѣ показалась широкая полоса льда. Это былъ пловучій ледъ, который вскорѣ сталъ попадаться въ такомъ громадномъ количествѣ, что плыть дальше было уже невозможно. Вѣтеръ совершенно стихъ, и густой туманъ окуталъ все море непроницаемымъ бѣлымъ покрываломъ. Небольшія льдины вблизи корабля казались теперь отдаленными исполинскими ледяными горами. Вслѣдствіе этого, смѣлымъ путешественникамъ было очень трудно выпутаться изъ ледяного лабиринта. Наконецъ, туманъ разсѣялся; но даже съ самой высокой мачты нельзя было открыть свободнаго отъ льда моря.

Послѣ трехдневнаго плаванія и постоянной борьбы съ пловучимъ льдомъ, Норденшельду удалось, наконецъ, благодаря свѣжему попутному вѣтру, на высотѣ Чарльзъ-Форелэнда пробиться и достичь подвѣтренной стороны Шпицбергена. 25-го іюня якорь былъ брошенъ въ Гавани Спасенія въ Ледяномъ заливѣ, который расположенъ на срединѣ западнаго берега Шпицбергена. Всѣ слѣдующіе дни на морѣ свирѣпствовала сильная сѣверо-западная буря; но въ заливѣ, который былъ окруженъ высокими горами, было совершенно спокойно. Однако буря нанесла такъ много льда къ устью залива, что не предвидѣлось возможности скоро выбраться оттуда.

Чтобы какъ можно лучше воспользоваться этой непредвидѣнной остановкой, рѣшено было на лодкахъ предпринять нѣсколько экскурсій во внутрь острова, для изслѣдованія этой малоизвѣстной мѣстности.

Утромъ 5-го іюля путешественники высадились на одномъ мысѣ, вытащили лодку на берегъ и начали свои работы.

Мѣстность была чрезвычайно живописна. Неподалеку отъ берега возвышалась высокая каменная гора, нижняя часть которой состояла изъ слоя сѣраго гипса, въ которомъ какъ будто вкраплены были бѣлые алебастровые шарики, на подобіе нитки жемчуга. Вершина горы состояла изъ какого-то чернаго камня, надъ которымъ высились слои сѣраго камня, покрытаго мѣстами ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ. За этою горой возвышалась другая гора, еще болѣе великолѣпная, названная горою Храма, стѣны которой круто спускались въ море. Громадные черные слои, покрывавшіе верхъ этой горы, были очень правильно расположены въ видѣ готическихъ арокъ, и вслѣдствіе этого вся гора имѣла видъ колоссальной церкви въ развалинахъ. У подножія ея заливъ былъ такъ тихъ и покоенъ, что пловучія льдины и скалы ясно отражались въ немъ въ самыхъ фантастическихъ формахъ.

Безчисленное множество птицъ, высиживавшихъ свои яйца на обрывистыхъ стѣнахъ горы, оживляли эту великолѣпную картину мирной природы далекаго сѣвера. Многочисленные маленькіе острова въ заливѣ были буквально усѣянны гнѣздами гагъ. Гаги высиживаютъ здѣсь свои яйца на низменныхъ островахъ, отъ которыхъ рано отходитъ ледъ, вслѣдствіе чего эти мѣста дѣлаются недоступными для лисицъ. Вмѣстѣ съ гагами на плоскихъ мѣстахъ кладутъ яйца дикіе гуси и чегравы, а на вершинахъ выступающихъ скалъ—чайки.

Тотъ, кто не посѣщалъ подобной мѣстности, врядъ ли можетъ представить себѣ ту кипучую жизнь, споры и ссоры, постоянно происходящіе между птицами. Островъ усѣянъ гнѣздами, лежащими такъ близко одно отъ другого, что съ трудомъ можно пройти между ними. Гага почти всегда сидитъ на своихъ яйцахъ; рядомъ съ ней садится великолѣпный самецъ,

дающій своимъ жалобнымъ крикомъ знать о приближеніи опасности. Гага старается высидѣть какъ можно больше яицъ, и потому, если ей случится потерять какое-либо изъ нихъ, она тотчасъ крадетъ другое у своей сосѣдки. Чайки и другія хищныя птицы выжидаютъ всегда случая разорить гнѣздо гаги, а затѣмъ ссорятся изъ-за добычи. Но человѣкъ все-таки самый опасный врагъ ихъ; промышленники часто пріѣзжаютъ къ этимъ островамъ, собираютъ всѣ яйца и весь пухъ, а птицъ убиваютъ, вслѣдствіе чего численность этой красивой и полезной птицы сильно уменьшается.

Здѣсь Норденшельдъ и его товарищи остались до слѣдующаго дня, чтобы набрать минераловъ и поохотиться за оленями, пасшимися на узкой полосѣ у подножія горы. Между тѣмъ, вокругъ мыса, у котораго остановились путешественники, накопилось столько пловучихъ льдинъ, что они вынуждены были остаться здѣсь долѣе, чѣмъ предполагали, и потому снова разбили свою только-что снятую палатку. Вскорѣ въ пловучихъ льдинахъ образовался проходъ. Снявъ поспѣшно палатку, путешественники отчалили лодку, чтобы, уловивъ удобную минуту, переплыть на другую сторону берега. Дождливая погода, стоявшая въ теченіе всего дня, смѣнилась мало-по-малу одной изъ тѣхъ великолѣпныхъ солнечныхъ ночей, которыя на высокомъ сѣверѣ замѣняютъ теплые лѣтніе дни юга. Безъ особенныхъ приключеній путешественникамъ удалось пробраться между льдинами, за которыми оставалось пройти самое незначительное пространство, чтобы затѣмъ свободно достигнуть другого берега. Но уже издали можно было замѣтить, что отверстіе въ ледяной массѣ быстро уменьшается. Всѣ налегли на весла, чтобы скорѣе пробраться, но, несмотря на всѣ усилія, вскорѣ увидѣли себя совершенно окруженными пловучимъ льдомъ, смыкавшимся съ сильнымъ трескомъ и шумомъ. Всѣ попытки добраться до другого берега были напрасны.

Скоро пловучій ледъ столкнулся съ твердымъ ледянымъ полемъ, вслѣдствіе чего мгновенно образовались сильные водовороты, начавшіе быстро крошить мелкія льдины. Одна громадная льдина, величиною въ небольшую гору, вертѣлась въ подобномъ водоворотѣ недалеко отъ лодки, дробя и отталкивая всѣ попадавшія на пути льдины. Съ каждымъ поворотомъ она приближалась къ лодкѣ, и нѣсколько мгновеній казалось, что она неминуемо разобьетъ ее. Но въ этомъ именно и было спасеніе для нашихъ путешественниковъ. Когда льдина пронеслась мимо, они быстро выбрались въ отверстіе по узкому каналу, образовавшемуся за нею вплоть до берегового льда, и скоро добрались туда. Теперь они спокойно могли смотрѣть на величественное зрѣлище, какъ пловучій ледъ съ трескомъ и грохотомъ сталкивался съ твердымъ береговымъ льдомъ, нагромождая на него цѣлыя горы обломковъ. Путешественники раскинули палатки, сварили кофе и затѣмъ легли отдохнуть.

Спустя нѣсколько часовъ они поплыли дальше, слѣдуя берегомъ, и по временамъ останавливались для отдыха и научныхъ изслѣдованій. Путь этотъ былъ чрезвычайно утомителенъ, такъ какъ имъ все время приходилось отталкиваться отъ наплывавшихъ на нихъ льдинъ, или прорубать ихъ, чтобы пробраться впередъ.

Послѣ многихъ усилій и опасностей имъ удалось только 12-го іюля прибыть въ Рождественскій заливъ (Advent Bay). На берегу его они нашли русскую избу; сложенныя въ кучи вокругъ нея бочки, развѣшанные куски сухого оленьяго мяса и т. п. свидѣтельствовали, что домикъ былъ обитаемъ. Они застали въ немъ одного изъ обитателей, который принялъ изнуренныхъ путешественниковъ очень радушно и гостепріимно и охотно подѣлился съ ними своимъ небольшимъ запасомъ хлѣба, попросивъ взамѣнъ пороху. Въ послѣднемъ, очевидно, очень нуждалась маленькая колонія, состоявшая изъ трехъ норвежцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и разсчитывавшихъ воз-

вратиться на родину вмѣстѣ съ норвежскими китоловами. Въ тотъ же день путешественники отправились назадъ въ гавань Спасенія. Они нашли корабль цѣлымъ и невредимымъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставили. Тамъ стали уже безпокоиться о нихъ и выслали людей на поиски. Къ счастью высланные люди воротились на другой же день.

Утромъ 17-го числа корабль вышелъ изъ Ледяного залива и поплылъ вдоль береговой полосы къ Бельзунду; но путники подвигались впередъ очень медленно, такъ какъ вѣтеръ понемногу затихъ, и густой туманъ повисъ надъ моремъ непроницаемымъ покрываломъ. На пути предпринимали опять экскурсіи на берегъ.

Утромъ 30-го іюля корабль сталъ на якорѣ въ превосходной гавани, защищенной отъ моря множествомъ шхеръ и тремя большими островами. На этихъ островахъ гнѣздится безчисленное множество гагъ, почему ихъ и прозвали Пушными островами. Сюда въ іюнѣ постоянно приходятъ промысловыя суда собирать яйца и гагачій пухъ, и экипажи этихъ судовъ объѣдаются яйцами и дичью.

Бросивъ якорь, Норденшельдъ и его товарищи отправились на берегъ одного изъ острововъ. Время выведенія птенцовъ только-что миновало, и даже тѣ гаги, гнѣзда которыхъ остались неразрушенными, уже покинули островъ и плавали у береговъ, въ сопровожденіи своихъ птенцовъ. Вмѣстѣ съ гагами путешественниковъ встрѣтили здѣсь большія стаи чегравъ, защищавшія съ такимъ крикомъ и такъ смѣло свои гнѣзда, что предпочли не тревожить ихъ. На берегу материка встрѣчаются безчисленныя стаи люриковъ, вьющихъ гнѣзда въ щеляхъ между камнями. Эти птицы водятся здѣсь въ такомъ множествѣ, что на полетѣ ихъ съ перваго взгляда можно принять за тучи; другія сидятъ такъ тѣсно на обломкахъ камней, что однимъ выстрѣломъ можно убить 10—12 штукъ.

На одномъ изъ острововъ путешественники нашли маленькую кучу изъ девяти человѣческихъ череповъ. Разсказываютъ, что здѣсь какимъ-то англійскимъ судномъ былъ разграбленъ русскій корабль, а весь экипажъ его умерщвленъ. Подобныя преступленія нерѣдко совершались, къ сожалѣнію, въ этихъ краяхъ, и преступники оставались обыкновенно безнаказанными. Тѣмъ не менѣе случилось однажды, что подобное преступленіе неожиданнымъ образомъ было открыто и наказано. Одна русская ладья оставила своего шкипера и двухъ матросовъ на Шпицбергенѣ. По возвращеніи домой, въ Архангельскъ, преступники объявили, что товарищи ихъ погибли при несчастномъ случаѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ норвежскій шкиперъ нашелъ на островѣ человѣческій скелетъ и рядомъ съ нимъ прикладъ ружья, весь изрѣзанный надписями. Изъ этихъ надписей и узнали о преступленіи; хозяинъ ружья былъ тотъ самый русскій шкиперъ, который съ двумя матросами былъ злонамѣренно оставленъ взбунтовавшимся экипажемъ и умеръ съ голоду. Норвежскій шкиперъ отослалъ ружейный прикладъ съ печальною повѣстью въ Архангельскъ, и безчеловѣчное злодѣяніе понесло заслуженную кару.

Продолжая плаваніе, Норденшельдъ 9-го августа сталъ, наконецъ, на якорѣ на восточной сторонѣ Шпицбергена, въ скалистомъ гигантскомъ Сторфіордѣ. Короткое полярное лѣто уже кончалось; оставалось не болѣе шести недѣль, которыя можно было посвятить научнымъ изслѣдованіямъ, и путешественники стали предпринимать частыя экскурсіи. Между прочимъ они совершали въ высшей степени трудное и опасное восхожденіе на высокую и крутую гору Бѣлую. Но зато, когда имъ удалось достигнуть вершины, они вполнѣ были вознаграждены величественнымъ видомъ, который открылся здѣсь предъ ихъ глазами. Внизу подъ ними разстилались усѣянные многочисленными островками синеватые лиманы, съ ихъ узкими заливами, далеко

проникающими въ сушу; въ дальнихъ проливахъ виднѣлось нѣсколько парусныхъ судовъ; противоположную сторону представляла другая, не менѣе величественная картина: горныя вершины были освѣщены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, а высоко надъ всѣми этими горами возвышалась, какъ церковь надъ домами въ городѣ, огромная гора Горизундъ, самая высокая на Шпицбергенѣ. Глубокое, почти торжественное молчаніе царило надъ всей этой грандіозной картиной.

Всюду на Шпицбергенѣ и окружающихъ его островахъ встрѣчается множество моржевыхъ костей, кучами лежащихъ на берегахъ; онѣ свидѣтельствуютъ объ истребительной войнѣ, которая ведется норвежскими промышленниками противъ этихъ кроткихъ и беззащитныхъ млекопитающихъ. Моржи очень общежительны. Большія стада ихъ можно видѣть расположившимися на пловучихъ льдинахъ, другіе плаваютъ вокругъ льдинъ и стараются своими клыками прогнать кого-нибудь изъ тѣсно скучившихся товарищей, чтобы погрѣться на солнышкѣ. Попасть гарпуномъ въ моржа довольно трудно, такъ какъ онъ очень пугливъ; но когда въ перваго попали, и бичевка отъ гарпуна прикрѣплена къ лодкѣ, другіе моржи тотчасъ собираются на крикъ раненаго товарища и сами становятся легкою добычею. Несмотря на довольно значительную силу, моржъ рѣдко защищается, развѣ только, когда потеряетъ дѣтеныша. Встрѣтивъ въ морѣ спящаго моржа, ловцы всегда сперва пугаютъ его, а потомъ уже кидаютъ въ него гарпунъ. Дѣлаютъ это, конечно, не изъ великодушія къ спящему врагу, а для того, чтобы моржъ съ просонокъ не подумалъ, что на него напалъ товарищъ, и въ первую минуту не вздумалъ бы ударить своими клыками лодку.

Зимою, когда пловучій ледъ исчезаетъ, моржей можно видѣть тысячами на низкихъ песчаныхъ берегахъ, на которые неуклюжее животное легко взбирается. Замѣтивъ подобное стадо,

ловцы приближаются къ нему на нѣсколькихъ лодкахъ съ подвѣтренной стороны, чтобы моржи не почуяли опасность и не успѣли во́-время спастись. Но когда лежащіе близко къ берегу изъ нихъ убиты и образуютъ какъ бы валъ, чрезъ который остальные не въ состояніи бѣжать, начинается страшная бойня, оканчивающаяся съ уничтоженіемъ послѣдняго моржа. Промышленники вытапливаютъ изъ него сало, а туловище оставляютъ на мѣстѣ, которое дѣлается надолго сборищемъ медвѣдей и чаекъ, пирующихъ надъ трупами.

10-го августа въ ту же гавань, гдѣ стоялъ Норденшельдъ, прибылъ норвежскій корабль. Норденшельдъ немедленно отправился къ капитану судна, чтобы узнать, не имѣется ли писемъ; но ихъ не было.

При слѣдующей стоянкѣ на якорѣ, путешественники снова поднялись на очень высокую гору. Спуститься съ этой горы было труднѣе, чѣмъ войти. Одинъ человѣкъ изъ экипажа хотѣлъ пройти ближайшею дорогою и весело побѣжалъ по ледяному косогору, къ величайшему ужасу другихъ, которые знали, что подобныя ледяныя поля обыкновенно прерываются громадными трещинами. Вдругъ бѣжавшій круто остановился, и подошедшіе товарищи увидѣли его стоящимъ на краю бездонной пропасти; стѣны ея состояли изъ ледяныхъ, лазуреваго цвѣта утесовъ, а внизу все сливалось въ темно-голубую тьму.

Утромъ 25-го числа, при благопріятномъ свѣжемъ вѣтрѣ, путешественники поплыли вдоль сѣверо-западнаго берега Шпицбергена къ сѣверу. Вдругъ совершенно неожиданный случай задержалъ ихъ. Въ одномъ проливѣ они замѣтили лодку съ людьми, которые изо всѣхъ силъ гребли къ кораблю. Очевидно, это были мореходцы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе. Норденшельдъ приказалъ править къ нимъ. Вскорѣ экипажъ лодки вступилъ на корабль. Несчастные разсказали, что ихъ судно было раздавлено льдомъ, и что Норденшельдъ долженъ приготовиться

принять еще шесть лодокъ съ людьми, потерпѣвшими крушеніе,—всего 37 человѣкъ, составлявшихъ экипажъ трехъ погибшихъ судовъ. Они блуждали уже въ теченіе 14-ти дней въ надеждѣ встрѣтить какое-нибудь судно. Перелѣзая черезъ бортъ на корабль Норденшельда, они плакали; но это были уже слезы радости.

Послѣ обѣда встрѣтилась еще одна лодка. Недоставало пяти. Они разсѣялись, чтобы искать какой-нибудь корабль и назначили сборнымъ мѣстомъ Гавань Спасенія въ Ледяномъ заливѣ. Норденшельдъ рѣшилъ отправиться туда и тамъ ожидать ихъ прибытія, и 4-го сентября принялъ на корабль всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе. Одна изъ лодокъ встрѣтила, впрочемъ, въ Ледяномъ заливѣ два маленькихъ судна съ ловцами, которые обѣщали принять 10 человѣкъ, и такимъ образомъ у Норденшельда осталось только 27. Продолжать путь къ сѣверу съ этими новыми товарищами безъ необходимаго запаса воды и пищи было бы неблагоразумно, и какъ ни тяжело было Норденшельду прекратить свое путешествіе, онъ тѣмъ не менѣе отдалъ приказаніе плыть на югъ.

Вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ Норденшельдъ имѣлъ теперь на своемъ маленькомъ суднѣ 42 человѣка—финляндцевъ, шведовъ, норвежцевъ и лапландцевъ. 4-го сентября они оставили Ледяной заливъ и въ ночь съ 11-го на 12-е, во время сильнаго тумана, достигли шхеръ передъ Тромсэ. Сгорая отъ нетерпѣнія скорѣе получить извѣстія изъ дому, Норденшельдъ приказалъ спустить лодку, въ которой, съ нѣсколькими товарищами, прибылъ въ Тромсэ 13-го рано утромъ, а корабль пришелъ на другой день вечеромъ.

Въ 1868 году, съ помощью заинтересованныхъ людей въ Готенбургѣ и шведскаго правительства, Норденшельду удалось снарядить новую полярную экспедицію, въ распоряженіе которой былъ отданъ шведскій почтовый пароходъ «Софія».

Цѣлью экспедиціи было употребить лѣто на научныя изысканія на Шпицбергенѣ и окружающихъ его моряхъ, а потомъ осенью попытаться проникнуть, насколько возможно, къ сѣверу. Результаты этой экспедиціи были блистательны, и 19-го сентября шведскій сине-желтый флагъ развѣвался съ мачтовыхъ верхушекъ «Софіи» на высшей сѣверной широтѣ (81° 42′), какой когда-либо до тѣхъ поръ достигало европейское судно. Впослѣдствіи только двѣ сѣверо-полярныя экспедиціи проникли немного дальше, а именно, до 82° 16′ и 82° 27′.

Несчастный случай съ кораблемъ принудилъ Норденшельда вернуться обратно. Ночью, во время ужасной бури, «Софію» ударило такъ сильно о ледяную гору, что въ ней открылась течь, и экипажу стоило величайшихъ усилій, чтобы удержать корабль на водѣ до прибытія къ Шпицбергену. Тамъ поврежденіе было исправлено, и экспедиція вернулась въ Швецію.

Въ 1872 г. Норденшельдъ еще разъ отправился на Шпицбергенъ; это была зимняя экспедиція, имѣвшая цѣлью на саняхъ проникнуть къ сѣверному полюсу. Предпріятіе, однако не увѣнчалось успѣхомъ, несмотря на всѣ усилія отважнаго мореплавателя, и въ августѣ слѣдующаго 1873 г. Норденшельдъ вернулся въ Тромсэ.

Послѣ путешествій на Шпицбергенъ, Норденшельдъ началъ неутомимо готовиться къ новому, планъ котораго, основанный на знаніи сѣвера, онъ составилъ еще во время послѣдней поѣздки. На этотъ разъ предполагалось отправиться на востокъ, къ Новой Землѣ, Карскому морю и къ устью Енисея.

Норденшельдъ хотѣлъ доказать, что мореплаваніе между Европой и устьями рѣкъ сѣверной Сибири было возможно. Въ срединѣ лѣта 1875 года онъ отправился на маленькомъ кораблѣ «Прэвенъ» изъ Тромсэ. Поѣздка эта, какъ уже сказано въ предыдущей главѣ, удалась какъ нельзя лучше. Съ устьевъ Енисея Норденшельдъ отправилъ «Прэвенъ» обратно, а самъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными, поѣхалъ вверхъ по Енисею и далѣе черезъ Сибирь и Россію въ Финляндію.

Это было поистинѣ тріумфальное шествіе Норденшельда: во всѣхъ значительныхъ городахъ его встрѣчали восторженно, не говоря о Финляндіи, которая встрѣтила его, какъ родного сына.

Въ 1876 году Норденшельдъ совершилъ еще разъ такую же удачную во всѣхъ отношеніяхъ поѣздку къ устью Енисея и обратно, доказавъ, такимъ образомъ, что успѣхъ «Прэвена» не зависѣлъ отъ случайныхъ благопріятныхъ условій, но что этотъ путь дѣйствительно возможенъ и даже удобенъ для мореплаванія, если умѣть пользоваться для того надлежащимъ временемъ года. Какъ мы видѣли, примѣръ Норденшельда тотчасъ же вызвалъ удачныя подражанія.

Изъ всѣхъ своихъ плаваній Норденшельдъ вынесъ богатый опытъ и необыкновенное знаніе Сѣвера. Въ его геніальной головѣ зародилась тогда мысль совершить путешествіе, подобнаго которому не было со временъ Колумба и Васко-де-Гамы,— именно, объѣхать Европу и Азію столь манившимъ многихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сѣверо-восточнымъ путемъ, по сѣвернымъ берегамъ Сибири. Онъ проницательно и прежде угадывалъ, что представленія о жизни Сѣвера, существовавшія до него въ цивилизованномъ мірѣ, невѣрны.

Послѣ столькихъ бѣдственныхъ попытокъ, сѣверо-восточный путь казался недоступнымъ, и ни одинъ корабль уже не отва-

живался на смѣлую попытку, хотя, какъ мы видѣли, отдѣльныя части этого длиннаго берега были изслѣдованы русскими мореходцами. Совершенно невозможнымъ находили въ особенности проѣздъ мимо самаго сѣвернаго мыса Азіи, Челюскина, котораго никто еще не огибалъ и описаніе котораго Челюскинымъ подвергалось къ тому же сомнѣнію. Предполагали, что массы льда образуютъ здѣсь непроницаемую стѣну, противъ которой напрасно боролись бы человѣческій умъ и сила.

Норденшельдъ былъ другого мнѣнія. Громадная масса теплой воды, которую большія сибирскія рѣки весною и лѣтомъ изливаютъ въ море, необходимо должна, по его воззрѣнію, во время лѣта образовывать вдоль берега болѣе или менѣе широкое пространство свободной отъ льда воды, въ родѣ судоходнаго канала. Затѣмъ, вслѣдствіе движенія земного шара, здѣсь, по вычисленію Норденшельда, должно находиться быстрое теченіе къ востоку, способствующее очищенію этого фарватера отъ льда. Изъ своихъ предыдущихъ путешествій къ Шпицбергену, Норденшельдъ убѣдился, что осень—самое благопріятное время года для полярныхъ экспедицій; ледъ тогда разрыхленъ лѣтнимъ теплымъ воздухомъ и не скучивается большими массами, а разносится по всѣмъ направленіямъ теплыми вѣтрами и морскими теченіями, и потому, несмотря на осеннія бури и мракъ, господствующіе въ это время года въ полярныхъ странахъ, плаваніе тамъ именно осенью представляетъ значительныя преимущества.

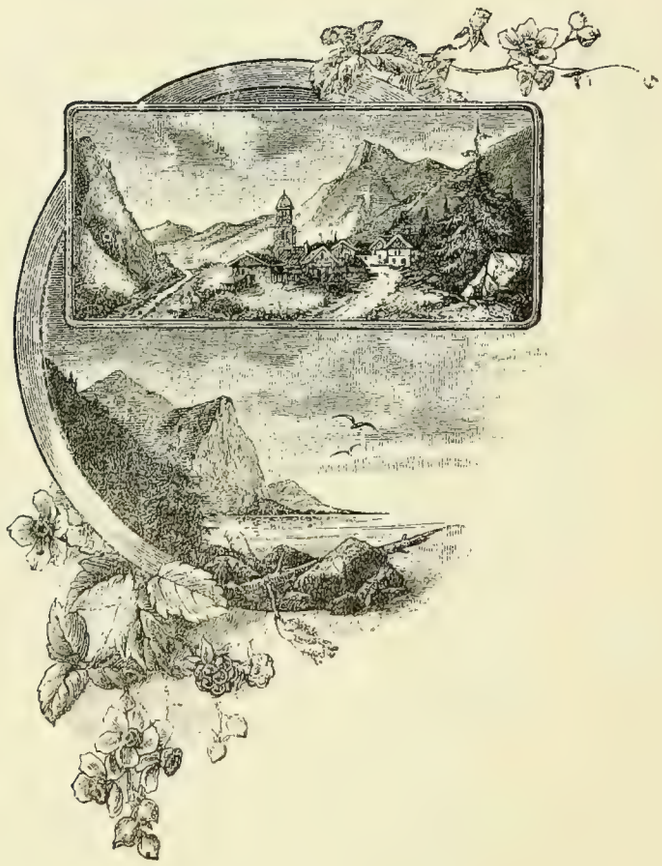
Прежнія неудачи Норденшельдъ приписывалъ какъ незнанію этихъ условій природы Сѣвера, такъ и тому, что суда, на которыхъ совершались экспедиціи, были слишкомъ несовершенны и не приноровлены къ долгому плаванію среди льдовъ. Теперь, когда въ его распоряженіи могло быть крѣпкое паровое судно, возможность удачнаго плаванія по берегамъ Сѣвера казалась ему внѣ сомнѣнія.

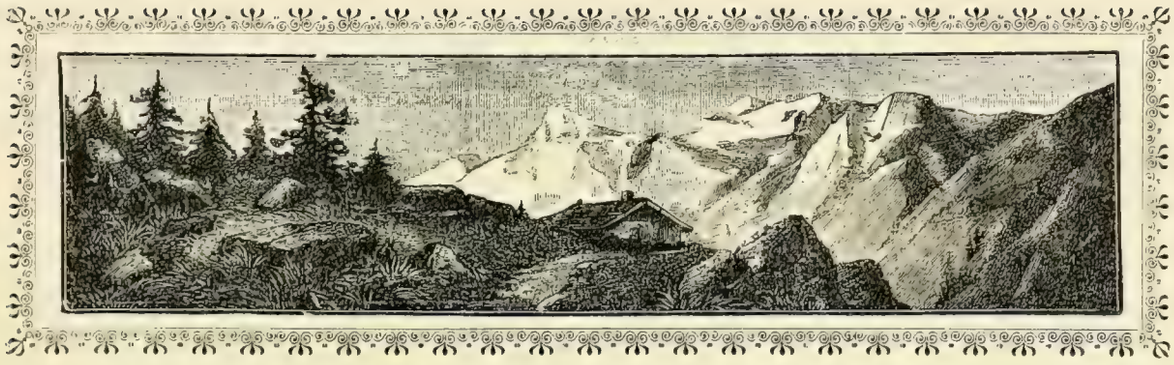
26-го января 1877 года, въ присутствіи шведскаго короля Оскара, онъ изложилъ свои соображенія особому совѣту, составленному изъ извѣстныхъ плавателей — и экспедиція была рѣшена. Издержки на нее приняли на себя по равной части король, богатый шведскій негоціантъ Оскаръ Диксонъ и сибирскій купецъ Сибиряковъ, еще ранѣе, послѣ путешествій Нор-

Сибиряковъ.

деншельда къ Енисею, предоставившій въ его распоряженіе значительную сумму денегъ для продолженія изслѣдованій въ полярныхъ окраинахъ. Шведскій парламентъ, съ своей стороны, далъ Норденшельду позволеніе набрать экипажъ волонтеровъ изъ опытныхъ моряковъ королевскаго флота съ усиленнымъ жалованьемъ и взять изъ Карлскронскихъ магазиновъ жизненныхъ припасовъ, медикаментовъ, угля, масла и проч.

Въ распоряженіе отважнаго мореплавателя былъ предоставленъ красивый и весьма удобный, построенный изъ крѣпкаго дуба, корабль «Вега», приспособленный какъ нельзя болѣе для плаванія въ Ледовитомъ морѣ. Кромѣ обыкновенныхъ судовыхъ лодокъ, при немъ находился паровой катеръ, предназначаемый какъ для научныхъ экскурсій, такъ и для другихъ случайныхъ надобностей. И въ іюнѣ 1878 года экспедиція была готова выступить въ море.





ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Изъ Швеціи до Новой Земли.

Вега снялась съ якоря въ Карлскронѣ 22-го іюня 1878 г., при восторженныхъ крикахъ народа, собравшагося на берегу, чтобы видѣть отплытіе корабля въ столь необыкновенное путешествіе, исполненное всевозможныхъ опасностей въ таинственныхъ непривѣтныхъ странахъ дальняго сѣвера, гдѣ погибло столько отважныхъ людей. «Вегу» сопровождалъ пароходъ «Лена», отправлявшійся къ устью рѣки Лены съ запасомъ угля и съѣстныхъ припасовъ для экспедиціи; еще два корабля съ назначеніемъ къ Енисею ушли впередъ. Эти три судна снаряжены были Сибиряковымъ для перевозки въ Сибирь разныхъ товаровъ и для доставки въ Европу сибирскихъ произведеній.

Норденшельда въ его отважномъ предпріятіи сопровождали Чельманъ и Стуксбергъ, которымъ поручена была ботаническая и зоологическая части экспедиціи, капитанъ шведскаго флота Палландеръ, командиръ парохода «Вега», итальянскій лейтенантъ Бове, датскій лейтенантъ Говгардъ, лѣкарь Альмквистъ, русскій

лейтенантъ финляндецъ Нордквистъ, шведскій лейтенантъ Брусевицъ и экипажъ изъ 21 человѣка.

Въ Копенгагенѣ и Готенбургѣ «Вега» сдѣлала запасъ всего необходимаго для путешествія и 4-го іюля оставила гавань Готенбурга. Задержанная противными вѣтрами, она однако только 17-го іюля прибыла въ Тромсэ. Здѣсь экспедиція снова пополнила свои запасы угля, воды, оленьихъ мѣховъ и проч.

Въ началѣ противные вѣтры, дожди и туманы до такой степени затрудняли путешествіе, что оба корабля вынуждены были остановиться у острова Мосё, близъ Нордкапа. На островѣ, кромѣ множества рыбачьихъ хижинъ, путешественники нашли церковь, молочную лавку, больницу и самую крайнюю на сѣверѣ почтовую контору. Здѣсь, у этого крайняго пункта цивилизаціи, они встрѣтили самый радушный пріемъ, но крайне бѣдную природу. Лѣсу на островѣ вовсе нѣтъ, а попадаются только кустарники. Изъ ягодъ здѣсь растетъ немного брусники, черники нѣсколько побольше, и только морошка въ изобиліи. Въ хорошо устроенныхъ палисадникахъ, расположенныхъ возлѣ домовъ, можно найти редиску и другую огородную зелень; но этимъ земледѣліе и ограничивается.

Норденшельдъ спѣшилъ, и потому, несмотря на неблагопріятную погоду, корабли вскорѣ снялись съ якоря и направились далѣе. Ближайшею цѣлью ихъ была Новая Земля и Карское море. Плаваніе туда они совершили счастливо и скоро: 28-го іюля вдали показался берегъ Гусиной Земли—такъ называли длинную береговую полосу на западѣ острова.

Названіе свое Гусиная Земля получила отъ множества гусей и лебедей, выстиживающихъ здѣсь свои яйца. Гнѣзда лебедей такъ велики, что видны издали; величиною они около двухъ аршинъ въ окружности и обложены мохомъ. Самое гнѣздо представляетъ усѣченный конусъ, въ верхней части котораго находится углубленіе; въ это послѣднее самка и кладетъ

четыре большихъ сѣро-бѣловатыхъ яйца. Но вообще здѣсь жизнь пернатыхъ далеко не такъ оживлена, какъ это обыкновенно бываетъ на высокомъ сѣверѣ.

Гусиная Земля издали кажется ровною и низкою мѣстностью, но на самомъ дѣлѣ она отъ берега мало-по-малу поднимается и образуетъ высокое плоскогорье, усѣянное множествомъ маленькихъ и неглубокихъ озеръ. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, на большей части страны снѣгъ совершенно исчезаетъ, и вскорѣ послѣ этого на нѣсколько недѣль распускается арктическая флора во всей ея прелести. Сухія, удобно расположенныя мѣста покрываются невысокими, но красивыми цвѣтами; на болѣе сырыхъ мѣстахъ попадаются покрытыя злаками лужайки, кажущіяся роскошными большими полянами.

Отъ Гусиной Земли путешественники поплыли къ югу вдоль западнаго берега острова. Погода стояла тихая и ясная. Море было чисто отъ льда, и лишь на берегу мѣстами виднѣлся снѣгъ. Пройдя мимо Вайгача къ проливу Югорскій Шаръ, самому южному проходу въ Карское море, путешественники наши замѣтили тамъ пароходъ. Это было одно изъ двухъ судовъ Сибирякова, которыя отправились впередъ экспедиціи; оно теперь возвращалось съ сборнаго мѣста, съ цѣлью отыскать «Вегу». Скоро найдено было и другое судно, и 21-го числа вся маленькая эскадра стояла на якорѣ у деревни Хабаровой, расположенной на материкѣ къ югу отъ Югорскаго Шара и къ западу отъ устья небольшой рѣки, обильной рыбою. Лѣтомъ это мѣсто посѣщаютъ самоѣды, оленьи стада которыхъ пасутся на островѣ Вайгачѣ и близлежащихъ тундрахъ; сюда пріѣзжаютъ также русскіе и обрусѣлые финны, которые ведутъ съ самоѣдами мѣновую торговлю и съ ихъ помощью ловятъ рыбу и охотятся въ морѣ.

Деревня Хабарова, или «Городъ самоѣдовъ», какъ ее величаютъ пріѣзжіе охотники, состоитъ, подобно другимъ боль-

шимъ городамъ, изъ двухъ частей, а именно: изъ части, обитаемой знатью, для которой выстроено нѣсколько деревянныхъ хижинъ съ плоскими крышами, покрытыми дерномъ, и части, гдѣ живетъ простой людъ, въ грязныхъ самоѣдскихъ чумахъ (палаткахъ). Въ деревнѣ есть маленькая церковь, и около нея, по обычаю здѣшнихъ мѣстъ, на берегу поставлено множество большихъ деревянныхъ крестовъ. Кресты эти ставятся охотниками, или вслѣдствіе даннаго ими во время какой-либо большой опасности обѣта, или чтобы вымолить удачную и обильную ловлю. Церковь состоитъ изъ простого домика въ двѣ комнаты; въ одной изъ нихъ, и составлявшей собственно церковь, находилось множество образовъ, поставленныхъ звѣроловами. Передъ образами висѣли большіе мѣдные подсвѣчники и лампады, со множествомъ восковыхъ свѣчей. Когда Норденшельдъ и его товарищи вошли въ церковь, свѣчи зажгли.

Въ деревнѣ видно было множество саней, нагруженныхъ товарами, которые предназначались для отправки осенью въ Россію. Товары состояли изъ ворвани и изъ шкуръ лисицъ, бѣлыхъ медвѣдей, волковъ, рысей, оленьихъ и тюленьихъ; кромѣ того, имѣлись большіе запасы гусиныхъ перьевъ, пуху и крыльевъ бѣлыхъ куропатокъ. Крылья, вѣроятно, были предназначены для украшенія шляпокъ европейскихъ дамъ.

Всѣ самоѣды православнаго вѣроисповѣданія; но они поклоняются при этомъ и старымъ своимъ идоламъ. Часто они уходятъ за нѣсколько сотъ верстъ къ своимъ старымъ языческимъ жертвеннымъ мѣстамъ для принесенія тамъ даровъ богамъ. Мужчины берутъ себѣ по нѣскольку женъ, и свадьбы ихъ совершаются безъ всякихъ обрядовъ. Жены пользуются правами и почетомъ наравнѣ съ мужьями; въ свободное время онѣ любятъ пѣть пѣсни и разсказывать сказки.

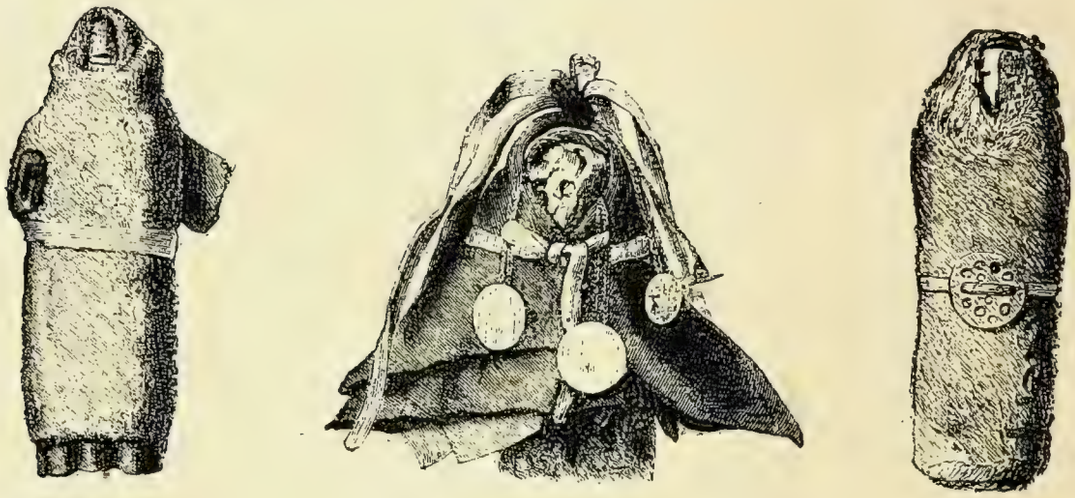
Норденшельдъ, зная обычай самоѣдовъ всегда возить съ собою своихъ идоловъ, попытался-было купить нѣсколько штукъ.

Но самоѣды уклонялись отъ продажи, быть можетъ, потому, что боялись подвергнуться гнѣву боговъ, а, можетъ быть, и стыдясь за ихъ невзрачность. Тѣмъ не менѣе нѣсколько серебряныхъ рублей соблазнили одну старуху. Она подошла къ возу, долго копалась въ немъ и, наконецъ, вытащила старый мѣховой сапогъ; въ сапогѣ оказался чулокъ, въ которомъ и сохра-

Церковь въ Хабаровѣ.

нялись четыре идола. Послѣ долгихъ переговоровъ Норденшельду удалось купить ихъ, но за весьма дорогую цѣну. Одинъ изъ идоловъ изображалъ куклу, носъ которой былъ сдѣланъ изъ согнутой листовой красной мѣди, другой былъ просто камень, завернутый въ тряпки и обвѣшанный бляшками красной мѣди: одна сторона камня походила на человѣческое лицо. Но не всѣ идолы самоѣдовъ были такъ безобразны, какъ эти.

Послѣ покупки идоловъ, Норденшельдъ и его товарищи были приглашены однимъ изъ русскихъ въ избу пить чай. Изба состояла изъ сѣней и маленькой, очень низенькой комнаты. Одинъ уголъ комнаты былъ занятъ громадною печью, рядомъ съ которой находилась низкая дверь; напротивъ двери было вырублено маленькое четырехугольное окно, возлѣ котораго стояли лари, замѣнявшіе въ настоящемъ случаѣ чайные столы. Остальныя двѣ стороны комнаты занимали нары, обитыя оленьими шкурами.



Самоѣдскіе идолы.

Какъ только гости вошли въ избу, хозяинъ досталъ изъ дорожнаго ящика сахаръ, крендели, чайныя и полоскательныя чашки и бутылку водки. Развели огонь, вскипятили воду и заварили чай, причемъ густой дымъ и чадъ отъ угля распространился по всей низенькой комнатѣ, въ которую, между тѣмъ, набралось много любопытныхъ. Празднество прошло очень оживленно, несмотря на то, что хозяинъ дома и большая часть гостей съ трудомъ могли объясняться другъ съ другомъ.

Затѣмъ Норденшельдъ пожелалъ со своими товарищами посмотрѣть самоѣдскіе чумы, гдѣ ихъ приняли также не менѣе ласково. Нѣкоторые самоѣды, по случаю такого необыкновеннаго посѣщенія, одѣлись даже въ нарядныя платья.

Праздничная одежда самоѣдскихъ женщинъ довольно красива: она состоитъ изъ длиннаго платья, сдѣланнаго изъ такихъ тонкихъ оленьихъ шкуръ, что ниже пояса онѣ образуютъ красивыя правильныя складки; на юбкѣ сдѣланы въ два или три ряда разноцвѣтные воланы изъ собачьихъ шкуръ, а между

Женская одежда самоѣдовъ.

воланами нашиты яркія полоски какой-нибудь матеріи. Обувь состоитъ изъ высокихъ, красиво и со вкусомъ вышитыхъ сапоговъ. Какъ мужчины, такъ и женщины лѣтомъ ходятъ съ непокрытой головою, а женщины расчесываютъ свои черные лохматые волосы и сзади раздѣляютъ на двѣ косы; косы пе-

реплетаются ремнями, разноцвѣтными лентами и жемчугомъ, а въ концы ихъ вплетаются различныя украшенія изъ бусъ, пуговицъ и другихъ металлическихъ бездѣлушекъ, достигающія почти до пятокъ. Все это сдѣлано такъ искусно, что съ перваго взгляда можетъ показаться, будто у нихъ необыкновенно длинные волосы. Множество пуговицъ вплетаются, и часто съ большимъ искусствомъ, въ волоса или привѣшиваются къ ушамъ. Всѣ эти украшенія, конечно, довольно тяжелы; но еще тяжелѣе бываетъ головѣ зимою, когда на нее надѣваютъ толстую шапку, къ задней части которой прикрѣплены два ремня, унизанные тяжелыми бляхами изъ желтой или красной мѣди.

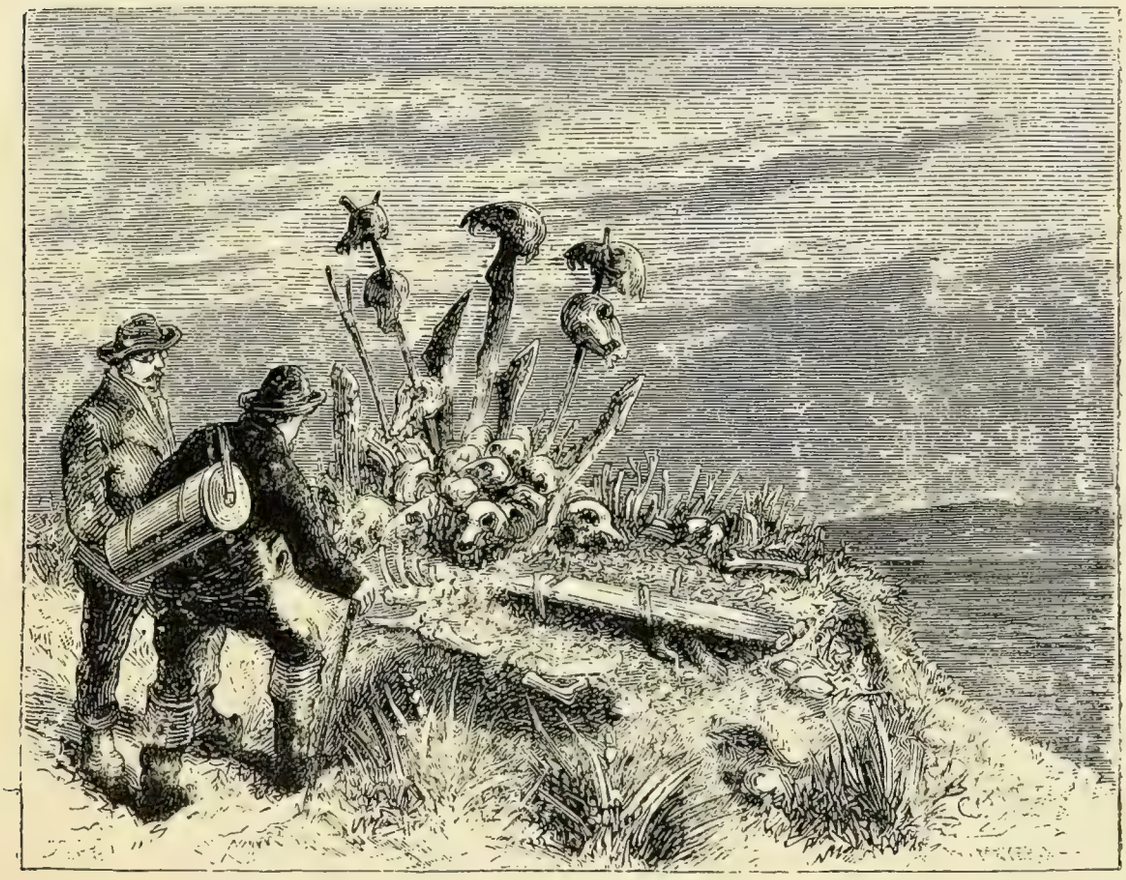
Словомъ, молодыя женщины и здѣсь, какъ и повсюду, любятъ украшать себя; при всемъ томъ, онѣ очень некрасивы. Ростомъ онѣ такъ же малы, какъ и мужчины, имѣютъ черные грубые волосы, на подобіе конскихъ, желтое, постоянно грязное лицо, маленькіе, косые, часто загноившіеся глаза, плоскій носъ, широкія выдающіяся скулы и тощія маленькія руки и ноги.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ простой и длинной малицы, опоясанной кушакомъ, разукрашеннымъ пуговицами, къ которому привѣшанъ ножъ; сапоги изъ оленьей кожи, выше колѣнъ; на головѣ мѣховая шапка.

Лѣтніе чумы самоѣдовъ имѣютъ коническую форму, съ отверстіемъ въ потолкѣ для выхода дыма изъ очага, устроеннаго на полу. Постель во многихъ чумахъ занавѣшена пестрой бумажной матеріей. Такая же матерія употребляется иногда и для нижней одежды.

Изъ полярныхъ народовъ лапландцы по развитію стоятъ выше всѣхъ; послѣ нихъ слѣдуютъ эскимосы въ датской Гренландіи. Какъ тѣ, такъ и другіе—христіане, грамотны и употребляютъ множество земледѣльческихъ и другихъ произведеній европейской промышленности, какъ-то: бумажныя и шерстяныя ткани, желѣзныя и чугунныя орудія, огнестрѣльное оружіе, кофе,

сахаръ, хлѣбъ и проч. Жизнь они ведутъ кочевую, но достаточно развиты; и даже образованнымъ европейцамъ, которымъ случалось пробыть съ ними продолжительное время, многое нравится въ ихъ жизни и нравахъ. За гренландскими эскимосами по развитію слѣдуютъ эскимосы сѣверо-западной Америки, на первобытную грубую жизнь которыхъ очень благодѣтельно повліяли американскіе китоловы; они все еще язычники, но въ



Жертвенный холмъ.

нѣкоторыхъ племенахъ уже и теперь замѣчается извѣстная склонность къ изяществу и порядку. Затѣмъ слѣдуютъ чукчи сѣверной Сибири, но въ послѣднее время племя это значительно уменьшилось, вслѣдствіе истощенія средствъ къ жизни.

Ниже всѣхъ стоятъ, въ культурномъ отношеніи, самоѣды, или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые живутъ на границахъ странъ, населяемыхъ народами кавказскаго племени.

Однажды Норденшельдъ спросилъ какого-то эскимоса сѣверо-западной Гренландіи, не находитъ ли онъ, что мѣстный датскій губернаторъ выше, т.-е. знатнѣе его?

— Едва-ли,—отвѣтилъ гордо эскимосъ:—губернаторъ несомнѣнно богаче меня, да и власти какъ будто имѣетъ больше, но есть люди въ Копенгагенѣ, которыхъ онъ обязанъ слушаться, а надо мною старшихъ нѣтъ.

То же гордое самосознаніе можно встрѣтить у лапландцевъ и у чукчей. У самоѣдовъ, напротивъ, замѣчается какая-то приниженность, боязливость; таковы здѣсь слѣды цивилизаціи, наложенные на гордую свободу дикаря.

На другой день Норденшельдъ и нѣкоторые изъ спутниковъ его отправились на паровой шлюпкѣ къ мѣсту жертвоприношеній самоѣдовъ, на юго-западномъ мысѣ острова Вайгача. Мѣсто это возвышалось надъ окружающей равниной, спускавшейся къ морю крутыми обрывами. Равнина была покрыта роскошнымъ ковромъ желтыхъ и бѣлыхъ солянокъ, полемоній и другихъ породъ арктической флоры; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлась сочная трава, но лѣсу вовсе не было.

Жертвенный холмъ представлялъ собою груду камней, изъ которой торчали оленьи черепа и рога; послѣдніе были такъ разставлены, что походили на густой кустарникъ, а черепа были насажены на палки, воткнутыя въ землю. Тутъ же валялось множество другихъ оленьихъ и медвѣжьихъ костей, куски желѣза отъ сломанныхъ топоровъ, ножей и т. п., также наполовину скальпированная медвѣжья голова и лапы; около, на одномъ камнѣ, лежали двѣ свинцовыя пули. На юго-восточной сторонѣ холма было воткнуто въ землю нѣсколько сотъ палокъ различной длины, украшенныхъ сверху рѣзьбой, указывавшей на намѣреніе изобразить человѣческія лица. Неподалеку отъ мѣста жертвоприношенія валялось нѣсколько головешекъ, на которыхъ приготовлялась жертвенная трапеза. При такихъ тра-

пезахъ рты идоловъ обмазываются кровью и смачиваются водкой, вслѣдствіе чего на многихъ, особенно большихъ изъ нихъ, виднѣлись кровяныя пятна подъ отверстіями, изображавшими рты.

Норденшельдъ хотѣлъ взять съ мѣста жертвоприношенія нѣсколько идоловъ и костей; но проводникъ, молодой парень, очень встревожился и просилъ его, по крайней мѣрѣ, сперва какой-либо жертвой умилостивить боговъ. Норденшельдъ тотчасъ же согласился и спросилъ, какимъ образомъ ему это испол-

Самоѣдская могила.

нить? Проводникъ нѣкоторое время колебался: онъ видимо въ одно и то же время боялся и гнѣва идоловъ и наказанія на томъ свѣтѣ за почитаніе ихъ, и, наконецъ, заявилъ, что достаточно положить нѣсколько монетъ между камнями.

Съ самымъ серьезнымъ видомъ Норденшельдъ положилъ на холмъ двѣ серебряныя монеты, которыя, навѣрное, были самыя драгоцѣнныя изъ всѣхъ когда-либо принесенныхъ здѣсь жертвъ. Проводникъ остался доволенъ и даже замѣтилъ, что Норден-

шельдъ положилъ очень много, что было бы вполнѣ достаточно пары мѣдныхъ монетъ.

На слѣдующій день самоѣды, узнавъ о всемъ происшедшемъ, не особенно смутились и испугались, однако, объявили, что проводникъ, навѣрное, будетъ наказанъ оскорбленными богами за свою дерзость. Быть можетъ, говорили они, ему придется уже осенью раскаяться въ своемъ поступкѣ, когда олени его возвратятся съ острова Вайгача, гдѣ они теперь пасутся; если же наказаніе не постигнетъ его самого, то, по ихъ мнѣнію, кара боговъ должна пасть на его дѣтей или внуковъ.

Норденшельдъ посѣтилъ одну самоѣдскую могилу, на берегу, покрытомъ множествомъ полярныхъ цвѣтовъ. Это былъ незарытый, прямо на землѣ стоявшій гробъ, тщательно сколоченный изъ четырехъ широкихъ толстыхъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ толстыми брусьями, чтобы хищные звѣри не могли проникнуть въ него. Въ гробу находился мужской скелетъ, около котораго видна была истлѣвшая малица, по которой можно судить, что самоѣды хоронятъ покойниковъ въ обыкновенной ихъ одеждѣ. Около скелета лежали обломки отъ чугуннаго котла, желѣзный топоръ, ножъ, буравъ, лукъ, деревянная стрѣла, нѣсколько мѣдныхъ украшеній и пр., а также нѣсколько свернутыхъ берестъ, предназначенныхъ, вѣроятно, для того, чтобы покойникъ могъ разводить огонь на томъ свѣтѣ. Около гроба лежали опрокинутыя сани, для поѣздокъ покойнаго на томъ свѣтѣ; во время похоронъ были зарѣзаны также олени, чтобы ему было тамъ на комъ ѣздить.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Животное царство Новой Земли.

Только въ послѣдніе годы на Новой Землѣ начали селиться самоѣды, стада которыхъ лѣтомъ бродятъ по равнинамъ острова Вайгача. Но поселенцевъ еще немного, и любознательный путешественникъ найдетъ здѣсь одну дикую природу съ живыми представителями почти исключительно изъ міра звѣрей и птицъ.

Животная жизнь лѣтомъ кажется въ этихъ странахъ весьма богатою и оживленною, такъ какъ она здѣсь не закрывается роскошною растительностью, какъ въ тропическихъ странахъ: зато зимою отсюда исчезаютъ почти всѣ животныя.

Привлекаютъ на себя наибольшее вниманіе на Новой Землѣ не столько крупныя млекопитающія — киты, моржи, тюлени, медвѣди и олени, сколько безчисленныя стаи птицъ, которыя окружаютъ путешественника въ полярныхъ странахъ во все время долгаго лѣтняго полярнаго дня.

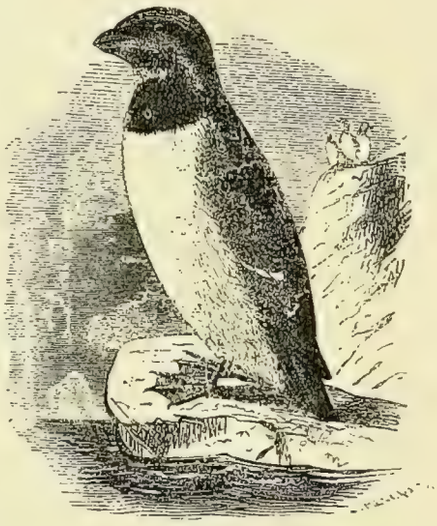
Еще не достигнувъ Ледовитаго моря, корабль бываетъ уже окруженъ стаями большихъ сѣрыхъ птицъ, которыя парятъ надъ

самою водою, опускаясь или поднимаясь вмѣстѣ съ волнами, зорко высматривая какую-нибудь добычу, или же держатся у кормы корабля и жадно хватаютъ выбрасываемые объѣдки. Это—буревѣстникъ, очень смѣлая и прожорливая птица; она имѣетъ непріятный запахъ и поэтому только въ случаѣ крайности употребляется въ пищу.

Немного сѣвернѣе, когда путешественникъ достигаетъ покрытаго льдинами моря, когда волненіе и вѣтеръ вокругъ него вдругъ стихаютъ, и гладкая, какъ зеркало, поверхность моря тихо колышется, — появляются стаи люриковъ, чистиковъ и кайра-свистуновъ, которые вьются въ воздухѣ или плаваютъ между льдинами.

Люрики, впрочемъ, лишь изрѣдка встрѣчаются въ южной части Новой Земли, и надо полагать, что не здѣсь они выводятъ своихъ птенцовъ; положеніе этой страны слишкомъ для нихъ южное, да и берега не каменисты и не обрывисты, чтобы этой маленькой птицѣ здѣсь жилось привольно. Напротивъ, около Шпицбергена эта птица встрѣчается въ несмѣтномъ количествѣ и выводитъ тамъ своихъ птенцовъ въ большихъ каменныхъ грудахъ, образуемыхъ при подошвахъ крутыхъ береговыхъ утесовъ. Внутри этихъ грудъ люрики имѣютъ настоящіе дворцы, съ такимъ количествомъ комнатъ и переходовъ, какого не найти ни въ одномъ дворцѣ всего міра. Взобравшись на эти каменныя груды, вы увидите цѣлыя тучи птицъ, которыя внезапно появляются изъ земли и кружатся въ воздухѣ или улетаютъ въ море. Въ то же время оставшіяся подъ камнями птицы безпокойно клохчутъ, и вы услышите крикъ, похожій, по сравненію одного путешественника, на крикливую женскую ссору. Если крикъ на мгновеніе прекратится, стоитъ только повторить его у какого-нибудь отверстія въ камняхъ: ротт-тет-тет-тет-тетъ,—и сейчасъ же со всѣхъ сторонъ вновь послышатся шумные продолжительные отвѣты. Парящія въ воздухѣ птицы скоро опять садятся

на камни, такъ близко другъ подлѣ друга, что однимъ выстрѣломъ можно убить ихъ 15—30 штукъ. Случись послѣднее, часть стаи взлетаетъ, тогда какъ другая, подобно крысамъ, скрывается между камнями. Но вскорѣ онѣ опять выползаютъ и, какъ бы сговорившись, улетаютъ громадными стаями въ море для пріисканія себѣ пищи, которая состоитъ изъ ракообразныхъ и червей. Свое единственное синевато-бѣлое яйцо люрикъ кладетъ безъ всякой подстилки на землю и притомъ такъ глубоко въ каменную груду, что достать его оттуда можно только съ большимъ трудомъ.



Люрикъ.

Кромѣ люриковъ, уже вдали отъ берега, между льдинами, встрѣчаются стаи чистиковъ, и чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ ихъ больше. Для высиживанія яицъ они выбираютъ крутыя отвѣсныя скалы, которыя своими выступами и неровностями представляютъ удобныя мѣста для насѣдокъ. На этихъ обрывистыхъ утесахъ яйца чистиковъ лежатъ тѣсными рядами; вся гора сплошь покрыта птицами, и безчисленныя стаи ихъ кружатся надъ нею, оглашая воздухъ своимъ весьма непріятнымъ крикомъ. Яйца чистики кладутъ безъ подстилки на голую или только покрытую старымъ птичьимъ пометомъ скалу. Каждая птица сноситъ только одно, довольно большое, яйцо, испещренное бурыми крапинками. Если выстрѣлить въ такую гору, то тысячи птицъ мгновенно взлетятъ съ своихъ гнѣздъ, и все-таки будетъ казаться, что число сидящихъ на яйцахъ птицъ нисколько не уменьшилось. Эти неуклюжія и короткокрылыя птицы, покидая свои гнѣзда, сначала падаютъ стремительно внизъ, а многія изъ нихъ, не успѣвъ удержаться въ воздухѣ, падаютъ въ воду или даже

въ лодку охотника, проѣзжающую подъ горой. Неумолкаемые непріятные крики доказываютъ, что колонія чистиковъ занята постоянною болтовнею; отъ времени до времени крики усиливаются, свидѣтельствуя о ссорахъ въ пернатомъ населеніи. Ссоры эти происходятъ или вслѣдствіе того, что нѣсколько чистиковъ силятся занять мѣсто на выступѣ скалы, сплошь уже занятомъ, или же одна самка оспариваетъ у другой право собственности на одно и то же яйцо, которое часто при этомъ сбрасывается въ пропасть.

Кромѣ чистика и люрика, между пловучими льдинами встрѣчаются сѣверный топорикъ и кайра-свиступъ, изъ которыхъ послѣдній попадается въ значительномъ количествѣ. Во время плаванія въ полярныхъ моряхъ, за кораблями почти всегда слѣдуютъ два вида чаекъ, хищная чайка-бургомистръ, какъ ее называютъ голландцы, и быстро летающая трехпалая чайка. Когда промышленники пристаютъ къ какой-нибудь льдинѣ съ цѣлью содрать шкуру съ убитаго моржа, то вскорѣ появляется вблизи множество снѣжно-бѣлыхъ птицъ, съ темно-синими клювами и черными лапами, которыя садятся невдалекѣ и ждутъ своей части добычи. Эта третья порода сѣверныхъ чаекъ называется бѣлой чайкой.

Нравы и образъ жизни этихъ пернатыхъ весьма различны.

Чайка-бургомистръ достаточно сильна, чтобы защищать яйца и птенцовъ отъ нападенія горной лисицы. Поэтому она высиживаетъ свои яйца на вершинахъ небольшихъ скалъ, холмовъ или каменныхъ грудъ, легко доступныхъ; по охотнѣе всего вблизи скалъ, обитаемыхъ чистиками, гдѣ она охотится за выводками сосѣдей и тѣмъ прокармливаетъ своихъ собственныхъ птенцовъ.

Еще чаще встрѣчается въ дальнихъ полярныхъ странахъ трехпалая чайка. Эту птицу видятъ далеко въ морѣ, гдѣ она по цѣлымъ днямъ слѣдуетъ за кораблемъ, кружась у вершины мачтъ и хватаясь иногда—при приближеніи бури, по увѣренію

промышленниковъ—за конецъ вымпела. Птенцовъ своихъ они выводятъ большими стаями на крутыхъ выступахъ горъ, недоступныхъ для лисицъ и защищенныхъ отъ непогоды.

Между арктическими птицами трехпалая чайка—наилучшій строитель. Гнѣздо ея, какъ гнѣздо ласточки, прочно сложено изъ соломы и глины и выстлано мягкимъ мохомъ, травой и камышемъ; въ это гнѣздо самка кладетъ отъ 3 до 4 яицъ.

Ледовитая чайка встрѣчается чаще всего на пловучихъ льдинахъ и питается преимущественно пометомъ тюленей и моржей; поэтому этихъ птицъ часто можно видѣть сидящими неподвижно и терпѣливо у моржевыхъ отверстій во льду. Настоящее мѣсто выводки этой птицы еще неизвѣстно.

Чистикъ.

Въ арктическихъ странахъ лѣтомъ часто можно услышать пронзительные крики трехпалой чайки, преслѣдуемой птицею величиною съ вóрона, темнобураго цвѣта, съ бѣлою грудью и съ длиннымъ хвостомъ. Это — поморникъ, прозванный норвежскими охотниками, за его воровской нравъ, морскимъ разбойникомъ. Какъ только поморникъ замѣтитъ чайку съ рыбою, рачкомъ или кускомъ жира, онъ немедленно нападаетъ на нее и бьетъ до тѣхъ поръ, пока та или уступитъ свою добычу жадному хищнику, или спустится на воду, гдѣ хищникъ для нея не опасенъ. Поморникъ пожираетъ также яйца другихъ птицъ, въ особенности гагъ и гусей; стоитъ насѣдкѣ на нѣсколько мгновеній оставить гнѣздо безъ защиты, какъ тотчасъ же

является поморникъ и стремительно нападаетъ на гнѣздо. Онъ съ замѣчательною ловкостью разбиваетъ яйца и выпиваетъ ихъ съ такою быстротой и жадностью, что иногда бываетъ не въ силахъ улетѣть, пока не извергнетъ всего съѣденнаго.

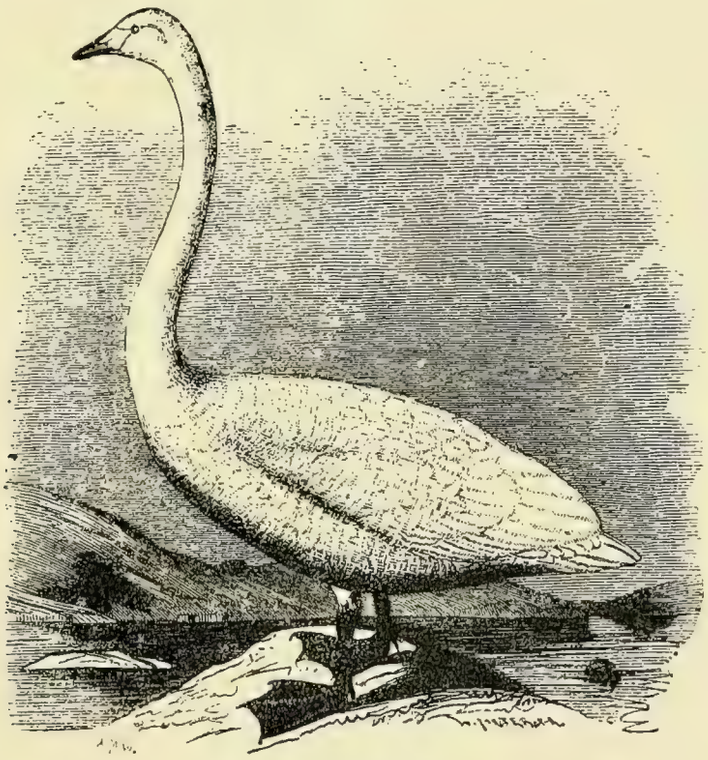
Поморникъ высиживаетъ свои яйца на низкихъ, голыхъ и часто топкихъ мысахъ и островахъ, гдѣ самка кладетъ одно или два яйца на голую землю. Цвѣтомъ яйца такъ схожи съ землею, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ нея. Если человѣкъ или какое-нибудь животное приближается къ гнѣзду поморника, то онъ старается отвлечь вниманіе подходящаго тѣмъ, что удаляется отъ гнѣзда, волоча по землѣ крылья и вообще придавая себѣ наиболѣе жалкій видъ. Продѣлывая эту хитрость съ большимъ искусствомъ, онъ, конечно, остерегается быть пойманнымъ.

Какъ поморникъ преслѣдуетъ трехпалую чайку, такъ его, въ свою очередь, съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ маленькая, быстро летающая и храбрая крачка или морская ласточка.

Эта красивая птица гнѣздится большими стаями на низкихъ, лишенныхъ растительности, мысахъ и островахъ, покрытыхъ пескомъ или галькою. Цвѣтъ яицъ морской ласточки до того схожъ съ обросшею мохомъ галькою, что ихъ съ трудомъ можно отличить; то же можно сказать и о только-что вылупившихся птенцахъ, которымъ, несмотря на ихъ легкую пуховую одежду, приходится лежать безъ всякой подстилки на голыхъ камняхъ. При своихъ короткихъ ногахъ и длинныхъ крыльяхъ морская ласточка съ трудомъ ходитъ по землѣ, а потому и не можетъ защищать своего гнѣзда, какъ поморникъ. Но зато эта ласточка, самая маленькая изъ всѣхъ полярныхъ птицъ, безстрашно нападаетъ на всякаго, кто только приблизится къ ея гнѣзду.

Кромѣ этихъ птицъ, всюду вдоль береговъ встрѣчаются два вида гагъ—обыкновенная гага и гребенушка. Первый видъ во-

дится большими стаями на низменныхъ островахъ, до того тѣсно усѣянныхъ гнѣздами, что приходится проходить между ними съ большою осторожностью, чтобы не наступить на яйца. Когда самка высиживаетъ яйца, вблизи всегда сторожитъ красивый самецъ, который при приближеніи опасности тотчасъ даетъ знакъ къ бѣгству. Внутренность гнѣзда этой птицы представляетъ роскошное пуховое ложе. Если самку спугнуть съ мѣста, она торопливо старается покрыть яйца пухомъ и обли-



Лебедь-кликунъ.

ваетъ ихъ, кромѣ того, очень зловонной жидкостью. Впрочемъ, эта жидкость такъ легко испаряется, что запахъ ея совершенно исчезаетъ чрезъ нѣсколько часовъ. Гребенушка встрѣчается рѣже обыкновенной гаги.

Между водяными птицами, оживляющими въ лѣтнее время берега Новой Земли, нужно назвать: стаднаго и пашеннаго гусей, ледяную утку и лебедя-кликуна. Лебедь-кликунъ — самая изящная по формѣ и по цвѣту птица далекаго сѣвера. Птица

эта ослѣпительно бѣлаго цвѣта и очень походитъ на обыкновеннаго лебедя, хотя нѣсколько меньше.

Сухопутныя птицы на крайнемъ сѣверѣ гораздо малочисленнѣе морскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ однакоже встрѣчаются въ весьма большомъ количествѣ. Почти вездѣ у береговъ бухтъ можно видѣть небольшихъ сѣро-бурыхъ голенастыхъ птицъ, хлопотливо снующихъ взадъ и впередъ стаями въ 10—20 штукъ. Ихъ нѣсколько видовъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется красивый плосконосый плавунчикъ, который могъ бы служить символомъ супружеской любви, потому что самецъ и самка почти неразлучны. Если охотникъ убьетъ самку, то самецъ начинаетъ бѣгать около нея съ тревогою и трогаетъ ее клювомъ, какъ бы стараясь разбудить.

Близъ побережья, у каменныхъ грудъ, часто приходится слышать веселое щебетанье. Это—всѣмъ сѣвернымъ жителямъ знакомый снѣжный побережникъ. Зимою эта красивая птичка живетъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, къ лѣту же возвращается на сѣверъ,—къ снѣжной границѣ Лапландіи, на тундры сѣверной Сибири или къ прибрежьямъ Шпицбергена и Новой Земли. Здѣсь она заботливо свиваетъ свое гнѣздышко изъ травы, перьевъ и пуха. Веселое щебетанье этой маленькой птички производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, потому что она, въ сущности, единственная пѣвчая птичка дальняго сѣвера.

Кромѣ нея только въ горной части Новой Земли встрѣчается нѣсколько другихъ пѣвчихъ птицъ, какъ-то: жаворонковый подорожникъ и горный жаворонокъ. Они выводятъ своихъ птенцовъ на землѣ подъ какимъ-нибудь кустикомъ, на кочкѣ или камнѣ, и заботливо выстилаютъ гнѣзда перьями и травянымъ пухомъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще назвать сову-бѣлянку. Она гнѣздится и зимуетъ вблизи скалъ, обитаемыхъ бѣлыми куропатками, на которыхъ смотритъ какъ на свой птичникъ. По

перьямъ этотъ хищникъ такъ мало отличается отъ бѣлыхъ куропатокъ, что послѣднія рѣдко замѣчаютъ опаснаго сосѣда. Обыкновенно сова сидитъ неподвижно на открытомъ косогорѣ и видна на далекомъ разстояніи вслѣдствіе своего бѣлаго цвѣта, рѣзко отдѣляющаго ее отъ сѣро-зеленой почвы. Въ противоположность другимъ совамъ, она видитъ очень хорошо даже при самомъ яркомъ солнечномъ свѣтѣ и при этомъ весьма осторожна, почему застрѣлить ее очень трудно.

Сова-бѣлянка.

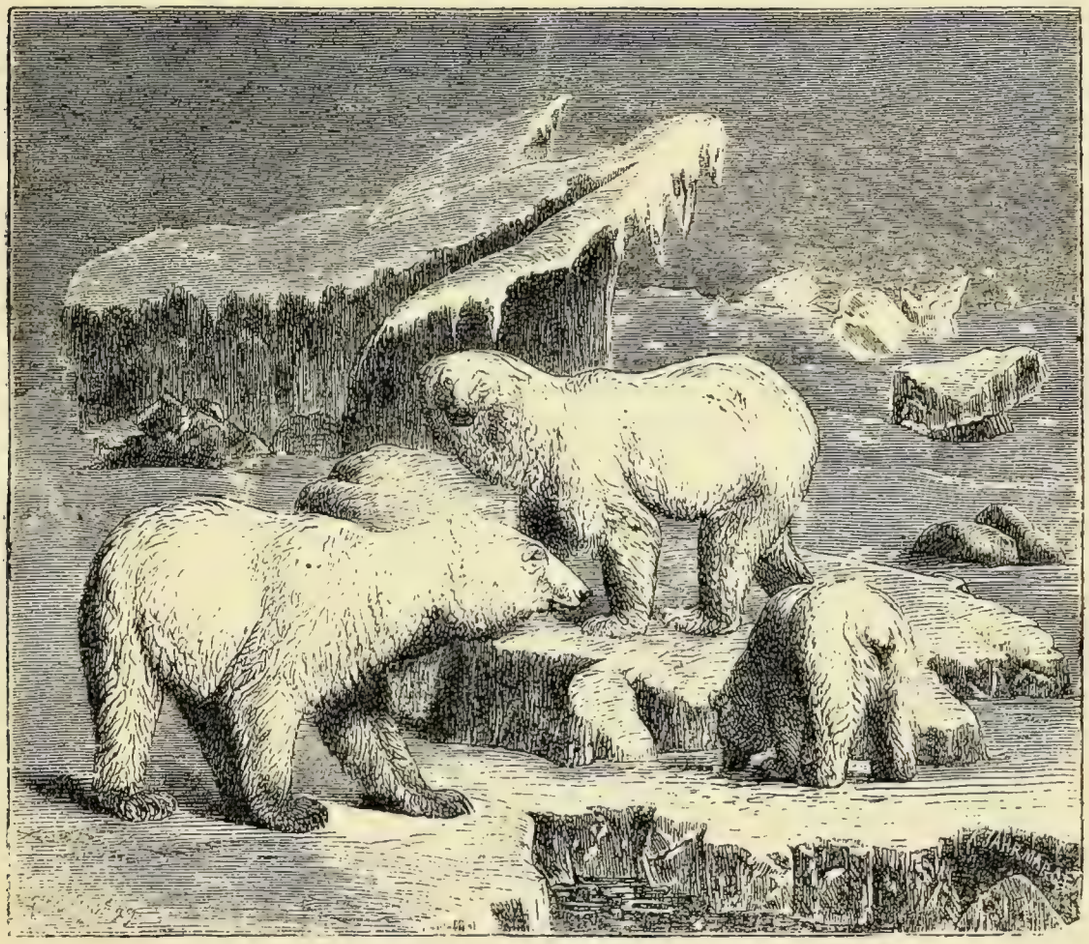
Въ противоположность цивилизованнымъ странамъ Европы, гдѣ большія млекопитающія рѣдки, а изъ хищныхъ встрѣчаются только не выше рослой собаки, страны полярныя богаты крупными животными этого класса. Хотя количество ихъ теперь и не такъ велико, какъ было въ XVII столѣтіи, когда охотой за ними кормилось отъ 20-ти до 30-ти тысячъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе у Новой Земли и у Шпицбергена рѣдкій день прохо-

дитъ, чтобы на берегу не привелось видѣть тюленя, моржа, оленя или бѣлаго медвѣдя.

Олень водится почти повсюду вплоть до крайняго сѣвера; но въ настоящее время численность этого животнаго замѣтно уменьшается вслѣдствіе истребительной охоты на нихъ, которая производится звѣропромышленниками.

Бѣлаго медвѣдя чаще всего можно видѣть у береговъ и островов, окруженныхъ пловучими льдами; но нерѣдко попадается онъ и далеко въ открытомъ морѣ, на огромныхъ пловучихъ льдинахъ. На юго-западныхъ берегахъ Шпицбергена и Новой Земли, лѣтомъ свободныхъ отъ льда, его видятъ рѣдко, но на сѣверныхъ берегахъ этихъ островов, которые почти всегда окружены пловучими льдами, онъ встрѣчается гораздо чаще. Медвѣдя не трудно убить. Замѣтивъ человѣка, онъ обыкновенно приближается къ нему зигзагами. При этомъ онъ то карабкается на высокія льдины, то становится на заднія лапы, чтобы лучше осмотрѣться, то останавливается и какъ будто чутьемъ старается распознать окружающіе предметы, повидимому, болѣе довѣряя своему обонянію, нежели зрѣнію. Къ тюленю онъ осторожно ползетъ по льду, закрывая лапою свой черный носъ. Если охотникъ стоитъ неподвижно, то медвѣдь подходитъ къ нему такъ близко, что его легко убить выстрѣломъ или поднять на рогатину; послѣдній способъ предпочитается охотниками. Если встрѣчаетъ бѣлаго медвѣдя безоружный, ему стоитъ только сдѣлать нѣсколько рѣзкихъ движеній и закричать, чтобы обратить врага въ бѣгство; но если человѣкъ при встрѣчѣ съ нимъ самъ побѣжитъ, медвѣдь непремѣнно погонится за нимъ. Раненый, онъ всегда обращается въ бѣгство, причемъ часто останавливается и прикладываетъ лапою снѣгъ къ ранѣ. Въ предсмертныхъ судорогахъ онъ иногда вырываетъ лапами яму въ снѣгу и прячетъ въ нее свою голову.

Бѣлый медвѣдь любитъ плавать около стоящихъ на якорѣ судовъ и бродитъ вокругъ стоянокъ путешественниковъ; не менѣе большой охотникъ онъ осматривать провіантскіе склады покинутыхъ кораблей и лодокъ, оставленныхъ на берегу. Большинство мореплавателей Ледовитаго океана разсказываютъ въ этомъ смыслѣ любопытные случаи и съ людьми, и съ медвѣ-



Бѣлые медвѣди.

дями. Такъ, въ желудкѣ одного медвѣдя, въ числѣ прочаго добра, нашли довольно значительный запасъ липкаго пластыря.

Бѣлый медвѣдь плаваетъ очень хорошо, но все-таки не такъ быстро, чтобы его нельзя было догнать; онъ часто старается спасаться вплавь, но ему никогда не уйти, если въ лодкѣ хорошіе гребцы.

Прежде видъ бѣлаго медвѣдя возбуждалъ страхъ у полярныхъ мореплавателей, теперь же звѣроловы не задумываются

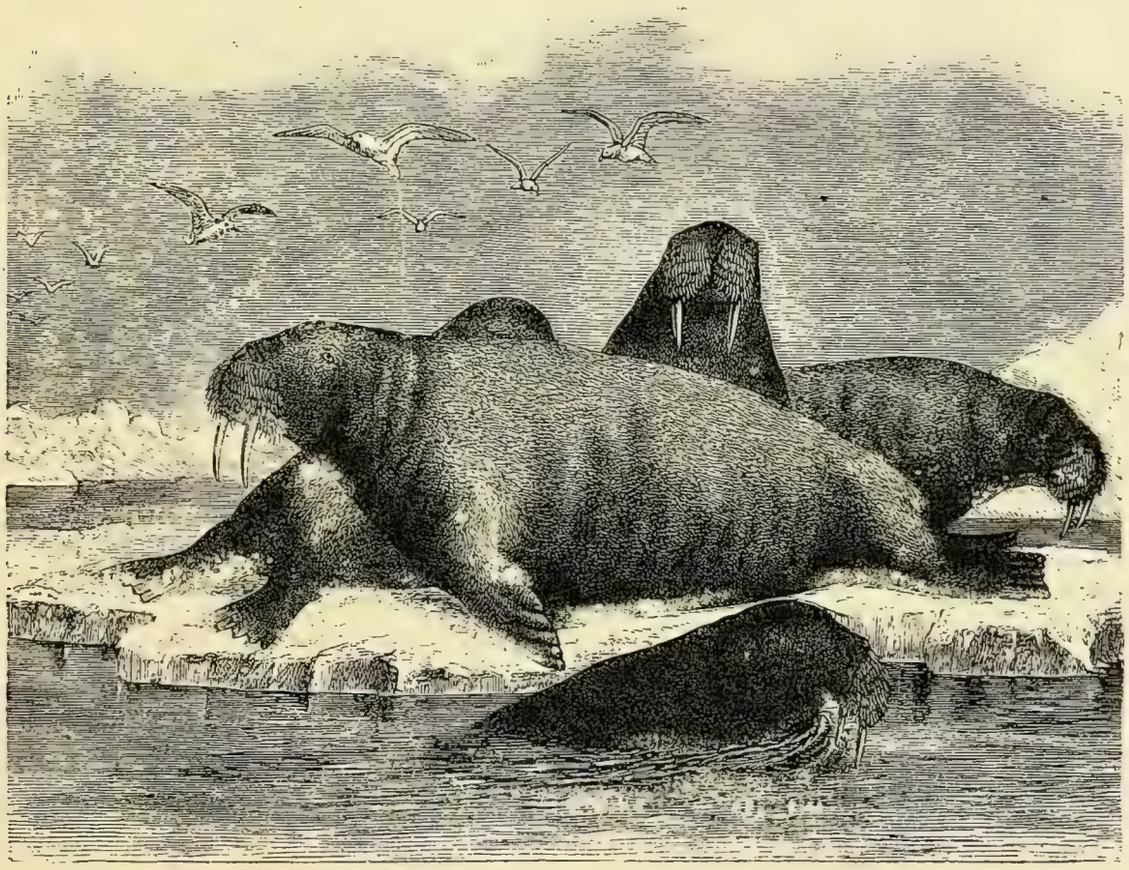
съ рогатинами въ рукахъ нападать даже на большія стада этого звѣря. Бывали примѣры, что удавалось въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ убить до 12 медвѣдей. Несчастные случаи въ борьбѣ съ медвѣдями теперь бываютъ рѣдко; впрочемъ въ мѣстахъ отдаленныхъ, гдѣ это животное еще не успѣло познакомиться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, медвѣди не боязливы и смѣло нападаютъ на человѣка. Во время первыхъ англійскихъ и голландскихъ экспедицій на Новую Землю, при выходѣ на берегъ, путешественники почти всегда встрѣчали медвѣдей, борьба съ которыми стоила многимъ жизни; теперь на этихъ мѣстахъ очень рѣдко можно встрѣтить ихъ.

Главная пища бѣлаго медвѣдя состоитъ изъ тюленей и моржей; оленя ему удается рѣдко поймать, потому что тотъ бѣгаетъ быстрѣе, чѣмъ онъ.

Мясо бѣлаго медвѣдя довольно вкусно, если только онъ не слишкомъ старъ или не наѣлся передъ своей гибелью гнилого тюленьяго мяса; по вкусу оно представляетъ нѣчто среднее между свининой и говядиной. Мясо же медвѣженка вкусомъ походитъ на телятину. Вѣроятно, бѣлый медвѣдь сталъ извѣстенъ европейцамъ послѣ открытія Исландіи и Гренландіи.

Кромѣ оленей и медвѣдей, въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ встрѣчаются еще два вида живущихъ на сушѣ млекопитающихъ, именно, песецъ и неструшка. Песецъ весьма обыкновененъ на Новой Землѣ. Нора его состоитъ изъ множества сообщающихся между собою ходовъ и выходовъ. Однажды Норденшельду случилось видѣть, какъ изъ подобныхъ отверстій вышли маленькія черныя и бѣло-полосатыя лисички и принялись рѣзвиться около своего жилища. Въ началѣ лѣта, вскорѣ послѣ того какъ сойдетъ снѣгъ, на ровныхъ плодородныхъ мѣстахъ, посреди густой травы, повсюду замѣчаются тропинки, шириною въ дюймъ и глубиною въ полдюйма, проложенныя этими маленькими звѣрьками еще зимою, подъ снѣгомъ. Такъ устраиваютъ они

себѣ удобные ходы, защищенные отъ сильной зимней стужи. Тысячи животныхъ нужны для возведенія подобной работы даже на небольшомъ пространствѣ, и удивительна должна быть ихъ способность распознавать мѣстность и оріентироваться въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ. Во время таянія снѣга ходы эти образуютъ маленькіе сточные каналы для воды, которые въ значительной степени способствуютъ осушенію мѣстности.



Моржи.

Насѣкомыхъ въ сѣверныхъ странахъ вообще немного; но паукообразныя довольно многочисленны.

Что касается самыхъ водъ Ледовитаго моря, то здѣсь жизнь животныхъ, насколько человѣку удалось проникнуть къ сѣверу, чрезвычайно богата. Стоитъ только черпакомъ задѣть морское дно, — и можно быть увѣреннымъ, что въ черпакѣ окажется

масса ракообразныхъ, моллюсковъ, морскихъ звѣздъ и пр., а самая поверхность моря въ солнечный день кишитъ маленькими животными.

Такъ же точно и большія животныя встрѣчаются въ морѣ чаще, нежели на сушѣ. Теперь даже трудно представить себѣ тѣ безчисленныя стада китовъ, охота за которыми въ продолженіе почти трехъ столѣтій составляла значительную доходную статью многихъ государствъ. Это животное теперь такъ истреблено, что уже больше нѣтъ выгоды снаряжать корабли на китовую ловлю.

Въ послѣднія 50 лѣтъ главную добычу промышленниковъ составлялъ моржъ. Онъ встрѣчался въ невѣроятно большомъ количествѣ у Шпицбергена; въ XVI столѣтіи нерѣдко удавалось убивать отъ 700 до 800 штукъ моржей въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ.

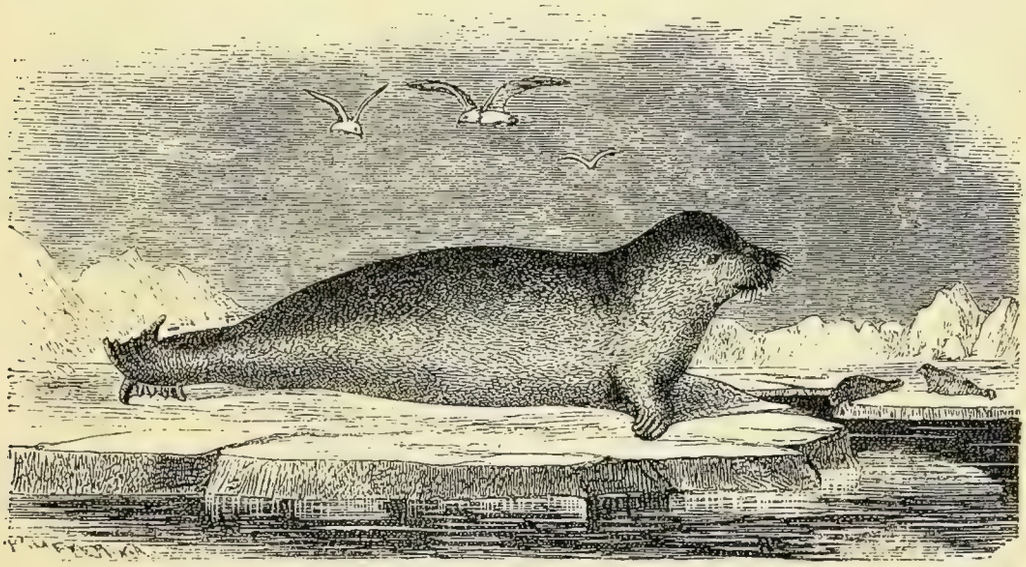
Моржи одинаковаго возраста держатся вмѣстѣ большими стадами. Они лежатъ обыкновенно на какомъ-нибудь песчаномъ берегу и, грѣясь на солнцѣ, погружаются въ глубокій сонъ, поставивъ предварительно нѣсколько сторожевыхъ; дожившіе до большой старости самцы плаваютъ въ одиночку.

Самка, преслѣдуемая охотникомъ, прежде всего старается всячески спасти своего дѣтеныша. Но обыкновенно оба они становятся добычею охотника, потому что забота о дѣтенышѣ мѣшаетъ спастись и самой матери.

Интересная черта въ нравахъ моржей — общежительность и любопытство. Когда однажды Норденшельдъ, въ тихій лѣтній день, ѣхалъ на лодкѣ около большого стада моржей, то многіе изъ нихъ довольно долго — мирно, безъ враждебныхъ цѣлей — слѣдовали за лодкой, производя отъ времени до времени звуки въ родѣ хрюканья; иные подплывали совсѣмъ близко къ лодкѣ и поднимались высоко изъ воды, чтобы хорошенько разглядѣть ѣдущихъ. Массы ихъ лежали на льдахъ такъ плотно другъ

подлѣ друга, что льдины совершенно погружались въ воду; тѣмъ не менѣе плавающіе вокругъ товарищи старались насильно завладѣть мѣстомъ на тѣхъ же переполненныхъ льдинахъ, хотя множество пустыхъ плыли по сосѣдству.

Если охотникъ убьетъ самку-моржа и поймаетъ дѣтеныша живымъ, послѣдній легко становится ручнымъ и преданнымъ своему хозяину. Несмотря на свои плохо развитыя конечности, онъ старается всѣми силами слѣдовать за ходящими по палубѣ моряками и очень безпокоится, оставаясь наединѣ. Къ сожалѣнію, моржи не выносятъ и нѣсколькихъ недѣль неволи.



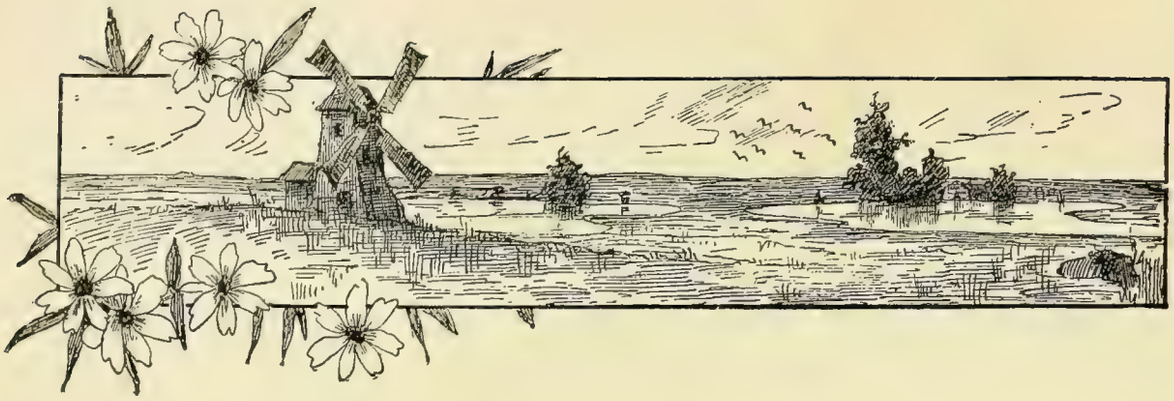
Лахтакъ.

Въ средніе вѣка о моржахъ разсказывали много удивительныхъ басенъ. Такъ, говорили, между прочимъ, будто бы моржъ во время сна виситъ на своихъ бивняхъ у береговыхъ скалъ; въ это время охотники подкрадываются къ нему, вырѣзываютъ кусокъ изъ его кожи и привязываютъ одинъ конецъ веревки за надрѣзъ, а другой къ столбу или кольцу, вбитому въ скалу, и затѣмъ начинаютъ кидать камнями въ голову животнаго; моржъ просыпается и, напрягая всѣ силы, чтобы освободиться, оставляетъ на мѣстѣ всю свою шкуру...

Кромѣ моржей, около Новой Земли водятся и другія животныя, за которыми охотятся промышленники. Это—три вида тюленей: лахтакъ, гренландскій тюлень и сизый тюлень. Лахтакъ водится и на прибрежьяхъ Шпицбергена, но въ незначительномъ количествѣ, между тѣмъ какъ у Новой Земли этотъ видъ тюленя составляетъ важный предметъ промысла; здѣсь ежегодно убивается по нѣсколько тысячъ этихъ животныхъ.

Гренландскій тюлень встрѣчается довольно часто между пловучими льдами близъ Мурманскаго берега и въ Карскомъ морѣ. Сизыхъ же тюленей чаще можно видѣть вдоль побережья. Нерѣдко случается, что сизый тюлень изъ любопытства долго плыветъ за кораблемъ и тогда легко можетъ быть убитъ, причемъ онъ не тонетъ, такъ какъ жирнѣе другихъ видовъ тюленей.

Бѣлуха — чрезвычайно красивое животное. Это маленькій китъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта, на кожѣ котораго трудно найти какое-либо пятнышко. Бѣлуху ловятъ русскіе близъ Хабарова, но прежде она ловилась въ большомъ количествѣ около устьевъ Енисея.



ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ Новой Земли до Енисея.

Утромъ 1-го августа всѣ четыре судна эскадры Норденшельда, стоявшія у деревни Хабаровой, снялись съ якорей, и маленькій флотъ на всѣхъ парахъ прошелъ, чрезъ Вайгачскій проливъ или Югорскій Шаръ, въ Карское море.

Островъ Вайгачъ и южная часть Новой Земли, мимо которыхъ лежалъ путь эскадры, отъ 73° сѣв. шир., въ лѣтнее время совершенно освобождаются отъ снѣга. Недавняя возвышенная равнина принимаетъ видъ изборожденной горами страны, и мореплаватель можетъ издали видѣть множество раскинутыхъ холмовъ, между которыми то тамъ, то сямъ виднѣются блестящія ледяныя массы. Но далѣе, къ сѣверу, за Маточкинымъ Шаромъ, въ Новой Землѣ остаются еще настоящія ледяныя поля,—горы и долины выравнены, и вся внутренность страны представляетъ сплошную ледяную степь. Лѣтомъ эта ледяная степь перерѣзывается только быстрыми рѣчками, которыя обыкновенно впадаютъ въ образовавшееся въ той же степи озеро, воды котораго скрываются въ прозрачныхъ ледяныхъ водоемахъ. Отъ

времени до времени во внутренности льда слышатся удары, похожіе на пушечные выстрѣлы; это или является новое отверстіе, пробитое во льду сильнымъ напоромъ воды, или громадный ледяной обвалъ сваливается въ море. Ледъ, сжатый между крутыми горными ущельями, образуетъ тогда нерѣдко настоящіе ледяные водовороты, которые изъ разбитаго ледяного покрывала съ необычайною быстротою и силою выбрасываютъ громадные обломки льда и выдвигаютъ въ море настоящія ледяныя горы.

Одинъ русскій ученый, Бэръ, назвалъ Карское море «ледникомъ»; ледяныя массы, скопляющіяся у Новой Земли, не уносятся морскими теченіями и въ началѣ лѣта заграждаютъ тѣ три пролива, которые ведутъ въ Карское море. Поэтому предполагали, что Карское море въ продолженіе всего лѣта наполнено льдами. Но Норденшельдъ, во время своихъ прежнихъ путешествій, убѣдился, что лѣтомъ это море удобно для плаванія.

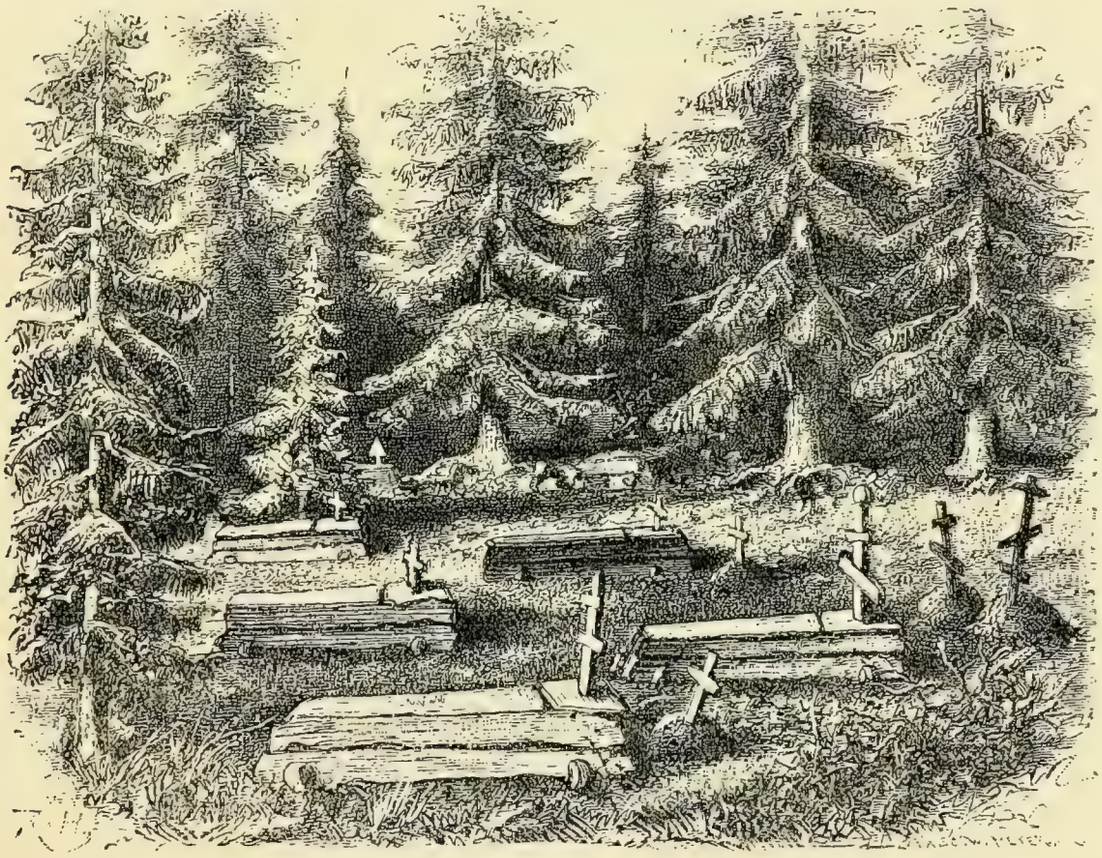
И на этотъ разъ, дѣйствительно, наши путешественники продолжали путь безпрепятственно. Погода стояла самая благопріятная, и море было совершенно свободно отъ льда до вечера 3-го августа, когда встрѣтился лишь слабый наносный ледъ, сопровождаемый густымъ туманомъ. 4-го августа вода подъ судами приняла желтовато-сѣрый, глинистый цвѣтъ и оказалась настолько прѣсной, что ее почти можно было пить,— путешественники доплыли уже до области водъ Оби и Енисея. 6-го августа они увидали мѣсто назначенія кораблей Сибирякова, гавань Диксона, у устья Енисея, гдѣ маленькій флотъ благополучно и остановился.

Мѣстность у гавани Диксона совершенно запустѣлая, хотя прежде здѣсь находилось нѣсколько жилыхъ избъ, въ которыхъ останавливались на время промысла звѣропромышленники и рыбаки.

Буксированіе лодки собаками.

Строенія эти, или такъ-называемыя зимовья, у устья Енисея были самыя сѣверныя жилища европейскихъ народовъ.

Зима на устьѣ Енисея обыкновенно бываетъ очень снѣжная и суровая, разливы рѣкъ отличаются страшною силой. Здѣсь именно, какъ мы видѣли, финляндскій штурманъ Нуммелинъ съ нѣсколькими товарищами въ 1876 году подвергся столь тяжелымъ испытаніямъ.



Кладбище въ первобытномъ лѣсу Сибири.

Во время путешествія въ 1877 году къ устьямъ Енисея, Норденшельдъ отправился вверхъ по этой рѣкѣ, западный берегъ которой почти на всемъ протяженіи низменный, между тѣмъ какъ восточный представляетъ гористую мѣстность. Первый, съ безчисленными островами, раскиданными по рѣкѣ, заливается весеннимъ половодьемъ, оставляющимъ послѣ себя на почвѣ массы тины и ила. Вслѣдствіе этого естественнаго удо-

бренія тамъ развивается роскошная растительность. Лѣсная граница Енисея начинается около Дудина, гдѣ на пригоркахъ растутъ небольшія деревья; но нѣсколько миль южнѣе начинается высокій хвойный лѣсъ, простирающійся, съ небольшими промежутками, почти вплоть до Охотскаго моря. Этотъ громадный первобытный лѣсъ, подобнаго которому нѣтъ на свѣтѣ, еще почти не тронутъ топоромъ земледѣльца; къ сожалѣнію, лѣсные пожары во многихъ мѣстахъ уничтожили большія пространства его. Къ сѣверу лѣсъ оканчивается голыми тундрами, между тѣмъ какъ къ югу отъ него начинаются необозримыя степи съ роскошною растительностью, какой, по пространству и плодородію, нигдѣ нельзя встрѣтить.

Въ настоящее время эта богатая страна населена очень мало; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣкъ почти не бывала нога европейца, и только кочевыя племена да еще охотники бродятъ тамъ. Коренное населеніе состоитъ преимущественно изъ самоѣдовъ, остяковъ, тунгузовъ и якутовъ, и лишь по берегамъ рѣкъ можно встрѣтить русскія селенія, основанныя для торговли съ туземцами и для рыболовства; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ впрочемъ учреждены золотые пріиски. Населеніе здѣсь, повидимому, зажиточное и гостепріимное. Русскія избы украшены рѣзьбою. Внутренность избъ весьма опрятна, стѣны украшаются множествомъ лубочныхъ картинъ, а иконы—богатыми ризами. На ряду съ другими жилищами встрѣчаются часто чумы туземцевъ. Самоѣдскій чумъ покрытъ обыкновенно оленьими шкурами, между тѣмъ какъ чумы остяковъ обложены берестой.

Въ сосѣдствѣ чумовъ всегда находится множество собакъ, на которыхъ зимою возятъ и ѣздятъ; лѣтомъ же собаки эти буксируютъ лодки противъ теченія. Этотъ способъ водяного сообщенія чрезвычайно удивилъ норвежскихъ моряковъ, сопровождавшихъ Норденшельда; видъ лодки, которую тащили собаки, произвелъ на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели

Кремль Москвы и кіевскіе колокола. Къ длинной веревкѣ впрягаютъ необходимое число собакъ, которыя затѣмъ бѣгутъ по ровному берегу, причемъ вытаптываютъ настоящія тропинки.

Плоскодонныя лодки держатся на извѣстномъ разстояніи отъ берега при помощи руля и шеста, которымъ стоящій на носу лодки отталкиваетъ ее.

Въ настоящее время большинство туземцевъ, которые находились съ русскими въ близкихъ сношеніяхъ, христіане. Но многіе языческіе обычаи между ними еще не совсѣмъ исчезли, что̀ доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ. При одномъ зимовьѣ, около котораго Норденшельдъ вышелъ на берегъ, въ лѣсу, невдалекѣ отъ жилищъ, находилось кладбище, на которомъ гробы не зарывались, а просто ставились на землю; на каждомъ изъ нихъ былъ крестъ, а въ одинъ вставлена икона, доказывавшая, что тутъ покоится христіанинъ. Однакоже, по языческому обычаю, и одежда, принадлежавшая покойному, висѣла около могилы, и тутъ же лежалъ узелъ съ съѣстными припасами, состоявшими преимущественно изъ сушеной рыбы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъ Енисея до устьевъ Лены.

За гаванью Диксона, на пути, предстоявшемъ Норденшельду, простиралась область Ледовитаго океана, въ которой еще не одинъ европейскій корабль не бороздилъ холодныхъ волнъ. Къ сѣверо-востоку, уходя все дальше и дальше къ недоступнымъ дотолѣ широтамъ, тянулись берега обширнаго полуострова Таймура, къ отдаленнѣйшему пункту котораго, мысу Челюскину, составляющему крайнюю сѣверную оконечность Азіи, тщетно стремились пройти столько отважныхъ мореплавателей, и самыя свѣдѣнія о которомъ подвергались сомнѣнію.

9-го августа, утромъ, два судна Сибирякова, везшія товары на Енисей, отправились вверхъ по рѣкѣ, а «Вега» и «Лена» готовились плыть далѣе. Ихъ выходъ въ море былъ задержанъ на сутки для съемки береговъ гавани Диксона и для болѣе точнаго опредѣленія положенія этого важнаго мѣста; послѣднему, однако, помѣшалъ густой не прояснявшійся туманъ. По мнѣнію

Норденшельда, теплыя воды Енисея, изливающіяся въ море, создаютъ здѣсь упорныя непогоды.

Утромъ 10-го августа «Вега» и «Лена» снялись, наконецъ, съ якорей и вышли въ море, направляясь къ сѣверо-востоку, къ Каменнымъ островамъ, лежащимъ грядою близъ береговъ континента на пути къ Челюскину мысу. Небо было облачно; температура воздуха превышала 10° Ц., а темп. воды въ морѣ — 10—8°; морская вода на поверхности имѣла слабое содержаніе соли, что́ указывало на большое присутствіе здѣсь водъ Енисея. Въ теченіе цѣлаго дня льды не встрѣчались, и, при попутномъ вѣтрѣ, суда шли на всѣхъ парусахъ. Встрѣченные на пути рифы, не обозначенные на картѣ, показали какъ мало извѣстно это море. Между тѣмъ поднялись упорные туманы, и суда должны были идти, принявъ всѣ мѣры предосторожности.

На слѣдующій день дулъ еще теплый вѣтеръ, и море было свободно. Но туманъ становился съ самаго утра такъ густъ, что «Вега» должна была пристать къ одному изъ многочисленныхъ островковъ, постоянно встрѣчавшихся на пути. Норденшельдъ въ сопровожденіи троихъ ученыхъ спутниковъ вышелъ на берегъ. Путешественники встрѣтили здѣсь страшную пустоту и безжизненность на пустынномъ островѣ. Голыя скалы, разрушаемыя морозами, а въ низкихъ мѣстахъ засыпанныя снѣгами и льдами, составляли поверхность островка; одни мхи напоминали о растительности; млекопитающихъ совсѣмъ не было, и лишь нѣсколько птицъ нарушали вѣковое безмолвіе мертвой природы.

Послѣ полудня стало немного яснѣе, и суда могли снова выйти въ море. Вскорѣ начали попадаться отдѣльныя льдины. Ночью число ихъ стало возростать въ угрожающихъ размѣрахъ. Впрочемъ, при ясной погодѣ и въ знакомомъ морѣ, онѣ не препятствовали бы плаванію.

12-го августа флотилія Норденшельда продолжала идти на парусахъ уже среди обширныхъ ледяныхъ полей, изъ которыхъ

одни были изъ стараго толстаго льда, а другія, очевидно, представляли избитые и обточенные обломки льдовъ текущаго года. Они не представляли, однако, серьезныхъ затрудненій для плаванія. По мнѣнію Норденшельда, ближе къ берегамъ можно было бы, по всей вѣроятности, найти свободный отъ льдовъ каналъ, но среди тумана въ этихъ неизвѣстныхъ водахъ было бы неблагоразумно приближаться къ берегамъ безъ крайней необходимости.

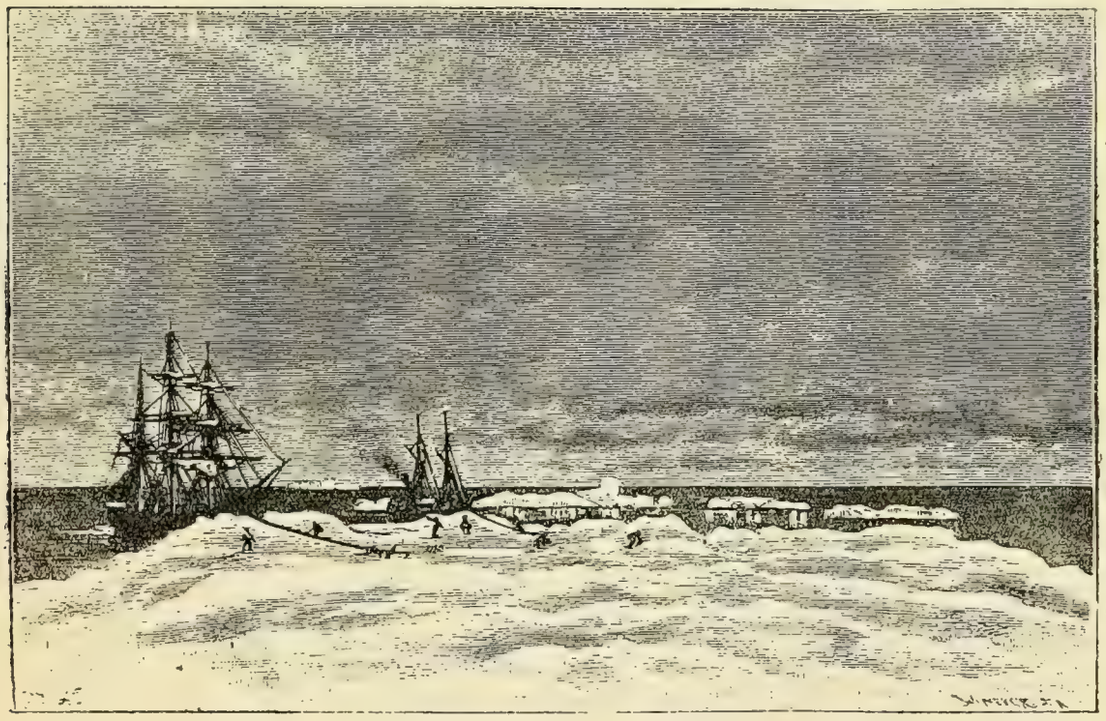
На нѣсколько времени «Вега» и «Лена» причалили къ неподвижной льдинѣ. При подошвѣ ея, лежавшей глубоко въ водѣ, путешественники видѣли множество рыбы, собравшейся въ кучу. На другой день, близъ одного изъ низкихъ островковъ, около береговъ котораго вода была очень прозрачна, имъ пришлось увидѣть морское дно, буквально заваленное трупами рыбы этого же вида. Случается, что большая стая этихъ животныхъ заходитъ въ узкій промежутокъ между льдинами, и когда поверхность воды надъ ними замерзаетъ, заключенная со всѣхъ сторонъ рыба, лишенная воздуха, задыхается. Такъ случается въ Оби, гдѣ иногда гибнетъ такое множество рыбы, что вода бываетъ отравлена на большомъ протяженіи.

13-го августа «Вега» и «Лена» шли на парусахъ среди архипелага островковъ и подводныхъ камней. Въ началѣ море было довольно свободно; но потомъ показались пловучіе льды, не мѣшавшіе, однако, плаванію; къ несчастію, надвинулся густой туманъ, вынудившій Норденшельда стать на якорѣ въ одной изъ бухтъ. Тщетны были попытки опредѣлить положеніе стоянки. Берега почти повсюду образовывались изъ высокихъ снѣговыхъ и ледяныхъ скалъ, казавшихся изъ-за тумана огромными ледниками; между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ на землѣ не было слѣда снѣга. Море кругомъ было прозрачное и соленое.

Какъ только туманъ началъ проясняться, развели пары. Но едва суда вышли въ море, какъ снова все окуталъ непро-

глядный туманъ, вынудившій Норденшельда причалить къ большой льдинѣ.

Норденшельдъ сошелъ на нее, чтобы собрать интересовавшіе его кристаллы «космической пыли», которые, по его мнѣнію, привлекаются на землю притяженіемъ и бываютъ находимы только въ малодоступныхъ для человѣка странахъ сѣвера, куда не проникаетъ пыль нашихъ городовъ, фабрикъ и пр. Растопивъ снѣгъ, онъ дѣйствительно извлекъ маленькіе кри-



«Вега» и «Лена», причаленныя къ льдинѣ.

сталлы блѣдно-желтаго цвѣта, однороднаго и страннаго состава. Къ сожалѣнію, не было возможности тотчасъ же измѣрить углы кристалловъ, которые вскорѣ превратились въ бѣлый, безформенный, не имѣющій вкуса порошокъ. Химическое изслѣдованіе впослѣдствіи показало, что кристаллы состояли изъ углекислой извести; но они были въ необычной для земли кристаллической формѣ и возбуждаютъ вопросъ, какъ могли возникнуть и попасть въ снѣга сѣвера.

14-го августа, когда туманъ немного прояснился, «Вега» и «Лена» двинулись въ путь на парахъ. Но тотчасъ же опять должны были стать на якорь въ одномъ заливѣ острова Таймура, на берегу пролива, отдѣляющаго его отъ континента. Норденшельдъ назвалъ заливъ «Заливомъ Актиній», такъ какъ здѣсь онъ поймалъ множество этихъ животно-растеній.

За островомъ Таймуромъ лежитъ глубоко вдающійся въ континентъ обширный заливъ Таймурскій, восточные берега котораго направляются почти прямо къ сѣверу, къ мысу Челюскину. И, чтобы достигнуть этого послѣдняго, Норденшельду предстояло открытымъ моремъ проплыть по прямой линіи, образующей широкій входъ въ заливъ, и затѣмъ по берегу континента къ сѣверу. Дурное состояніе погоды задержало его въ Заливѣ Актиній до 18-го числа. Время это было употреблено на ученыя изысканія и экскурсіи.

Въ этомъ морѣ, гдѣ не былъ до тѣхъ поръ еще ни одинъ европейскій корабль, Норденшельдъ едва не встрѣтился съ соотечественникомъ. Въ то время какъ онъ стоялъ въ Таймурскомъ проливѣ, капитанъ Іоганнесенъ былъ по сосѣдству съ своимъ небольшимъ парусным судномъ «Нордландъ» изъ Тромсэ. Оставивъ Норвегію 22-го мая 1878 года, онъ 22-го іюля обогнулъ сѣверную оконечность Новой Земли, и 10-го августа направился къ востоку черезъ Карское море, между 76° и 77° сѣв. шир. Не встрѣтивъ нигдѣ льдовъ, онъ дошелъ 16-го августа до береговъ полуострова Таймура и проплылъ вблизи ихъ до 78° сѣв. шир., открывъ пустынный и дикій островъ, названный имъ Островомъ Уединенія (de la Solitude). Оттуда Іоганнесенъ поплылъ назадъ въ Швецію, и на этомъ возвратномъ пути онъ опять не встрѣтилъ льдовъ въ Карскомъ морѣ.

18-го августа туманъ, окутывавшій окрестности острова Таймура, прояснился, и «Вега» съ «Леной», разведя пары, двинулись въ путь, обогнувъ съ запада островъ и направляясь на

перерѣзъ входа въ Таймурскій заливъ, къ восточнымъ берегамъ. Туманы препятствовали опредѣлять мѣстности, мимо которыхъ проходили суда, но плаваніе шло удачно. Льда встрѣчалось мало, и то разбитаго на небольшіе куски; на самомъ большомъ изъ нихъ едва-ли помѣстился бы тюлень. Въ теченіе цѣлаго дня путешественники не видѣли ни одной птицы— фактъ, единственный въ полярныхъ путешествіяхъ.

19-го августа суда были у береговъ полуострова Таймура и шли и на парахъ, и подъ парусами. Большую часть дня весьма густой туманъ окружалъ ихъ, который прояснялся лишь на короткое время, давая различать берегъ. Чтобы не потерять другъ друга изъ виду, «Вега» и «Лена» постоянно должны были давать сигналы свистками. Море было гладко какъ зеркало, тамъ и сямъ показывались изрѣдка раздробленныя и небольшія массы пловучихъ льдовъ. Но къ концу дня суда прошли мимо обширнаго поля компактнаго льда, приставшаго къ континенту и наполнявшаго заливъ, лежащій на западномъ берегу Челюскина полуострова. Сквозь туманъ эти льды казались густы и высоки, а въ дѣйствительности были такъ же раздроблены, какъ и прежде встрѣчавшіеся.

Туманъ препятствовалъ видѣть истинные размѣры ледяного поля, и Норденшельдъ началъ опасаться, что льды сплошь окружаютъ наиболѣе сѣверный мысъ Азіи и воспрепятствуютъ пристать къ нему. Но вотъ изъ-за мглы, въ направленіи къ сѣверо-востоку, показался темный профиль мыса, окруженнаго свободнымъ моремъ, и 19-го августа, въ шесть часовъ вечера, два судна экспедиціи Норденшельда вошли въ заливъ, обращенный входомъ къ сѣверу. Отважные мореплаватели прибыли къ Челюскину мысу.

Норденшельдъ достигъ теперь цѣли, къ которой въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій стремились отважнѣйшіе мореплаватели. Въ первый разъ корабли стояли на якорѣ у самой сѣверной

оконечности Стараго Свѣта. Это важное событіе было отпраздновано съ подобающимъ торжествомъ: раздались выстрѣлы салюта, корабли украсились флагами, а послѣ того, какъ Норденшельдъ и его товарищи, побывавъ на берегу, возвратились на корабль, былъ устроенъ веселый пиръ. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, выпивались тосты за благополучное продолженіе сопряженнаго съ такими опасностями плаванія, такъ счастливо начатаго.

Подходя къ Челюскину мысу, путешественники увидали огромнаго бѣлаго медвѣдя, который, прогуливаясь по берегу, подозрительно посматривалъ на приближающіеся корабли, стараясь чутьемъ угадать, какіе непрошенные гости впервые явились въ его царство. Но скоро пушечные выстрѣлы такъ сильно перепугали его, что онъ стремглавъ убѣжалъ и, противъ обыкновенія всѣхъ бѣлыхъ медвѣдей, не показался даже на слѣдующій день.

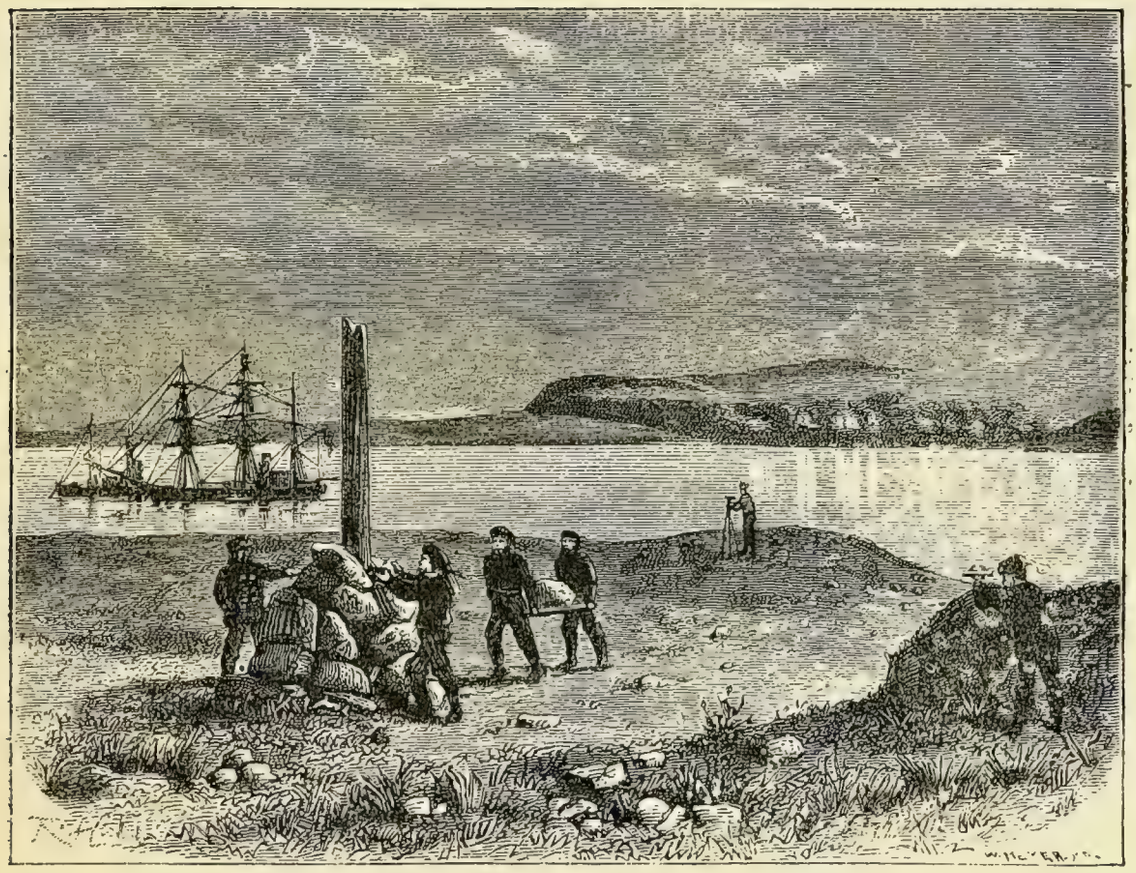
Сѣверная оконечность Азіи образуетъ низкій, на-двое раздѣленный заливомъ мысъ, восточный уголъ котораго выдается немного далѣе къ сѣверу, нежели западный. Отъ перваго во внутренность страны, по южному направленію, простирается горный хребетъ, достигающій около 900 футовъ высоты. На скатахъ горы и на равнинахъ виднѣлись большія снѣжныя поля; у берега было мало льда, и мѣстность имѣла однообразный и пустынный видъ.

Путешественники наши нашли здѣсь очень скудную растительность. Лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ земля была покрыта мохомъ и самою тощею травою. Впрочемъ, кое-гдѣ въ трещинахъ виднѣлось нѣсколько отростковъ увядшихъ цвѣтковыхъ растеній.

Пернатое царство въ окрестностяхъ мыса имѣло своихъ представителей въ большомъ количествѣ бекасовъ, въ густой стаѣ сѣверныхъ морскихъ гусей, прилетѣвшихъ, быть можетъ,

«Вега» и «Лена» солютуютъ мысу Челюскину.

съ какой-нибудь полярной земли, лежащей къ сѣверу отъ мыса Челюскина, и теперь видимо собиравшихся для перелета къ югу,—въ гагарахъ, въ многочисленныхъ полярныхъ и трехпалыхъ чайкахъ; изрѣдка встрѣчались также слѣды совъ. Изъ млекопитающихъ тутъ водились медвѣди и олени, слѣды которыхъ можно было ясно разобрать на этой снѣжной равнинѣ,



Остановка экспедиціи у мыса Челюскина.

а въ морѣ путешественники видѣли моржа, нѣсколькихъ тюленей и небольшія стада бѣлухъ.

Всѣ рѣчки были безъ воды, и только широкія русла ихъ свидѣтельствовали, что во время таянія снѣговъ онѣ широко разливаются. Слѣдовъ людей нигдѣ не было видно. По старому обычаю полярныхъ путешественниковъ, участники экспедиціи сложили на берегу каменную груду въ память своего посѣщенія.

Желая сдѣлать самыя точныя опредѣленія астрономическаго положенія столь важнаго пункта, Норденшельдъ оставался у Челюскина мыса до полудня 20-го августа. Въ теченіе этого времени «Лена» дѣлала поѣздки въ разныхъ направленіяхъ, производя ловлю животныхъ и растеній въ морскихъ глубинахъ. Въ восьми минутахъ къ сѣверу отъ мѣста стоянки, она нашла массы толстыхъ и твердыхъ льдовъ. Глубина моря быстро увеличивалась по мѣрѣ отдаленія отъ береговъ.

По плану путешествія, Норденшельдъ долженъ былъ отъ мыса Челюскина направиться прямо къ востоку, къ Ново-Сибирскимъ островамъ, чтобы узнать, нѣтъ ли какой-либо земли въ этомъ направленіи. 20-го и 21-го августа путь среди рѣдкихъ пловучихъ льдовъ не представлялъ никакихъ трудностей. Льдины здѣсь были, однако, значительно толще и обширнѣе тѣхъ, которыя встрѣчались прежде по западному берегу земли Таймуръ, но «пловучихъ ледяныхъ горъ» путешественники не встрѣчали. Впрочемъ, оба судна были окружены такимъ упорнымъ и густымъ туманомъ, что видѣть ясно льды можно было только уже около самыхъ кораблей.

Ночью съ 21-го на 22-е число, суда шли подъ парами среди довольно толстыхъ льдинъ. Днемъ туманъ настолько усилился, что невозможно стало видѣть величину ледяного поля даже по сосѣдству съ кораблемъ. Къ полудню Норденшельдъ нашелъ необходимымъ поворотить болѣе къ югу, но, встрѣтивъ сплошные льды, вынужденъ былъ причалить къ большому ледяному полю. Послѣ полудня туманъ разсѣялся, и суда пошли впередъ. Но прояснилось на очень короткое время, и скоро снова надвинулся такой туманъ, что, какъ говорится, ни зги не было видно. Продолжая идти наугадъ среди лабиринта льдовъ, окружавшихъ суда со всѣхъ сторонъ, «Вега» подвергалась серьезной опасности наткнуться на огромную льдину или быть затертою льдами.

Норденшельдъ былъ убѣжденъ, что онъ не встрѣтилъ бы подобныхъ трудностей на пути до самыхъ устьевъ Лены, еслибы шелъ постоянно около береговъ, и что онъ не нашелъ бы тамъ тумановъ и имѣлъ бы передъ собою весьма широкій свободный отъ льдовъ прибрежный каналъ, по которому онъ могъ бы плыть, не опасаясь, что его прибьетъ льдами къ берегу. По его мнѣнію, ежегодно въ концѣ августа, по крайней мѣрѣ на пространствѣ береговъ отъ Енисея до Лены, существуютъ эти удобства для плаванія, и наиболѣе трудный путь по сѣвернымъ берегамъ стараго континента есть, по его мнѣнію, не крайній сѣверный мысъ Азіи, а пространство, простирающееся до него къ востоку отъ входа въ Карское море.

И вотъ теперь, чтобы выйти изъ опаснаго положенія, онъ отказался отъ мысли идти прямо къ Ново-Сибирскимъ островамъ и рѣшилъ попытаться, насколько возможно скорѣе, пробиться въ свободный каналъ, который предполагалъ найти вблизи береговъ. Утромъ 23-го числа, когда немного прояснилось, суда тотчасъ пошли среди льдовъ впередъ, уже не назначая заранѣе направленія, а только стремясь выйти въ свободныя воды. Встрѣчавшіяся раздробленныя ледяныя поля ясно указывали, что за ними находятся свободныя воды. Тѣмъ не менѣе всѣ попытки пробиться къ востоку, западу или югу были тщетны, и Норденшельдъ рѣшился идти къ сѣверу, чтобы только отыскать возможную для плаванія дорогу. Положеніе становилось тревожнымъ, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ перемѣнился и задулъ отъ сѣверо-запада, принося съ собою холодъ, а машина «Веги» была не настолько сильна, чтобы дозволять быстрый ходъ при подобныхъ условіяхъ. Наконецъ, къ шести съ половиною часамъ вечера суда Норденшельда выбрались изъ западни, въ которой пробыли болѣе сутокъ.

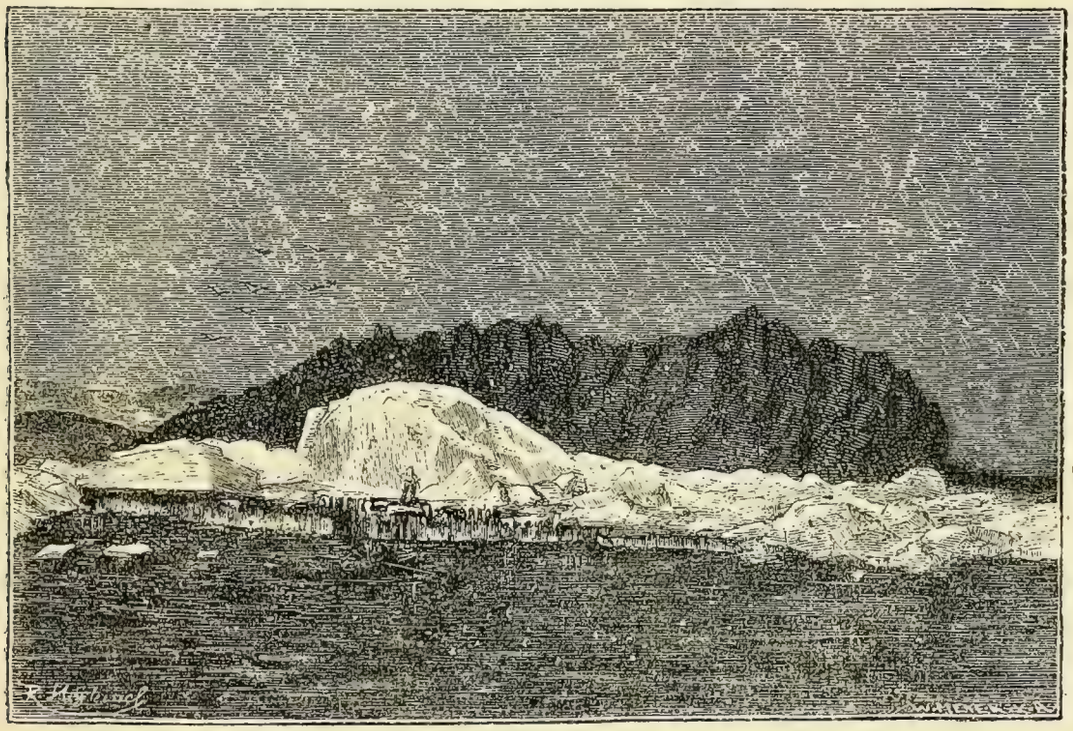
Трудно себѣ представить, сколько мѣшали безпрепятственному движенію судовъ оптическіе обманы, производимые въ

этихъ широтахъ туманомъ, не дававшіе никакой возможности судить о величинѣ и разстояніи предметовъ, погруженныхъ въ мглу. Иногда неясные очерки предмета въ туманѣ принимали самыя фантастическія формы. Въ одно изъ прежнихъ путешествій Норденшельду пришлось однажды во время тумана возвращаться въ шлюпкѣ съ охоты и искать островокъ, къ которому можно было бы пристать. И вотъ, на моментъ на горизонтѣ показалась темная полоса. Всѣ спутники Норденшельда думали, что это островъ, котораго нужно было достигнуть. Но темная полоса стала быстро рости. Явленіе это сначала не удивило никого, и всѣ думали, что поднимающійся туманъ скоро совсѣмъ откроетъ островъ, но вдругъ съ двухъ сторонъ появились два снѣжныя поля ослѣпительной бѣлизны, сначала не замѣченныя путниками, которыя мало-по-малу преобразились въ морское чудовище, съ колоссальной моржевой головой. Черезъ нѣсколько времени картина эта стала сливаться и подъ конецъ приняла размѣръ и видъ обыкновенной головы моржа. Оказалось, что на одной льдинѣ, не далеко отъ шлюпки дѣйствительно находился моржъ, бивни котораго передъ тѣмъ изображали обширныя снѣжныя поля.

Въ другой разъ, въ такое же туманное время, цѣлый экипажъ судна слѣдилъ за большимъ медвѣдемъ, который, противъ обыкновенія, и не думалъ подходить къ кораблю; въ ту минуту, когда готовились стрѣлять въ него, мнимый медвѣдь вдругъ поднялъ гигантскія крылья и улетѣлъ въ видѣ маленькой чайки. Эти примѣры показываютъ, какимъ опаснымъ ошибкамъ подвергается полярный путешественникъ, плывущій въ туманѣ среди льдовъ.

Освободившись изъ льдовъ, Норденшельдъ направилъ судно къ берегу, и вечеромъ, около 8 — 9 часовъ, вдали показалась земля. Выйдя въ совершенно свободное и тихое пространство моря, суда, при попутномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, быстро

пошли впередъ, не имѣя нужды прибѣгать къ парамъ. Идя на слѣдующій день вблизи береговъ, путешественники наши видѣли мѣстами красивыя цѣпи горъ, достигавшія на взглядъ 600—900 метровъ. Но какъ и низины, онѣ не были покрыты снѣгами. Зато въ небольшихъ заливахъ виднѣлись массы льда и снѣга, достигавшія на внутренней сторонѣ значительной высоты надъ моремъ, а за ними отъ подошвы горъ и до конца



Островъ Преображенія.

береговъ простирались сплошныя долины, покрытыя темно-зеленой растительностью.

Утромъ погода была ясная, льдовъ нигдѣ видно не было, и нерѣдко показывались моржи въ значительномъ количествѣ. Къ полудню съ мачты раздался крикъ: «земля видна!». Это былъ островъ Преображенія, лежащій при устьѣ рѣки Хотанги, при основаніи полуострова Таймура, тамъ, гдѣ берега, шедшіе до того круто къ югу, поворачиваютъ къ востоку. Норденшельдъ рѣшилъ остановиться тутъ для научныхъ изысканій и сталъ на якоряхъ.

Путешественники наши не нашли снѣгу на островѣ: онъ былъ покрытъ мохомъ и частью травою. Выступы крутыхъ береговыхъ утесовъ служили на немъ мѣстомъ выводки безчисленнымъ стаямъ чистиковъ и кайръ; на крайнихъ береговыхъ отмеляхъ бѣгали съ крикомъ взадъ и впередъ голенастыя птицы, отыскивая себѣ пищу; на высокихъ уступахъ скалъ высиживали свои яйца чайки, а на косогорѣ, внизу, сидѣла неподвижно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, горная сова, подстерегавшая добычу. На береговой полянѣ, у подножія горы, видны были два бѣлыхъ медвѣдя, въ морѣ — немалое количество тюленей, а далѣе, въ открытомъ морѣ, проплыли мимо большія стада моржей. На этомъ островѣ, который лежитъ значительно южнѣе мыса Челюскина, растительность гораздо богаче, чему много способствуетъ теплая вода рѣки Хотанги.

Норденшельдъ хотѣлъ-было дольше пробыть на интересномъ островѣ, но время года становилось позднее; онъ спѣшилъ, и потому, послѣ 10 часовъ вечера, суда подняли якоря, чтобы плыть впередъ вдоль береговъ. 25-го, 26-го и 27-го августа погода вообще стояла великолѣпная, море было свободно и тихо, температура воды снова значительно выше, до 6° Ц., соленость ея гораздо слабѣе. Глубина моря, между тѣмъ, становилась очень мала, такъ что въ ночь съ 25-го на 26-е число «Вега» съ трудомъ прошла чрезъ нѣсколько мелей, лежащихъ къ западу отъ дельты Лены, передъ устьями Оленека.

Первоначально Норденшельдъ намѣревался разойтись съ пароходомъ «Лена» въ одномъ изъ рукавовъ устья рѣки Лены. Но такъ какъ море оказалось покрытымъ мелями, а вѣтеръ благопріятствовалъ продолженію пути, и открытый каналъ лежалъ впереди къ востоку, то онъ рѣшился разойтись съ судномъ Сибирякова въ открытомъ морѣ, передъ островомъ Туматомъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е августа, пустивъ на прощанье нѣсколько ракетъ, суда, не доходя до устья рѣки Лены, раз-

стались, и каждое направилось въ свою сторону: пароходъ «Лена» продолжалъ свой путь къ мѣсту своего назначенія— устью рѣки Лены и городу Якутску, «Вега»—къ востоку, навстрѣчу новымъ опасностямъ, по морю, на которомъ до сихъ поръ попытки плаванія никогда еще не оканчивались вполнѣ благополучно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отъ устья Лены до мѣста зимовки.

Въ воздухѣ было тихо и туманно, и термометръ показывалъ 4°, когда «Вега», теперь одна, двинулась впередъ. Норденшельдъ опять намѣревался пройти къ Ново-Сибирскимъ островамъ, нетерпѣливо желая ознакомиться съ этимъ архипелагомъ, славнымъ мамонтовыми клыками и потому имѣвшимъ въ его глазахъ чрезвычайный научный интересъ. Сначала «Вега» шла скоро. Но когда она подходила къ самымъ западнымъ изъ этихъ острововъ, Семеновскому и Столбовому, встрѣтились многочисленныя мели, а затѣмъ и чрезвычайно твердое ледяное поле, заставившее ее дѣлать большіе обходы. Ходъ судна крайне замедлился, и только 30-го августа «Вега» достигла западнаго берега Ляховскаго острова, гдѣ Норденшельдъ намѣренъ былъ остановиться. Сѣверный и восточный берега острова были еще свободны отъ льдовъ, но на западѣ его скопились массы пловучаго льда, нанесеннаго вѣтромъ въ предыдущіе дни, а глубина моря была не велика, такъ что сношенія съ берегомъ пришлось бы производить на лодкѣ среди льдовъ. Къ тому же

Норденшельдъ боялся зазимовать здѣсь въ льдахъ; онъ долженъ былъ опасаться еще бури, при которой положеніе корабля могло сдѣлаться очень опаснымъ. Эти обстоятельства вынудили его продолжать путь.

3-го сентября «Вега» подходила къ Медвѣжьимъ островамъ. Передъ тѣмъ шелъ такой сильный снѣгъ, что палуба корабля покрылась какъ бы бѣлымъ покровомъ, и острова были бѣлы.

Медвѣжьи острова, расположенные передъ устьемъ рѣки Колымы, представляютъ особенный, имъ только свойственный,

Чукотскія лодки.

видъ. Горы, наполнявшія ихъ, въ продолженіе тысячелѣтій разсыпались, оставляя тамъ и сямъ какъ бы высокія колонны и башни, группы и ряды развалинъ, похожихъ на разрушившіеся стѣны и дома. Съ моря эти развалины кажутся громаднымъ городомъ, какъ будто обнесеннымъ стѣнами и наполненнымъ храмами и великолѣпными зданіями.

Держась береговъ, «Вега» до сихъ поръ не встрѣчала слишкомъ серьезныхъ препятствій для плаванія. Но теперь, къ востоку отъ Медвѣжьихъ островов, къ материку густыми тол-

стыми массами нанесло ледъ. Впрочемъ, вдоль берега виднѣлась еще свободная полоса воды.

Миновавъ Медвѣжьи острова, Норденшельдъ направилъ курсъ прямо на мысъ Шелагскій, причемъ «Вега» оставила прибрежную полосу воды и пошла сѣвернѣе чрезъ пловучій ледъ. Но вскорѣ задулъ сѣверный вѣтеръ, температура понизилась до точки замерзанія, вода между пловучими льдинами покрылась толстою корою, ледъ все болѣе и болѣе сгущался. Продолжать плаваніе въ томъ направленіи становилось невозможно, и «Вега» принуждена была воротиться къ берегу.

Путешественники теперь подвигались все медленнѣе и медленнѣе впередъ. Ночи стали такъ темны, что «Вега» въ теченіе ихъ вынуждена была стоять неподвижно у какой-нибудь льдины. Плаваніе вдоль сѣвернаго берега Азіи становилось въ высшей степени однообразнымъ: ледъ и только ледъ, мелкія воды и туманъ—безъ всякой перемѣны. Притомъ же съ тѣхъ поръ, какъ отправились отъ Югорскаго Шара, т.-е. въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, путешественники не встрѣчали ни людей, ни жилищъ, за исключеніемъ старыхъ покинутыхъ избъ.

Пріятную перемѣну въ этомъ смыслѣ составили начавшіяся сношенія съ туземцами. Шестого сентября, недалеко отъ Шелагскаго мыса, вахтенный увидѣлъ впереди двѣ лодки, наполненныя людьми. Все населеніе корабля,—за исключеніемъ повара, котораго никакое приключеніе не могло побудить оставить свои горшки и сковородки и который объѣхалъ вокругъ Азіи и Европы, не побывавъ ни разу на берегу,—высыпало на палубу. Лодки, сдѣланныя изъ шкуръ и построенныя такъ же, какъ эскимосскія, были нагружены смѣявшимися и разговаривавшими между собою людьми — мужчинами, женщинами и дѣтьми, которые криками и жестами давали знать, что желали быть допущенными на корабль. Когда судно остановилось, лодки причалили къ нему, и толпы людей съ непокрытыми го-

ловами начали перелѣзать бортъ корабля. По всему было видно, что они и прежде видѣли большія суда. Начался оживленный разговоръ, приведшій, впрочемъ, вскорѣ къ убѣжденію, что ни та, ни другая сторона не знала такого языка, на которомъ можно было бы объясняться. Пришлось прибѣгнуть къ разнымъ знакамъ и жестамъ. Это не помѣшало туземцамъ весело болтать, особенно послѣ того, какъ имъ роздали подарки, состоявшіе преимущественно изъ табаку и нѣсколькихъ глиняныхъ

Татуированная чукотская женщина.

трубокъ. То были чукчи. Одинъ мальчикъ между ними умѣлъ считать по-англійски до десяти, что̀ служило доказательствомъ, что они бывали въ сношеніяхъ съ американскими китоловами.

Нѣкоторые изъ чукчей были стройны и хорошо сложены. На нихъ были одѣты мѣховые штаны въ обтяжку, а сверху нѣчто въ родѣ рубашекъ изъ оленьихъ шкуръ. Головы были непокрыты, и волосы совершенно коротко острижены, за исключеніемъ узкой полосы спереди, которая зачесывалась на лобъ. Нѣкоторые имѣли при себѣ мѣховыя шапки, но держали ихъ за-

сунутыми сзади за поясъ, потому что находили погоду слишкомъ теплою, чтобы требовалось покрывать голову. Женщины были татуированы черными или темно-синими штрихами на лбу и на носу и нѣсколькими украшеніями на щекахъ. Типъ лица чукчей казался не такъ непріятенъ, какъ типъ самоѣдовъ и эскимосовъ; особенно въ сравненіи съ первыми, они были чище

Чукча въ дождевой курткѣ изъ оленьихъ кишекъ.

и имѣли красивый, почти красновато-бѣлый цвѣтъ лица. Двое изъ мужчинъ были совершенно бѣлокуры; вѣроятно это были потомки русскихъ, военно-плѣнныхъ или бѣглыхъ, поселившихся на житье между чукчами. Чукчи, казалось, были очень довольны встрѣчей и полученными подарками изъ пучковъ листового табаку, глиняныхъ трубокъ и старой одежды.

Экипажъ «Веги» былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней онъ дойдетъ до фарватера, гдѣ зимняя одежда ему больше не понадобится. Послѣ того, какъ туземцы удалились въ своихъ лодкахъ, «Вега» весь день 7-го сентября плыла вдоль берега, но къ ночи остановилась у громадной льдины. Утромъ 8-го числа корабль опять оказался окруженнымъ льдами и туманомъ, такъ что не могъ двигаться впередъ. Когда туманъ разсѣялся настолько, что корабль могъ быть виденъ съ берега, снова появились туземцы и были снова одарены. Они жестами пригла-

Чукотская юрта.

шали путешественниковъ посѣтить ихъ юрты. Такъ какъ продолжать путь было невозможно, то Норденшельдъ принялъ приглашеніе и отправился вмѣстѣ съ своими товарищами на берегъ.

Берегъ представляетъ здѣсь низкую песчаную насыпь, которая находится между моремъ и прѣсноводнымъ озеромъ. Далѣе внутрь страны мѣстность поднимается къ голымъ горнымъ высотамъ, которыя въ послѣдніе дни были покрыты легкимъ снѣгомъ. Становища чукчей расположены обыкновенно на такихъ береговыхъ насыпяхъ.

Жилища ихъ состоятъ изъ просторныхъ юртъ, сдѣланныхъ изъ шкуръ. Посреди юрты находится спальня, т.-е. пространство, огороженное со всѣхъ сторонъ оленьими шкурами, которое освѣщается и отопляется нѣсколькими ночниками изъ ворвани; здѣсь семья лѣтомъ спитъ и здѣсь же она проводитъ большую часть дня зимою, когда отапливается и вся та часть юрты, которая окружаетъ спальню. Для выхода дыма имѣется въ потолкѣ отверстіе.

Чукчи приняли Норденшельда и его товарищей очень любезно. Съѣстныхъ припасовъ у нихъ въ это время было, повидимому, въ изобиліи; въ одной юртѣ варили оленье мясо въ большомъ чугунномъ котлѣ, а снаружи одни снимали шкуру съ только-что застрѣленныхъ или убитыхъ оленей, а другіе потрошили; вдоль стѣнъ стояли кожаные мѣшки, наполненные ворванью. Во всѣхъ другихъ юртахъ лежали куски разрубленнаго тюленьяго мяса, служившіе яснымъ доказательствомъ, что ловля тюленей въ послѣдніе дни была обильна; около одной лежали двѣ свѣжія моржевыя головы съ большими красивыми клыками. Норденшельдъ хотѣлъ-было купить эти головы, но чукчи не согласились на продажу, вѣроятно потому, что питаютъ какое-то особенное благоговѣніе передъ головами моржей. Впрочемъ, на слѣдующій день они предлагали бивни въ продажу, а также и ворвань, и были очень удивлены, что путешественники не пожелали пріобрѣсти этого товара.

Дѣтей у чукчей много, и всѣ они здоровыя и рѣзвыя. Они ходили передъ путешественниками нашими почти голыя, нѣкоторыя босыми шныряли изъ одной юрты въ другую, несмотря на то, что земля была покрыта инеемъ. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ маленькихъ дѣтей на плечахъ и укутываютъ ихъ такъ, что они походятъ на мѣховые шары. Съ дѣтьми чукчи обращаются вообще чрезвычайно ласково, и старшіе никогда не употребляютъ въ разговорѣ съ ними бранныхъ словъ.

Утромъ 9-го сентября Норденшельдъ попытался-было плыть далѣе, но принужденъ былъ остановиться у одной прибрежной льдины. Здѣсь «Вегѣ» пришлось простоять цѣлыя сутки, въ продолженіе которыхъ дѣлались изслѣдованія на берегу.

Въ первый разъ корабль остановился у негостепріимнаго берега; вѣсть о столь замѣчательномъ событіи тотчасъ же распространилась далеко по окрестности, и Норденшельду пришлось принимать на кораблѣ безчисленныхъ посѣтителей. Онъ

Дѣти чукчей.

хотѣлъ воспользоваться случаемъ и закупить разные предметы, характеризующіе образъ жизни и нравы чукчей, но торговля на этотъ разъ встрѣтила неожиданныя затрудненія. Дѣло въ томъ, что у Норденшельда былъ недостатокъ въ мѣновомъ товарѣ, а деньги здѣсь имѣли малую цѣну. Двадцатипяти-рублевая бумажка цѣнилась чукчами менѣе, чѣмъ красивая обложка отъ мыла, а золотая или серебряная монета—дешевле оловянной пуговицы. Кое-какая серебряная монета въ 60 эре была

съ трудомъ принята чукчами, и то тогда только, когда въ ней просверлили дырочку, чтобы ее можно было употребить въ качествѣ украшенія. Норденшельдъ роздалъ въ подарокъ, какъ здѣсь, такъ и на прежнемъ мѣстѣ, множество монетъ съ изображеніемъ Оскара II съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ несчастья съ кораблемъ, оставить слѣды за собою.

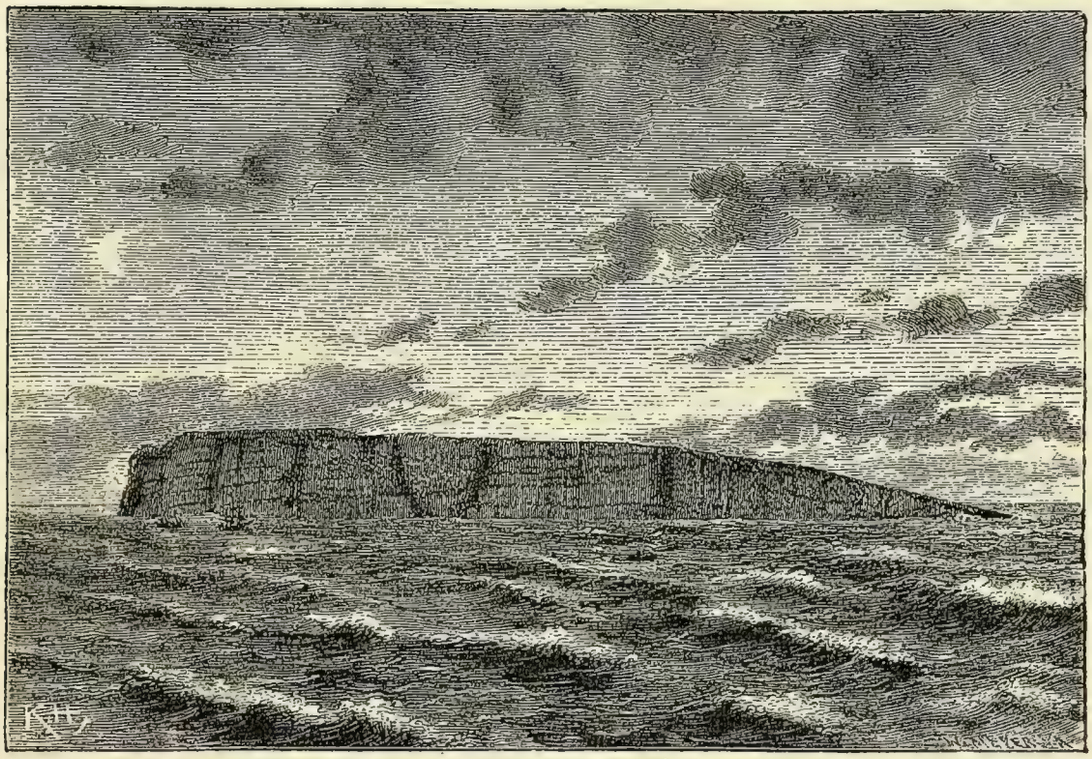
Товаръ, на который былъ наибольшій спросъ у чукчей, состоялъ изъ толстыхъ швейныхъ и штопальныхъ иголокъ, чугунныхъ котловъ, большихъ ножей, топоровъ, пилъ, буравчиковъ и другихъ желѣзныхъ вещей, холщевыхъ и шерстяныхъ рубашекъ, пестро выкрашенныхъ платковъ, табаку и сахару, но особенно водки, до которой всѣ дикари большіе охотники. Были, однако, и между чукчами благоразумные люди, которые никогда не брали въ ротъ «огненной воды», и съ жестомъ презрѣнія отвергали подносимый имъ стаканъ съ нею.

Чукчи вообще хитры и разсчетливы. Эта черта развилась въ нихъ, вѣроятно, вслѣдствіе мѣновой торговли, которая, при посредствѣ ихъ, ведется между Америкой и Сибирью. Говорятъ, что въ самыхъ отдаленныхъ торговыхъ мѣстахъ полярной Америки бобровая шкура оплачивалась однимъ листомъ табаку; когда русскіе явились въ Камчатку, за одинъ ножъ имъ платили по восьми собольихъ шкуръ, а за одинъ топоръ восемнадцать; и при этомъ камчадалы еще смѣялись надъ добродушными чужеземцами, которые позволяли себя такъ надувать. Теперь обстоятельства измѣнились.

Въ ночь на 10-е сентября море покрылось тонкимъ слоемъ льда, который, однако, скоро раздробили старыя пловучія льдины. Когда ледъ немного разошелся, экспедиція пустилась въ путь. Скоро, впрочемъ, на дорогѣ имъ опять встрѣтилась длинная полоса стараго льда, которую ночной морозъ скрѣпилъ такъ крѣпко, что только послѣ двухчасовой работы топорами и кирками удалось прорубить проходъ. Подпявшійся густой туманъ заставилъ

между тѣмъ корабль простоять у одной ледяной поляны до слѣдующаго дня.

Послѣ двухдневнаго затѣмъ плаванія, во время котораго путешественники наши миновали уже Иркайпій, или Сѣверный мысъ, на пути ихъ всталъ такой густой ледъ, что не было никакой возможности пробиться черезъ него. Норденшельду волей-неволей пришлось вернуться назадъ. Съ большими усиліями ему, наконецъ, удалось добраться между густыми массами льда



Иркайпій.

до берега, гдѣ корабль сталъ на якорѣ въ открытомъ къ сѣверу маленькомъ заливѣ, между двумя выдающимися въ море горными мысами. Тутъ «Вега» оставалась до 18-го сентября, въ ожиданіи, что погода измѣнится къ лучшему.

На перешейкѣ, соединяющемъ Иркайпій съ материкомъ, находилось становище чукчей, состоявшее изъ 16-ти юртъ и изъ развалинъ жилищъ одного племени, которое населяло эту мѣстность прежде, но затѣмъ было изгнано чукчами и выселилось,

какъ говорятъ, еще сѣвернѣе, въ какую-то неизвѣстную страну, расположенную далеко въ Ледовитомъ морѣ. Жилища эти были выстроены частью изъ китовыхъ костей и наполовину вкопаны въ землю. Норденшельдъ произвелъ раскопки и нашелъ разную каменную и костяную утварь, а также орудія, какъ, напр., каменные топоры, стрѣлы, ложки и т. п. На эти раскопки чукчи, обратившіе часть старыхъ жилищъ въ склады для ворвани, смотрѣли съ недовѣріемъ, опасаясь, что у нихъ похитятъ ихъ запасы; но они были не мало удивлены, увидавъ, что чужеземцы совсѣмъ не обращали вниманія на ихъ сокровища, а рылись въ старыхъ костяхъ и каменныхъ осколкахъ.

Между путешественниками и жителями становища возникли скоро самыя дружественныя сношенія. Одного весьма представительнаго, дороднаго туземца путешественники наши приняли за начальника становища, и чтобы скрѣпить узы дружбы съ чукчами, его угощали нѣсколько разъ въ большой каютѣ и давали ему небольшіе подарки. Чукотцу видимо нравилось оказываемое ему вниманіе, и онъ сталъ часто являться на корабль въ подаренной ему красной рубашкѣ, надѣтой поверхъ обычнаго платья. Шатеръ его былъ просторнѣе другихъ и имѣлъ двѣ спальни, для его двухъ женъ. Этотъ щеголь, однако, не былъ ни начальникомъ, ни вообще какимъ бы то ни было должностнымъ лицомъ; оказалось, что ни въ одномъ поселеніи чукчей нѣтъ начальниковъ, что̀ не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, жить между собою въ полномъ согласіи.

Дѣтей и здѣсь было много. Достаточно было приласкать ихъ, чтобы быть любезно принятымъ въ юртѣ. Съ женщинами обращались какъ съ равными, и мужъ всегда совѣтовался съ женой, когда производилась какая-либо важная мѣна. Вещи, которыя мужъ вымѣнивалъ, отдавались немедленно женѣ для сбереженія. У нѣкоторыхъ дѣтей на шеѣ были одѣты нитки бусъ съ китайскою или американскою мелкою монетою. Никто

изъ нихъ не зналъ ни одного русскаго слова, но одинъ юноша умѣлъ считать до 10 по-англійски. Въ одной изъ юртъ молодыя дѣвушки разрѣзывали на куски пойманнаго въ тотъ день подъ льдомъ на бичевку тюленя; ихъ окружала толпа дѣтей, которыхъ отъ времени до времени и жаловали кровавыми кусками тюленьяго жира.

Продолжительная остановка стала между тѣмъ безпокоить Норденшельда, и онъ отправился на одну довольно высокую гору, невдалекѣ отъ мѣста стоянки, чтобы оттуда осмотрѣть море. Оказалось, что оно было покрыто густымъ пловучимъ льдомъ, и только вблизи берега виднѣлась свободная полоса воды, перерѣзываемая во многихъ мѣстахъ широкими ледяными полями. Оставаться долѣе на Иркайпіи, не рискуя здѣсь зазимовать, было невозможно, и 18-го сентября, снявшись съ якоря, «Вега» двинулась дальше. Измѣреніе лотомъ показало, что глубина пути, по которому плыла «Вега», была всего 8 метровъ, между тѣмъ какъ самое судно сидѣло въ водѣ 5 метровъ.

Чукотская кукла.

Проплывъ около 20 верстъ, наши путешественники встрѣтили ледяное поле, черезъ которое перебрались только послѣ величайшихъ усилій. А далѣе простиралось еще болѣе мелкое море, такъ что корабль сѣлъ вскорѣ на ледяную мель. Въ это время былъ отливъ, и «Вегѣ» только на другое утро едва удалось сойти съ мели и то лишь послѣ того, какъ топорами прорубили кругомъ нея ледъ.

На слѣдующій день «Вега» продолжала путь при тѣхъ же условіяхъ; погода стояла тихая, а открытый отъ льдовъ каналъ былъ не глубокъ, особенно вблизи берега. На пути встрѣтились сначала высокіе отломки прибрежныхъ льдовъ, предста-

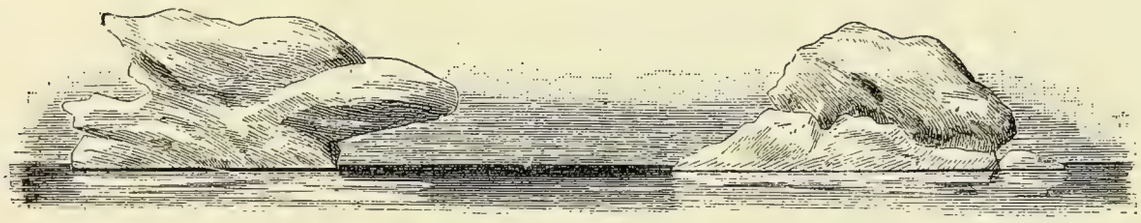
влявшіе весьма причудливыя и живописныя формы, а затѣмъ льды очень низкіе, вышедшіе, вѣроятно, изъ рѣкъ или широкооткрытыхъ бухтъ. Наконецъ, корабль пришелъ въ воды менѣе соленыя и болѣе теплыя; температура ихъ была выше точки замерзанія.

Ночь «Вега» провела, приставши къ льдинѣ. 20-го числа встрѣтились опять льды, но болѣе ломкіе и не густые, не успѣвшіе затвердѣть въ холода прошлой зимы. Они сидѣли въ водѣ неглубоко, но тѣмъ-то именно и мѣшали свободному плаванію, такъ какъ могли подходить близко къ берегамъ. А вслѣдъ затѣмъ появились сплошные льды, простиравшіеся до самыхъ береговъ и оставлявшіе свободный глубокій, но очень узкій каналъ. Проплывши нѣсколько часовъ въ этихъ условіяхъ, «Вега» вынуждена была, наконецъ, остановиться у неподвижной льдины, чтобы подождать болѣе благопріятнаго времени. Вѣтеръ, дувшій съ запада, между тѣмъ перешелъ въ направленіе отъ сѣверовостока. Погода оставалась, однако, теплою и дождливою—вѣрный признакъ, что въ недальнемъ разстояніи на сѣверѣ или на сѣверо-востокѣ были большія пространства моря, свободныя отъ льда. Такъ прошли 20 и 21 сентября.

22-го числа Норденшельдъ и капитанъ Паландеръ поѣхали на паровомъ катерѣ измѣрять глубину моря, и скоро имъ удалось открыть довольно глубокій проходъ; 23-го числа «Вега» могла поэтому снова двинуться въ путь, хотя и съ трудомъ пробиваясь между густыми пловучими льдами. Вечеромъ «Вега» стала въ маленькой бухточкѣ, образовавшейся въ ледяномъ полѣ. Но въ теченіе ночи бухта закрылась, и слѣдующіе два дня наши путешественники не прошли и самаго незначительнаго пути. 26-го числа, наконецъ, они могли двинуться въ путь. Преодолѣвъ въ самомъ началѣ значительныя трудности, они скоро нашли довольно свободный проходъ. Льды, чрезъ которые проходила въ этотъ день «Вега», были свѣтло-голубого

цвѣта и не такъ толсты, какъ встрѣчавшіеся доселѣ: ихъ чистота доказывала, что они образовались въ открытомъ морѣ.

27-го числа «Вега» плыла по свободному каналу до бухты Колючинъ. Но при входѣ въ эту послѣднюю она нашла массы пловучихъ льдовъ, собравшихся около острова Колючина, и должна была сдѣлать большой обходъ, чтобы попасть въ бухту. Погода стояла тихая и свѣтлая; а новые льды повсюду образовывались между старыми, гдѣ эти послѣдніе были тѣсны. Между льдомъ сотнями плавали маленькіе тюлени, съ любопытствомъ слѣдя за кораблемъ. Птицы попадались изрѣдка: повидимому большая часть ихъ уже улетѣла на югъ отъ приближающейся зимы.



Причудливыя формы льдовъ.

Корабль присталъ вечеромъ къ льдинѣ, близъ мыса, ограничивающаго заливъ съ востока. Являлось опасеніе, что свободный каналъ между льдомъ и берегомъ слишкомъ мелокъ, чтобы «Вега» могла пройти по нему. Отправили паровой катеръ для измѣренія глубины, а одному матросу приказано было взобраться на самое высокое мѣсто мыса и осмотрѣть, въ какомъ состояніи находился ледъ далѣе къ востоку. Измѣреніе лотомъ дало удовлетворительный результатъ—фарватеръ по другую сторону мыса оказался достаточно глубокъ. Матросъ, съ своей стороны, принесъ утѣшительное извѣстіе, что къ юго-востоку вдоль берега имѣется довольно широкій открытый проходъ; онъ говорилъ, кромѣ того, что по ту сторону мыса видѣлъ разведенные огни и слышалъ шумъ и крики отъ распо-

ложеннаго тамъ становища, — по всей вѣроятности, туземцы справляли какой-то праздникъ. Норденшельдъ хотѣлъ-было отправиться туда, чтобы проститься съ чукчами, но было уже поздно и темно, да къ тому же они недостаточно еще были знакомы съ характеромъ чукчей, чтобы рѣшиться въ ночное время и почти безъ оружія посѣтить незнакомое становище.

Такъ какъ «Вега» въ этотъ вечеръ, однако, все-таки не могла сняться съ якоря, то путешественники сошли на берегъ и развели громадный костеръ, вокругъ котораго всѣ собрались, весело разговаривая о предстоящемъ путешествіи по морямъ, на которыхъ ни холодъ, ни туманъ, ни мели не будутъ болѣе затруднять ихъ плаванія, — до Тихаго океана было очень недалеко. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ тогда, что имъ придется провести десятимѣсячную суровую зиму на открытомъ рейдѣ, подъ страшными снѣжными ураганами и при температурѣ нерѣдко ниже точки замерзанія ртути.

Вечеръ былъ замѣчательно тихій, небо чистое, и пламя костра, высоко поднимаясь кверху, отражалось на поверхности воды, подернутой тонкимъ слоемъ льда. Температура была пріятная, какъ въ теплый зимній день. Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія, эта величественная полярная ночь казалась путешественникамъ тѣмъ болѣе прекрасною, что, какъ они думали, она была ихъ послѣднею ночью на далекомъ сѣверномъ берегу Азіи.

На слѣдующій день, 28-го сентября, «Вега» снялась съ якоря и отправилась далѣе по узкому водяному пути. Но глубина послѣдняго быстро уменьшалась. «Вега» должна была оставить его и попытаться проложить путь чрезъ осколки льдовъ, нагроможденныхъ въ открытомъ морѣ. Но льды оказались такъ плотно скованными морозомъ предшествовавшей ночи, что всѣ попытки были тщетны. Пришлось остановиться, причаливъ къ льдинѣ, въ надеждѣ, что первый порывъ вѣтра раз-

гонитъ льды и позволитъ проплыть тѣ нѣсколько миль, которыя теперь отдѣляли «Вегу» отъ свободныхъ водъ Берингова пролива. Положеніе «Веги» было тѣмъ непріятнѣе, что подъ нею было такъ мелко, что лишь нѣсколько дюймовъ отдѣляли судно отъ морского дна. Поэтому на слѣдующій день она перешла на болѣе удобное мѣсто и къ болѣе прочной льдинѣ.

Надежды на освобожденіе оказались тщетными. Ледъ становился изо дня въ день все толще и толще. Сѣверная зима наступила неожиданно, мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго. Оставалось приготовиться здѣсь, у пустыннаго сибирскаго берега Ледовитаго моря, провести долгую полярную зиму.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Зимовка.

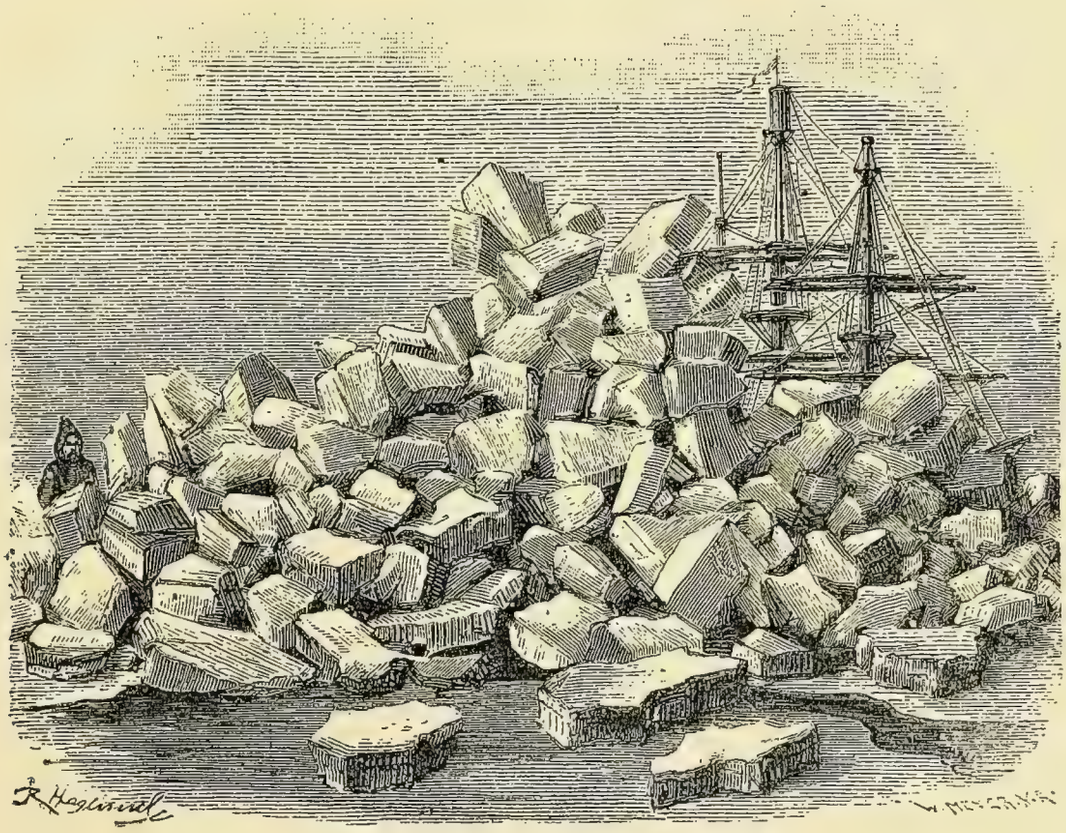
Неудача, заставившая экспедицію зимовать въ Ледовитомъ океанѣ, была тѣмъ непріятнѣе, что ее легко можно было избѣжать, еслибы «Вега» пришла къ мѣсту зимовки нѣсколькими днями ранѣе: до Берингова пролива оставалось только нѣсколько миль, а на разстояніи не болѣе полумили отъ «Веги» море было открыто у береговъ еще въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Европу, путешественники наши узнали, что въ тотъ самый день, когда путешествіе такъ непріятно и неожиданно было пріостановлено, стояло на якорѣ вблизи американское китоловное судно.

Мѣсто, на которомъ, послѣ тщетныхъ усилій пробиться чрезъ ледяное поле, остановился корабль, было далеко не безопасно, во всякомъ случаѣ не такъ безопасно, какъ еслибы корабль находился въ хорошо защищенной гавани. Единственною защитою противъ бурь служила здѣсь приставшая къ берегу ледяная скала. Къ счастью, вода въ это время стояла необыкно-

Мѣсто зимовки «Веги».

венно высоко, такъ что впослѣдствіи, когда она достигла своего обыкновеннаго уровня, ледяная скала твердо сѣла на дно.

Хотя Норденшельдъ по опыту зналъ, что море въ одинъ прекрасный день можетъ среди полной зимы вдругъ освободиться отъ льдовъ, тѣмъ не менѣе нужно было приготовляться къ зимовкѣ. Снѣгъ, который обыкновенно сметали съ палубы, теперь оставляли, вслѣдствіе чего надъ судномъ образовался



Торосъ близъ мѣста зимовки «Веги».

толстый слой, служившій для него превосходною защитою отъ холода. Точно такъ же защищены были снѣгомъ со всѣхъ сторонъ и бока корабля. Затѣмъ изъ пиленыхъ льдинъ устроена была великолѣпная лѣстница отъ поверхности льда къ борту корабля, а отъ командорскаго мостика до носа корабля раскинули громадную палатку. Въ темные зимніе дни подъ этой палаткой часто пылалъ веселый кузнечный огонь, вокругъ кото-

раго собирались чукчи; съ удивленіемъ смотрѣли они, съ какимъ искусствомъ кузнецъ обработывалъ раскаленное желѣзо.

Въ продолженіе всей зимы здѣсь принимали и угощали чукчей; тутъ же оцѣнивался и покупался китовый усъ, дрова и другіе товары, приносимые чукчами, и здѣсь же заключались договоры насчетъ поѣздокъ на собакахъ въ разныя стороны.

Во время сильныхъ осеннихъ бурь, особенно въ ночь на 15-е декабря, въ льдахъ происходили какія-то сильныя движенія. Новообразовавшіеся льды съ страшной силой напирали на прибрежныя ледяныя скалы, ломались съ шумомъ на тысячи кусковъ, которые, громоздясь другъ на друга, образовывали гигантскія кучи ледяныхъ обломковъ — «торосы». Въ ночь на 15-е декабря движеніе во льдахъ было особенно сильно. Это было серьезное напоминаніе, что положеніе корабля на открытомъ рейдѣ далеко небезопасно, и что онъ каждую минуту рискуетъ быть раздавленнымъ. Въ этомъ случаѣ, экипажъ корабля, безъ сомнѣнія, могъ бы спастись на берегъ; но лишиться всѣхъ запасовъ, значило бы умереть съ голоду. Чтобы обезпечить себя отъ подобнаго несчастья, на берегу сдѣлали складъ пищи, ружей, аммуниціи, платья и проч. для 30 человѣкъ на 100 дней. Эти запасы не охранялись, и несмотря на то, ни проживающіе по сосѣдству чукчи, ни тѣ, которые ежедневно проѣзжали мимо изъ отдаленныхъ странъ, ни разу не обнаружили намѣренія воспользоваться чѣмъ бы то ни было, хотя они часто нуждались въ пищѣ и хорошо знали, что̀ содержали въ себѣ эти, парусиной покрытыя кучи, представлявшія въ ихъ глазахъ неизмѣримыя богатства.

Неподалеку отъ корабля въ продолженіе всей зимы содержались постоянно открытыми двѣ проруби: одна—на случай пожара, а другая — для наблюденія за приливомъ и отливомъ. Въ послѣдней пріютился-было маленькій тюлень. Однажды для потѣхи вздумали поймать его и заставили сдѣлать визитъ на

корабль; когда его снова пустили въ прорубь, онъ уже болѣе не возвращался.

Для научныхъ изслѣдованій на берегу устроенъ былъ домъ изъ красиваго синяго льда. Зданіе это чукчи называли «тинтиняранга», т.-е. ледяной домъ, и это наименованіе его вскорѣ приняли и всѣ люди корабля »Вега». При постройкѣ его, вмѣсто цемента, употребляли снѣгъ, смѣшанный съ водой; крыша

Обсерваторія.

была сдѣлана изъ досокъ. Впослѣдствіи оказалось, что вѣтеръ нашелъ себѣ дорогу сквозь щели въ крышѣ, и тогда весь домъ былъ покрытъ парусиной. Въ немъ были разставлены различные астрономическіе и физическіе инструменты на грубыхъ деревянныхъ чурбанахъ, а чтобы чурбаны эти стояли совершенно прочно и неподвижно, ихъ вставили въ большія дыры, вырубленныя въ мерзлой землѣ и наполненныя водою, смѣшанною съ пескомъ. Ледяной домъ былъ просторной, удобной и весьма

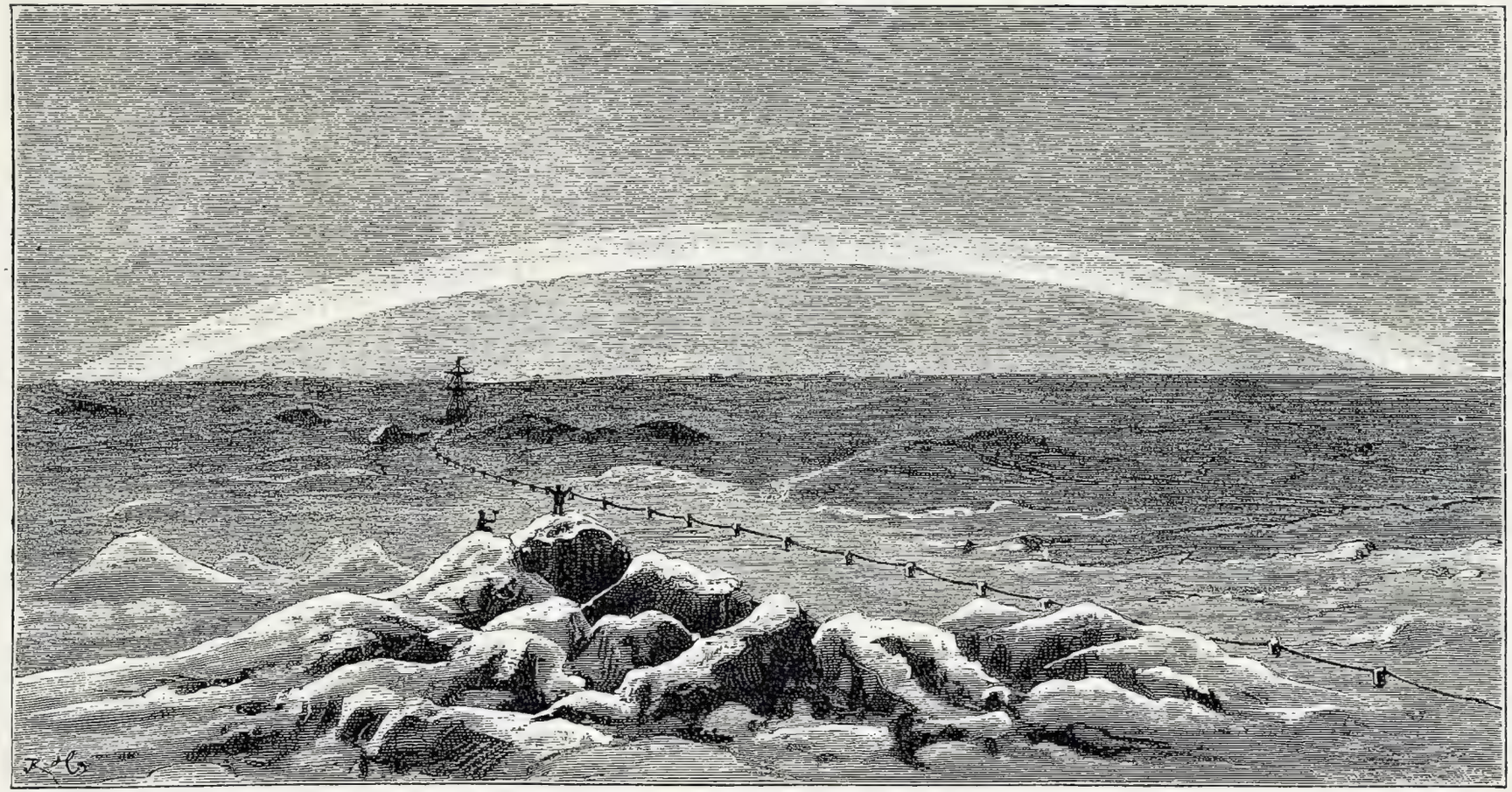
красивой обсерваторіей; въ немъ мало-по-малу образовались на потолкѣ и вдоль стѣнъ украшенія изъ ледяныхъ кристалловъ. Онъ имѣлъ только одинъ недостатокъ — въ немъ было очень холодно. Такъ какъ въ постройкѣ его нельзя было употреблять желѣза, которое нарушало бы дѣйствіе магнитовъ, то нельзя было устроить и мѣста для разведенія огня. Попытка нагрѣть это помѣщеніе съ помощью мѣднаго самовара имѣла послѣдствіемъ то, что обсерваторъ чуть-было не умеръ отъ угара.

Въ магнитическихъ и метеорологическихъ наблюденіяхъ принимали участіе девять ученыхъ, ѣхавшихъ на кораблѣ «Вега», одинъ машинистъ и одинъ матросъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою вахту въ шесть часовъ, изъ которыхъ пять проводились въ ледяномъ домѣ. Отъ корабля до обсерваторіи было всего около $1^1/_2$ версты, но пройти это разстояніе во время бури, при 36° мороза и послѣ 5-ти часового дежурства въ ледяномъ домѣ, гдѣ температура была не выше—17°, было въ высшей степени тяжело; тѣмъ не менѣе, здоровье отъ этого ни у кого не пострадало. Напротивъ, этотъ обязательный трудъ въ монотонной жизни путешественниковъ, повидимому, дѣйствовалъ хорошо, освѣжительно, какъ на тѣло, такъ и на душу.

По сосѣдству съ ледянымъ домомъ поставили такъ называемую клѣтку съ термометромъ, а позже, зимою, устроили еще двѣ обсерваторіи въ гренландскомъ стилѣ, матеріаломъ для которыхъ служилъ не ледъ, а снѣгъ. Неподалеку отъ обсерваторіи находился складъ съѣстныхъ припасовъ и большой деревянный ларь, въ которомъ дежурный обсерваторъ, до входа въ обсерваторію, укладывалъ ружье и другія желѣзныя вещи, которыя бралъ съ собою, уходя съ корабля.

Чтобы во время метели или въ темнотѣ не заблудиться, отъ корабля до обсерваторіи, на ледяныхъ столбикахъ, протянута была веревка.

При тихой погодѣ люди легко выносили температуру въ



Обыкновенное сѣверное сіяніе, видѣнное съ мѣста зимовки «Веги».

40°; но морозъ въ 35°, даже при слабомъ вѣтрѣ, становился уже опаснымъ, особенно при ходьбѣ противъ вѣтра. Въ это время почти незамѣтно можно было отморозить себѣ лицо и

Зимняя одежда путешественниковъ.

руки, и если при этомъ во́-время не принимались мѣры, которыя состояли въ растираніи снѣгомъ или просто рукой отмороженныхъ мѣстъ, то послѣдствія могли быть весьма печальны.

Отъ перваго мороза пострадали преимущественно тѣ, кто въ первый разъ проводилъ зиму на высокомъ сѣверѣ, но, къ счастію, также безъ серьезныхъ послѣдствій.

Зимняя одежда нашихъ путешественниковъ состояла изъ толстаго шерстяного нижняго платья, парусинной блузы, которая надѣвалась сверхъ матросской куртки для предохраненія отъ вѣтра и вьюги, малицы изъ оленьяго мѣха, большихъ парусинныхъ сапоговъ, наполненныхъ мохомъ, какъ это дѣлаютъ лапландцы; затѣмъ круглая шапка, башлыкъ, рукавицы изъ тюленьей кожи и замши, обшитыя длиннымъ мѣхомъ; наконецъ, для предохраненія глазъ отъ блеска льдовъ, употреблялись очки-консервы.

Помѣщеніе на кораблѣ было достаточно теплое и хорошее. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ было обыкновенно отъ 12 до 17 градусовъ тепла, хотя ночью температура въ каютахъ падала иногда до 10 и даже до 5 градусовъ, а стѣны у коекъ бывали подернуты льдомъ. Въ трюмѣ, подъ ватерлиніей, температура никогда не опускалась ниже нуля; обыкновенно же она была однимъ или двумя градусами выше.

Гораздо бо́льшую непріятность, чѣмъ отъ холода, приходилось испытывать отъ сильной жары и угара, происходившихъ отъ топки большихъ каминовъ и чугунныхъ печей. Обыкновенно по утрамъ, послѣ сильнаго ночного мороза, прислуга слишкомъ услужливо исполняла приказаніе топить хорошенько, о чемъ кричали со всѣхъ сторонъ, и полчаса спустя уже всѣ потѣли какъ въ банѣ. Въ этихъ случаяхъ больше ничего не оставалось дѣлать, какъ оставлять койку, поскорѣе окатиться холодной водой, вытереться насухо, живо одѣться и бѣжать на палубу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и прохладиться въ температурѣ 30—40 градусовъ мороза.

Въ продолженіе всей зимы состояніе здоровья на кораблѣ было отличное, благодаря частымъ купаньямъ, строгой чистотѣ

и хорошему столу. Что касается послѣдняго, то на «Вегѣ» былъ, между прочимъ, богатый запасъ всякихъ консервовъ, какъ-то: картофеля, зелени, мясного экстракта, мяса, рыбы, луку, бифштекса, клюквеннаго сока, морошковой кашицы и т. п.; эта послѣдняя, смѣшанная съ ромомъ, оказалась вѣрнымъ средствомъ противъ скорбута. Имѣлась, кромѣ того, пара живыхъ свиней, которыхъ берегли къ Рождеству. Охота зимою ограничилась нѣсколькими бѣлыми куропатками и зайцами; свѣжая рыба въ достаточномъ количествѣ вымѣнивалась у туземцевъ; прѣсная вода получалась изъ льда.

Погода во все продолженіе зимы была необыкновенно бурная, и вѣтеръ дулъ внизу почти постоянно съ сѣверо-запада и сѣверо-сѣверо-запада. Но даже на незначительной высотѣ, судя по направленію движенія облаковъ, царилъ противоположный вѣтеръ, съ юго-востока. Причина этого понятна. Беринговъ проливъ, берега котораго образуютъ высокія горы, представляетъ собою какъ бы ворота изъ Ледовитаго моря въ Тихій океанъ. И подобно тому, какъ черезъ открытую дверь холодный токъ воздуха проникаетъ у порога въ комнату, а теплый выходитъ у потолка, холодный токъ воздуха здѣсь стремится изъ Ледовитаго моря черезъ проливъ къ югу, тогда какъ теплый воздухъ Тихаго океана проходитъ въ высшихъ слояхъ къ сѣверу, гоня съ собою тучи.

Полуостровъ, около котораго остановилась «Вега» на зимовку, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій былъ обитаемъ чукчами и потому называется Чукотскимъ полуостровомъ. Земля здѣсь усѣяна костями китовъ, моржей и тюленей и кучами разнаго сора, оставленными жившими тутъ чукчами. Мѣстность вообще имѣетъ чрезвычайно печальный видъ.

Во время пребыванія здѣсь «Веги» вблизи находились два становища чукчей, изъ которыхъ то, которое было расположено ближе къ кораблю, называлось Питлекай. Сначала оно состояло

изъ семи юртъ, но, вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, жители ихъ въ теченіе зимы понемногу выселились и перешли ближе къ Берингову проливу. Послѣдніе изъ нихъ ушли въ февралѣ. При этомъ переселеніи они увозили только самое необходимое, потому что намѣревались позже возвратиться, когда охота будетъ прибыльнѣе. Далѣе находилось еще нѣсколько становищъ, а все населеніе, вмѣстѣ взятое, доходило до 300 душъ.

Когда «Вега» остановилась, ледъ у береговъ былъ слишкомъ слабъ для пѣшеходовъ, и попасть на корабль при тѣхъ средствахъ, которыми располагали чукчи, было чрезвычайно затруднительно. Когда туземцы замѣтили корабль, между ними началась общая суматоха. Мужчины, женщины, дѣти и собаки суетились взадъ и впередъ на берегу, нѣкоторые разъѣзжали на саняхъ, запряженныхъ собаками, по ледяной дорогѣ у взморья. Они, очевидно, опасались, чтобы превосходный случай намѣнять себѣ водки и табаку не ускользнулъ отъ нихъ. Съ корабля въ зрительную трубу ясно можно было видѣть, какъ чукчи нѣсколько разъ тщетно пытались спустить лодки на воду. Наконецъ, имъ удалось-таки спустить одну на почти чистое и лишь тонкимъ льдомъ подернутое мѣсто у берега, отъ котораго можно было добраться до корабля. Эта кожаная лодка тотчасъ переполнилась до краевъ женщинами, мужчинами и дѣтьми. Когда они приплыли къ кораблю, большая часть, не задумываясь, перелѣзла черезъ бортъ и, шутя и смѣясь, выкрикивала: аноай! аноай! (здравствуй!). Эта первая встрѣча съ туземцами, съ которыми потомъ пришлось провести девять тяжелыхъ мѣсяцевъ, была съ обѣихъ сторонъ самая сердечная и послужила началомъ къ довольно хорошимъ, дружественнымъ отношеніямъ между чукчами и путешественниками.

Заботясь о чистотѣ судна, Норденшельдъ рѣдко позволялъ имъ входить въ каюты. Это ихъ сначала нѣсколько сердило; одинъ изъ нихъ въ отместку даже не пустилъ путешественни-

ковъ въ свою юрту. Ласковое обращеніе и подарки, которыми надѣляли наши путешественники особенно женщинъ и дѣтей, однако, скоро успокоили ихъ.

Средняя палуба на кораблѣ сдѣлалась вскорѣ пріемнымъ заломъ не только для проживающихъ въ окрестностяхъ чукчей, но и для всѣхъ проѣзжихъ. Всякій день можно было видѣть нѣсколько собачьихъ запряжекъ одна возлѣ другой, расположенныхъ у ледяной лѣстницы корабля, и ни одинъ проѣзжій не упускалъ случая отдохнуть здѣсь нѣсколько часовъ, удовлетворить свое любопытство и, вдобавокъ, за хорошія слова или товаръ получить угощеніе и хотя немного табаку.

Всякій попадавшій на корабль могъ безпрепятственно ходить по всей палубѣ, и туземцы были до того честны, что не воспользовались даже самой ничтожной вещью. Къ сожалѣнію, они были, напротивъ, слишкомъ склонны просить милостыню и, кромѣ того, считали за услугу, если имъ при мѣновой торговлѣ удавалось обмануть европейцевъ, которыхъ они считали очень глупыми и непрактичными въ торговыхъ дѣлахъ. Иногда они предлагали лисьи туши, безъ головъ и безъ ногъ, выдавая ихъ за зайцевъ, и очень удивлялись, когда плутовство ихъ открылось.

Въ то время года, когда охота давала плохую добычу, чукчи ежедневно привозили на корабль дрова и китовыя кости, чтобы взамѣнъ получить хлѣба. Пять полѣнъ оплачивались двумя или тремя корабельными сухарями.

Всѣ чукчи были язычники. Они не знали другого языка, кромѣ своего, а потому объясняться съ ними было очень трудно. Впрочемъ, лейтенантъ Нордквистъ довольно скоро ознакомился съ ихъ языкомъ настолько, что могъ служить толмачомъ. Вотъ для образца нѣсколько словъ изъ живого лексикона чукчей: тиркиръ — значитъ солнце, ангка — море, некита — ночь, тинтинъ — ледъ и т. д.

Однажды съ корабля увидѣли странное шествіе по льду. Нѣсколько чукчей тащили за собой нарты, на которыхъ лежалъ человѣкъ. Сначала предполагали, что это былъ больной, котораго везли на корабль за врачебною помощью. Но когда нарты приблизились къ кораблю, предполагаемый больной весьма ловко влѣзъ на корабль и представился съ большимъ достоинствомъ. Онъ перекрестился нѣсколько разъ, поздоровался со всѣми весьма благосклонно и на ломаномъ русскомъ языкѣ объявилъ, что онъ — вліятельное лицо въ этой мѣстности. Это былъ русскій староста чукчей, по имени Василій Менка. Онъ былъ низкаго роста, одѣтъ въ красивую пеструю мѣховую одежду изъ оленьихъ шкуръ, подъ которой видна была синяя фланелевая рубашка. Чтобы внушить къ своей особѣ больше уваженія, онъ пріѣхалъ въ саняхъ, которыя не были запряжены собаками, а везлись подчиненными ему земляками.

Сначала онъ крестился съ большимъ благоговѣніемъ и усердіемъ передъ нѣсколькими фотографіями и гравюрами, но тотчасъ же пріостановился, какъ только замѣтилъ, что никто изъ присутствующихъ этого не дѣлалъ. Въ подарокъ онъ привезъ два оленьихъ окорока, и взамѣнъ ихъ получилъ шерстяную рубашку. При этомъ онъ разсказалъ, что ему придется ѣхать въ Марково, — мѣстечко, обитаемое русскими, близъ Анадыра. Норденшельдъ далъ ему открытое письмо, написанное на русскомъ языкѣ и адресованное генералъ-губернатору въ Иркутскъ, съ просьбою препроводить его къ королю Оскару II. Письмо завернули въ бумагу, и Менка взялъ его съ собою. Возвратясь на берегъ, онъ собралъ вокругъ себя нѣкоторыхъ изъ чукчей, усѣлся съ большимъ достоинствомъ, раскрылъ письмо и, сдѣлавъ видъ, будто читаетъ написанное, началъ объяснять его посвоему удивленной его великою ученостью толпѣ.

На слѣдующій день великій и ученый сановникъ опять посѣтилъ корабль. Произошелъ новый обмѣнъ подарками, и са-

Ловля рыбы чукчами.

новника опять угостили. Въ заключеніе онъ началъ плясать подъ звуки шарманки, то одинъ, то съ нѣкоторыми изъ своихъ земляковъ, къ большому удовольствію и къ не малой потѣхѣ присутствующихъ европейцевъ и чукчей.

Письмо Менка доставилъ исправно. Отосланное 6-го октября, оно прибыло въ Иркутскъ 10-го мая. Оттуда оно по телеграфу было сообщено въ Стокгольмъ, гдѣ телеграмма была получена 16-го мая, какъ разъ въ то время, когда начали сильно безпокоиться объ участи Норденшельда и его спутниковъ, и уже подумывали о посылкѣ другой экспедиціи на поиски за ними.

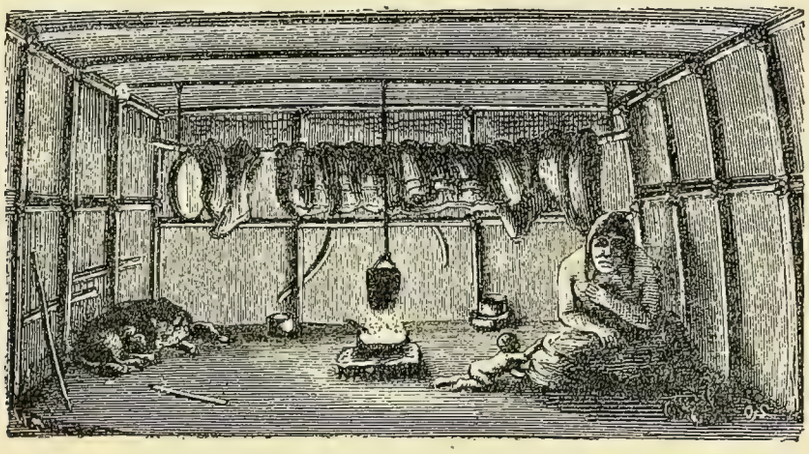
Во время долгой зимы путешественники нѣсколько разъ посѣщали становища чукчей, съ цѣлью познакомиться съ нравами и образомъ жизни этого народа.

Всѣ чукчи, живущіе въ одной юртѣ, спятъ вмѣстѣ въ одномъ общемъ отдѣленіи, которое находится въ серединѣ шатра. Передъ сномъ они ужинаютъ. Какъ мужчины, такъ и женщины раздѣваются на ночь, оставляя на себѣ только короткое платье вокругъ бедръ; спятъ же совершенно голые. Первая утромъ встаетъ хозяйка и, пока другіе еще спятъ, приготовляетъ завтракъ, который подается въ спальнѣ. Завтракъ состоитъ изъ вареннаго оленьяго мяса, которое хозяйка разрѣзываетъ на куски и раздаетъ каждому. Пребываніе въ такой юртѣ, особенно ночью, очень непріятно, — лампы, въ которыхъ горитъ ворвань, распространяютъ сильную жару и дурной запахъ.

Убой животныхъ для мяса производится чукчами слѣдующимъ образомъ. Двое мужчинъ отправляются къ стаду оленей и, отыскавъ предназначеннаго на убой, накидываютъ ему на шею петлю. Животное пытается спастись бѣгствомъ и волочитъ за собою того, который держитъ веревку; въ это время другой подходитъ къ оленю, хватаетъ его за рога, сваливаетъ на землю и закалываетъ ударомъ ножа подъ лопатку. Заколо-

тый олень передается женщинамъ, которыя его потрошатъ; желудокъ при этомъ вычищается и употребляется для сбереженія крови. Кожа съ оленя снимается уже послѣ того, какъ онъ выпотрошенъ.

Экипажъ чукчей состоитъ изъ маленькихъ легкихъ нартъ (саней), съ полозьями изъ китоваго уса; нарты запрягаются собаками попарно, каждая своею постромкою и съ собакой-вожакомъ впереди. Во время своихъ поѣздокъ по снѣжнымъ полямъ чукчи часто распѣваютъ пѣсни. Пѣніе ихъ очень одно-



Спальня чукчей.

образно и состоитъ большею частью только въ подражаніи звукамъ животныхъ.

Чукчи, какъ и всѣ дикіе народы, суевѣрны. Въ каждой юртѣ имѣется такъ-называемый волшебный барабанъ, который употребляется при заклинаніяхъ и ворожбѣ, а также множество амулетовъ, т.-е. талисмановъ, состоящихъ изъ разныхъ деревянныхъ предметовъ, волчьихъ или медвѣжьихъ череповъ, плоскихъ камней и т. п.

Чукчи убѣждены, что талисманы, которые они носятъ на груди, предохраняютъ ихъ отъ болѣзней. Когда молодой человѣкъ идетъ свататься, онъ беретъ съ собою волчій черепъ, который долженъ помочь ему сдѣлать хорошій выборъ.

Молодыя дѣвушки забавляются иногда пляскою, которая состоитъ въ томъ, что двѣ изъ нихъ становятся другъ противъ друга или же рядомъ и покачиваются въ обѣ стороны, затѣмъ прыгаютъ обѣими ногами сразу впередъ и поворачиваются кругомъ. Во время пляски онѣ поютъ, или, вѣрнѣе сказать, хрюкаютъ въ тактъ.

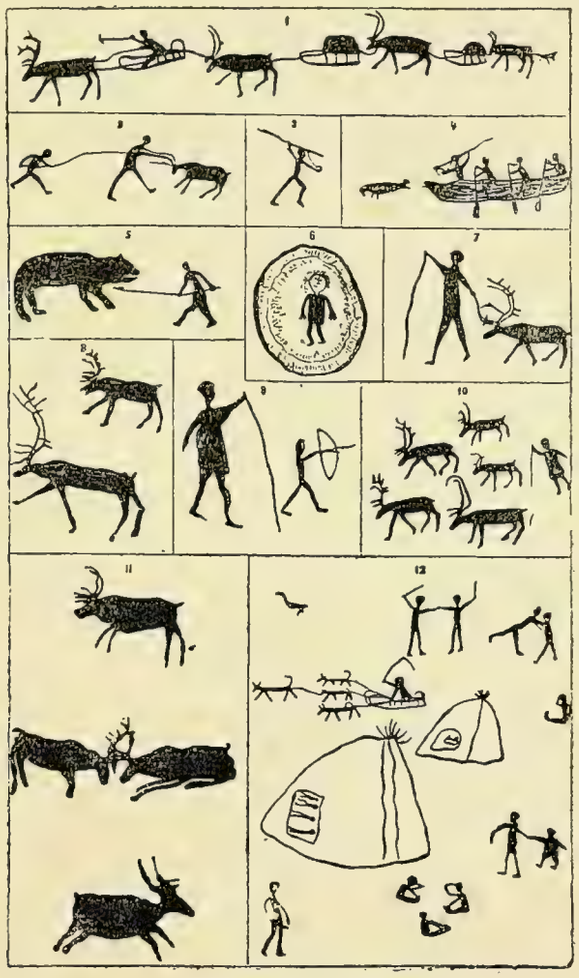
Чукчи не лишены чувства изящнаго, что́ доказывается рисунками, которые они вырѣзываютъ на кости. Рисунки эти, конечно, очень грубы и говорятъ о примитивномъ состояніи чукотскаго искусства.

Жизнь путешественниковъ во время зимы на кораблѣ описывается однимъ изъ нихъ слѣдующимъ образомъ.

Утро, около $8^1/_2$ часовъ. Вахтенный возвратился изъ ледяного дома, гдѣ пробылъ пять часовъ при температурѣ, во время ночи, около — 16°. На дворѣ было болѣе 30° мороза. Завтракъ только-что конченъ; закуриваются сигары, папиросы и трубки, и всѣ изъ каюты идутъ на палубу, чтобы поразмяться и подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ подъ палубой и тѣсно, и душно. Вокругъ корабля, куда ни посмотри, представляется одна и та же пустынная картина: бѣлое поле съ бѣлыми вдали буграми, надъ которыми кружатся нѣсколько вороновъ. «Мечинко Орпистъ!» — «Мечинко Окерпистъ!» — «Мечинко Чельманъ!» и т. д. слышится всюду на кораблѣ и возлѣ корабля. Это утреннія привѣтствія чукчей. Орпистъ и Окерпистъ исковерканныя фамиліи Нордквистъ и Стуксбергъ.

Вслѣдствіе хорошей погоды, около корабля собралась толпа туземцевъ изъ тридцати или сорока человѣкъ мужчинъ, сѣдыхъ стариковъ и женщинъ съ грудными дѣтьми. Большая часть изъ нихъ пріѣхали на маленькихъ нартахъ, въ которыя впряжены отъ 4 до 12 собакъ. Остромордыя, длинношерстыя, до крайности грязныя собаки тотчасъ же по прибытіи улеглись на снѣгу, свернувшись калачикомъ. Послѣ привѣтствій начинаются

просьбы чукчей: «Уинга мури каука», что̀ значитъ: «я голоденъ, мнѣ нечего ѣсть, дай хлѣба!» Бѣдняги терпятъ зимой дѣйствительно большую нужду. Тюленьяго мяса, изъ котораго состоитъ ихъ главная пища, они, при всемъ своемъ стараніи, теперь добывать не могутъ, а рыба хотя и ловится, но далеко не въ достаточномъ количествѣ. Скоро вся палуба наполняется



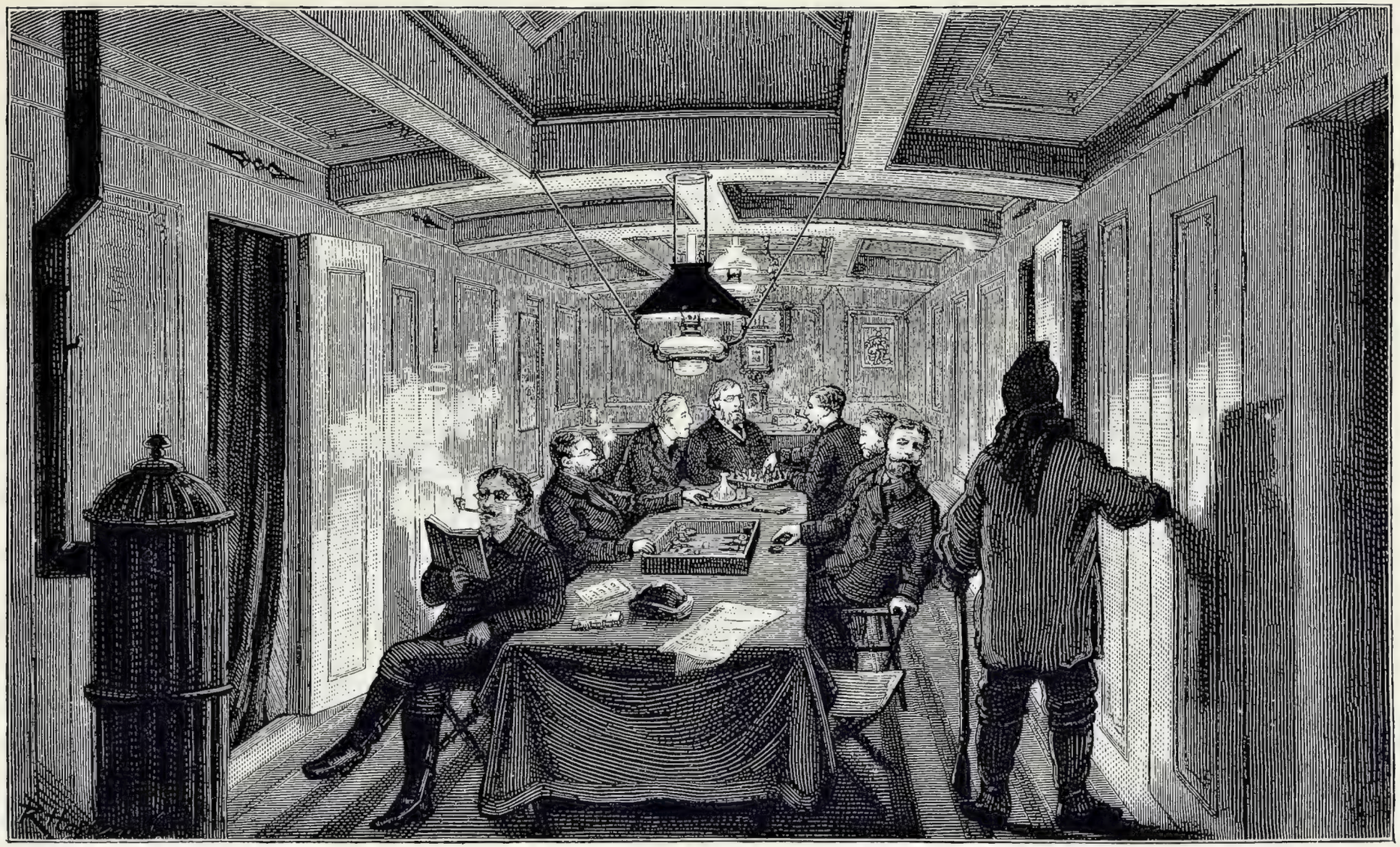
Рисунки чукчей.

чукчами, и начинается ежедневный торгъ. Они предлагаютъ оружіе, мѣховые товары, украшенія, игрушки, рыбу, китовыя кости, и т. п. и просятъ въ уплату только каука, т.-е. хлѣба. При этомъ поваръ раздаетъ голоднымъ посѣтителямъ оставшійся супъ и другое кушанье, а также булки, которыя при печеніи хлѣба всегда пеклись особо и для чукчей.

Ученые люди экспедиціи принялись за свои занятія въ главной каютѣ и другихъ помѣщеніяхъ. Метеорологическія и магнитныя наблюденія, которыя были сдѣланы въ прошедшія сутки, переписываются па-чисто и приводятся въ порядокъ; собранные естественно-историческіе предметы разсматриваются и сортируются,—все подвергается самому тщательному изслѣдованію и изученію. По временамъ, въ видѣ отдыха, слышатся разговоры о серьезныхъ или веселыхъ предметахъ. Въ находящейся вблизи машинной раздаются удары молотовъ и визгъ пилъ; въ средней части корабля, которая довольно тепла, но плохо освѣщена, часть экипажа занимается разными корабельными работами; въ кухнѣ хлопочетъ поваръ.

Такъ проходитъ время до обѣда. Вскорѣ послѣ 12-ти часовъ почти всѣ являлись на палубу, гдѣ прохаживались взадъ и впередъ. На передней части корабля очень оживлено. Это время обѣда экипажа. Вся толпа чукчей собиралась у входа подъ палубу. Куски хлѣба, мяса и т. п. раздавались имъ въ большомъ количествѣ и исчезали мгновенно. Наконецъ, являлся самъ поваръ съ большимъ котломъ, на который чукчи бросались, какъ голодныя животныя, хлебая ложками, пустыми коробками изъ-подъ консервовъ, а преимущественно руками. Несмотря на суровый морозъ, нѣкоторыя изъ женщинъ обнажали свои руки и часть груди, чтобы освободиться отъ широкихъ рукавовъ мѣховой одежды. Все это, конечно, представляло очень непривлекательную картину.

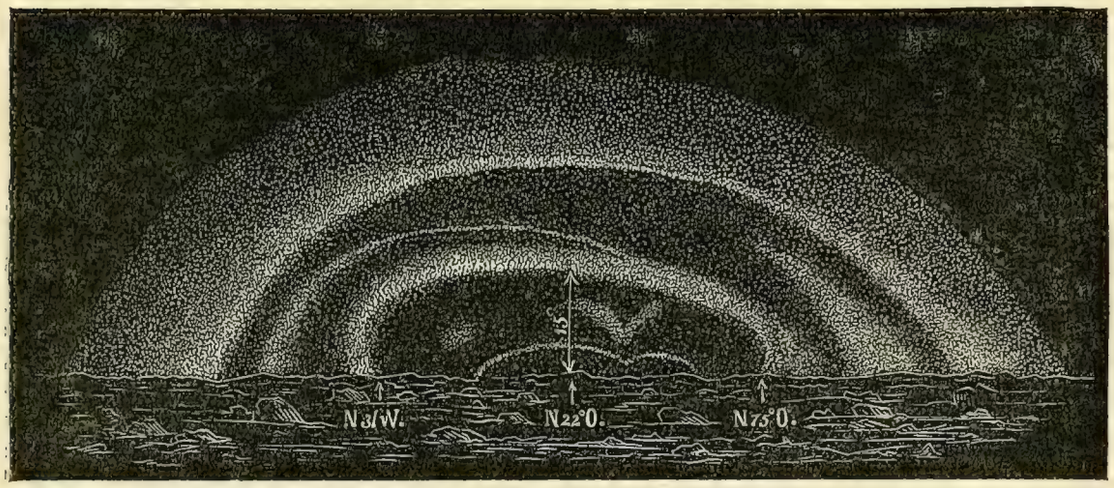
Въ 3 часа начинало темнѣть, и чукчи одинъ за другимъ отправлялись домой, съ тѣмъ, чтобы на другой день воротиться. На кораблѣ водворялась тишина и спокойствіе. Около 6-ти часовъ экипажъ кончалъ свои работы, и остальное время каждый проводилъ по своему усмотрѣнію. Большая часть занималась по вечерамъ чтеніемъ. Послѣ ужина, въ $7^1/_2$ час., тотъ, чья очередь дежурить въ ледяномъ домѣ, приготовляется къ испол-



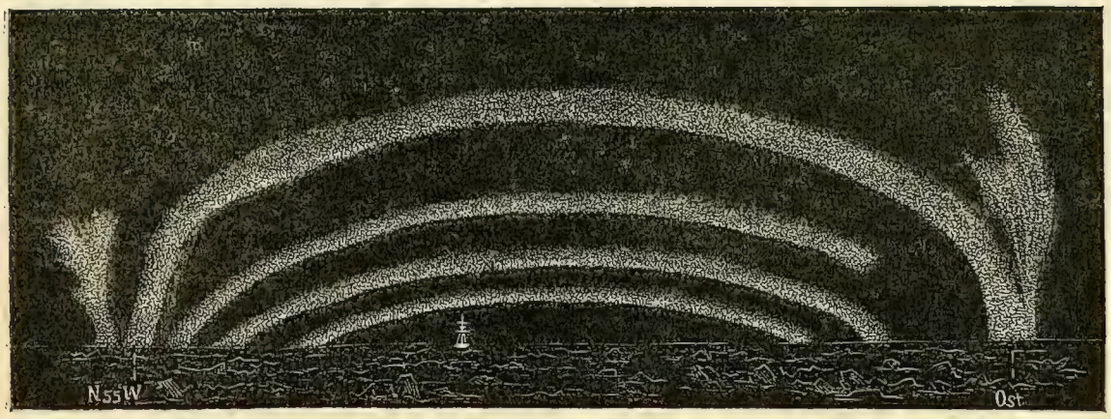
Вечеръ въ каютъ-компаніи на «Вегѣ».

ненію своей непріятной обязанности. Остальные ученые собираются въ каютъ-компаніи, чтобы провести время въ разговорахъ, играхъ, легкомъ чтеніи, и т. п.

Эти долгія полярныя ночи украшались частыми, почти постоянными роскошными сѣверными сіяніями, которыя въ этихъ



Сѣверное сіяніе, видѣнное 3-го марта 1879 г.



Эллиптическое сѣверное сіяніе, видѣнное 21-го марта 1879 г.

высокихъ широтахъ принимали необыкновенныя формы. Въ 10 часовъ всѣ расходились по своимъ каютамъ, но во многихъ изъ нихъ огонь горѣлъ далеко за полночь.

Такова была вообще жизнь на кораблѣ «Вега» во время зимы. Одинъ день былъ почти совершенно похожъ на другой. Въ сильный морозъ и бурю время проводили, большею частью,

подъ палубой; но зато въ хорошую погоду большую часть дня находились на воздухѣ, дѣлали визиты обсерватору въ ледяномъ домѣ и жившимъ въ окрестности чукчамъ, или же ходили на охоту.

Но дичи было мало. Открытыя мѣста во льду были, вѣроятно, переполнены тюленями, но до нихъ было слишкомъ далеко, къ тому же безъ лодки за этими животными и не было возможности охотиться. Повидимому, ни одного бѣлаго медвѣдя не находилось по сосѣдству, и по многимъ основаніямъ можно заключить, что бѣлый медвѣдь выводится на сибирскихъ берегахъ. Взамѣнъ того, на тундрахъ встрѣчалось очень много волковъ. Бѣлыя, красныя и черныя лисицы хотя водились во множествѣ, но охотникамъ попадались очень рѣдко; зайцы же добывались легко. Большая часть птицъ еще до остановки «Веги» улетѣла на югъ, и только горная сова, одинъ родъ вороновъ да бѣлая куропатка зимовали въ окрестностяхъ.

Чтобы оживить страшное однообразіе, на кораблѣ придумывались разные праздники. Такъ, праздновали тезоименитства императора Александра II и королей Оскара, Христіана и Гумберта, а равно справляли и дни рожденія каждаго участника экспедиціи.

Наконецъ наступилъ праздникъ Рождества Христова. Здѣсь, вдали отъ образованнаго міра, отъ дома, родины и друзей, путешественники встрѣтили великій день съ совершенно иными чувствами, чѣмъ прежде, когда они проводили этотъ праздникъ въ кругу своихъ семействъ и друзей. Какимъ торжественнымъ и величественнымъ показался имъ этотъ праздникъ теперь, въ пустынѣ полярнаго міра, въ тишинѣ полярной ночи.

Канунъ Рождества праздновался какъ обыкновенно на сѣверѣ. Вмѣсто елки, взяли выброшенное волнами на берегъ деревцо, украсили его ивовыми кустами, множествомъ маленькихъ свѣчей и подарками, и, такимъ образомъ, оно превратилось въ

Канунъ Рождества на «Вегѣ».

роскошную развѣсистую елку, которую поставили на средней палубѣ, ради праздника вычищенной и убранной флагами. Въ 6 часовъ вечера здѣсь собрались всѣ офицеры и весь экипажъ. Подарки раздавались по жребію, а самая раздача сопровождалась веселой пляской вокругъ елки. Къ ужину подавалось по старому сѣверному обычаю святочное пиво и окорокъ. Бесѣда продолжалась далеко за полночь. Пили за здоровье короля и отечества, за счастливый исходъ экспедиціи, за начальство ея и экипажъ, за семейства, за родственниковъ и за друзей на родной сторонѣ.

Новый годъ, въ 12 часовъ ночи, привѣтствовали выстрѣлами изъ корабельныхъ пушекъ и множествомъ ракетъ, которыя въ темнотѣ ночи свѣтились, какъ ясныя падающія звѣзды.

Около новаго года явилась-было нѣкоторая надежда на освобожденіе «Веги» отъ ледяныхъ оковъ; вѣтеръ началъ дуть съ востока и съ юга, а далеко въ морѣ завиднѣлись большія пространства чистой воды, за которыми уже не видно было льда. Чукчи ожидали съ нетерпѣніемъ открытія водъ и начали приводить въ порядокъ свои незамысловатые охотничьи снаряды. Но всѣмъ этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Ледяныя оковы лежали неподвижно вокругъ корабля, и синяя полоса на горизонтѣ, постепенно уменьшаясь, скоро опять исчезла, а вмѣстѣ съ нею исчезли и всѣ надежды на скорое освобожденіе. Чтобы сдѣлать пріятную и вмѣстѣ съ тѣмъ полезную перемѣну въ однообразной жизни, на кораблѣ начались популярныя вечернія чтенія для экипажа, которыя слушались съ большимъ интересомъ. Кромѣ того, устраивались музыкальные вечера, насколько позволяли то имѣвшіяся налицо инструменты и музыкальныя способности путешественниковъ.

20-го февраля у корабля «Вега» остановились навьюченныя товарами три большія нарты, которыя были запряжены 16—20 собаками. То чукчи съ востока отправлялись на яр-

марку близъ Нижне-Колымска. Норденшельдъ далъ имъ опять письма на родину, за доставку которыхъ они получили три бутылки рому и были угощены вмѣстѣ съ своими собаками. Они обѣщали исправно доставить письма и возвратиться въ началѣ мая, что́ и исполнили.

Въ первыхъ числахъ мая мимо «Веги» проѣхали нѣсколько подводъ, запряженныхъ множествомъ собакъ и нагруженныхъ оленьими шкурами; онѣ ѣхали съ запада на востокъ вдоль берега. Эти проѣзжающіе разсказали, что съ слѣдующими за ними собачьими подводами, которыхъ слѣдуетъ ожидать въ тотъ же день, прибудутъ письма. Это извѣстіе очень обрадовало нашихъ путешественниковъ. Почта изъ Европы! Эта вѣсть съ новою силою возбудила мысли каждаго о родинѣ, о семьѣ, о друзьяхъ. Но когда привезли письмо, оказалось, что это была простая записка отъ русскаго чиновника въ Колымѣ, который увѣдомлялъ Норденшельда, что письма съ корабля «Вега» получены и отправлены 4-го апрѣля съ нарочнымъ въ Якутскъ. Оттуда они были отосланы по почтѣ въ Иркутскъ, куда прибыли 26-го мая, а въ Швеціи получены 2-го августа. Слѣдовательно, они были въ дорогѣ шесть мѣсяцевъ.

Въ концѣ марта мимо корабля начали довольно часто проѣзжать большія подводы, запряженныя оленями. Онѣ были навьючены оленьими шкурами и товарами, купленными на русскихъ ярмаркахъ для мѣновой торговли въ Беринговомъ проливѣ.

Кочующіе чукчи лучше одѣваются и съ виду кажутся солиднѣе, чѣмъ береговые. Они всю свою жизнь находятся въ разъѣздахъ между русскими ярмарками и берегами Ледовитаго моря.

Въ теченіе зимы съ «Веги» предпринимались нѣсколько поѣздокъ къ становищамъ кочующихъ чукчей, которыя находились далѣе во внутренности страны. Одно изъ этихъ становищъ состояло изъ двухъ юртъ, раскинутыхъ на возвышенности. Одна изъ нихъ была необитаема, а въ другой жилъ одинъ чукча съ

своей молодой женой, имѣя у себя въ гостяхъ еще одну молодую чету изъ сосѣдняго становища. Вблизи, на возвышенности, паслось стадо оленей, штукъ около 50.

Путешественниковъ пригласили въ юрту. При входѣ ихъ зажгли лампу, въ которой горѣла ворвань съ свѣтильней изъ моху. Молодая хозяйка радушно встрѣтила ихъ и всѣми силами старалась сдѣлать пребываніе ихъ въ юртѣ какъ можно болѣе пріятнымъ; она свернула имъ оленьи шкуры для изголовья и приготовила мѣста для отдыха. Въ передней комнатѣ другая женщина приготовляла ужинъ, который состоялъ изъ вареннаго тюленьяго мяса. Пріѣзжихъ гостей пригласили раздѣлить трапезу; но такъ какъ тюленье мясо для европейца не кажется особенно аппетитнымъ, то они отказались отъ ужина, подъ предлогомъ, что недавно пообѣдали и потому не голодны. Тогда чукчи сами приступили къ столу, лежа на животѣ туловищемъ во внутренней комнатѣ юрты, а головой подъ оленьими шкурами во внѣшней комнатѣ, гдѣ находилась пища. Кончивъ ужинать, они втянули опять головы, раздѣлись и сняли свои сапоги изъ оленьей кожи, вывернули ихъ, тщательно вытерли и повѣсили къ потолку подъ лампой, для просушки на ночь.

Путешественники угостили женщинъ сахаромъ, котораго тѣ еще никогда не видали. Сначала онѣ внимательно и съ какою-то осторожностью осматривали его, но потомъ онъ имъ очень понравился. Простившись съ ними, путешественники отправились спать въ палатку, которую привезли съ собою съ корабля. Спальня эта была далеко не теплая; во время ночи температура упала до—11°.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, когда путешественники, послѣ безсонной ночи, вышли изъ своей палатки, всѣ олени плотно сомкнутою группою, подъ предводительствомъ одного стараго оленя съ великолѣпными высокими рогами, шли къ хозяину. Подойдя къ нему, первый олень поздоровался съ

нимъ, любезно потирая свою морду о руки хозяина. Остальные олени въ это время построились какъ бы въ ряды, и владѣтель ихъ здоровался съ каждымъ, дозволяя тереть имъ мордою свои руки. Каждаго оленя онъ бралъ за рога и тщательно осматривалъ. По данному знаку хозяина все стадо повернулось и пошло обратно, опять сомкнутыми рядами съ предводителемъ во главѣ, къ мѣсту пастьбы. Эта маленькая сцена произвела на путешественниковъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Передъ ними былъ не свирѣпый и невѣжественный дикарь, который жестоко, варварски показываетъ свою власть надъ животными; это былъ добрый хозяинъ, который обращается съ своими подчиненными съ любовью. Самъ хозяинъ былъ видный молодой мужчина, съ умнымъ выраженіемъ лица и стройнымъ тѣлосложеніемъ. Одежда его изъ очень красивыхъ оленьихъ шкуръ плотно прилегала къ стройному стану и дозволяла видѣть его граціозную фигуру.

Чукчи поклоняются солнцу, лунѣ и божествамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, населяютъ моря, рѣки, озера, а также живутъ въ землѣ и на нѣкоторыхъ горахъ. Передъ ловлею рыбы они обыкновенно приносятъ жертву божеству. Для этого, сдѣлавъ пяткой ноги маленькое углубленіе въ снѣгу, они бросаютъ туда нѣсколько крохъ какой-нибудь пищи.

Посѣщая кочующихъ чукчей въ ихъ юртахъ, путешественники имѣли случай наблюдать нѣкоторыя черты изъ ихъ домашней жизни. Музыка и танцы составляютъ самое пріятное развлеченіе чукчей. Каждая юрта имѣетъ по нѣскольку барабановъ, сдѣланныхъ изъ большого деревяннаго обруча, перетянутаго тонкой тюленьей или моржевой кишкой, и по нимъ бьютъ легкой китовой косточкой. Издаваемый инструментомъ звукъ меланхоличенъ, и впечатлѣніе это еще болѣе усиливается, когда эта музыка употребляется какъ аккомпаниментъ къ пѣснямъ, которыя чукчи поютъ съ большимъ чувствомъ. Достаточно было

взглянуть на веселыя улыбающіяся лица слушателей, чтобы понять, какое глубокое впечатлѣніе производитъ на нихъ пѣсня.

Чукчи любятъ поѣсть, хотя пища ихъ не отличается большимъ разнообразіемъ. Вотъ, между прочимъ, меню одного ужина: сырая рыба, супъ, вареная рыба, тюленье сало и мясо. Супъ приготовляется изъ крови, которая варится съ водой, рыбой и жиромъ. Тюленье сало они ѣдятъ слѣдующимъ, весьма оригинальнымъ способомъ: каждый беретъ цѣликомъ весь кусокъ, доставшійся на его долю, и, схвативъ одинъ конецъ зубами, отрѣзываетъ ножемъ столько, сколько можетъ въ одинъ разъ разжевать и проглотить. Точно такъ же они ѣдятъ вообще всякое мясо.

23-го апрѣля явились первые вѣстники весны—подорожники, которые съ веселымъ щебетаньемъ запорхали по льдинамъ и кучамъ снѣга. Затѣмъ прилетѣли чайки, гуси, гаги, болотныя и пѣвчія птицы. Первыя изъ пѣвчихъ птицъ были родъ малиновки, которыя прилетѣли въ началѣ мая большими стаями и опустились на единственное темное мѣсто, которое было видно въ окрестности—на палубу корабля. Путешественники приняли новыхъ гостей съ радостью, и каждый, по возможности, старался не обезпокоить и не испугать ихъ.

Другимъ вѣстникомъ весны были трещины, образовавшіяся во льду неподалеку отъ корабля. Но, вслѣдствіе новаго движенія льдовъ, онѣ опять сомкнулись, и на мѣстѣ ихъ образовались громадные торосы. Самое крѣпкое судно было бы раздавлено ими, еслибы случайно попало въ подобную трещину. Около берега на льду начала собираться вода, и сообщеніе съ берегомъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Многимъ не разъ пришлось выкупаться, когда они случайно попадали въ болѣе глубокую промоину.

Однажды, въ концѣ мая, въ солнечный день, показались мухи. 23-го іюня, наканунѣ Иванова дня, появился первый

цвѣтокъ, а недѣлю спустя земля начала покрываться зеленью и цвѣтами. Съ окончаніемъ зимы исчезли также красивыя свѣтовыя явленія, которыя зимою отчасти замѣняли лѣтнее убранство земли. Проходя вдоль взморья въ темный зимній день, вы видите у себя подъ ногами великолѣпный, голубой свѣтъ, который при каждомъ шагѣ брызжетъ вокругъ, и притомъ такъ ярко, что можно подумать, что сапоги и одежда загораются. Свѣтъ этотъ происходитъ отъ маленькаго ракообразнаго животнаго, обладающаго способностью свѣтить.

Лѣса также начали одѣваться зеленью. Но это были не тѣ лѣса, какіе мы привыкли видѣть. Лѣсъ, расположенный у Питлекая, открытъ со всѣхъ сторонъ для всякихъ вѣтровъ и состоитъ только изъ низкаго ползучаго рода ивы въ нѣсколько дюймовъ высоты.

17-го іюля ледъ отдѣлился отъ берега, образовавъ длинную полосу чистой воды; но глубокій ледъ лежалъ еще прочно на мели и былъ такъ крѣпокъ, что никто не думалъ, чтобы корабль могъ освободиться изъ льда ранѣе двухъ недѣль. Тѣмъ не менѣе, на кораблѣ все было готово къ отплытію, и машина приведена въ порядокъ, чтобы въ каждую данную минуту можно было развести пары. Предстоящее освобожденіе отъ долгаго зимняго плѣна наполняло всѣхъ невыразимою радостью.

На слѣдующій день, 18-го іюля, когда путешественники сидѣли за столомъ, они вдругъ почувствовали, что корабль слегка покачнулся. Капитанъ Паландеръ бросился наверхъ и, увидѣвъ, что ледъ трогается, приказалъ немедленно развести пары. Два часа спустя «Вега», украшенная всѣми своими флагами, шла уже на всѣхъ парахъ. Вдоль берега образовалась довольно широкая и свободная полынья, такъ что «Вега» имѣла для своего плаванія просторный и довольно глубокій фарватеръ. Курсъ взяли къ Берингову проливу. Когда корабль проходилъ мимо самаго крайняго мыса Питлекая, путешественники уви-

дали на немъ собравшееся на одномъ пригоркѣ все населеніе становища; мужчины, женщины и дѣти глядѣли на огненную собаку — такъ чукчи называли пароходъ — которая увозила друзей-чужеземцевъ далеко отъ ихъ пустыннаго, холоднаго берега. Безъ сомнѣнія, добродушные дикари смотрѣли вслѣдъ уѣзжающимъ съ самымъ искреннимъ чувствомъ печали. Двое изъ нихъ даже выѣхали на лодкѣ въ море, чтобы на прощанье еще помахать уѣзжающимъ. Вмѣстѣ съ ними, впереди, была общая любимица нашихъ путешественниковъ, 12-лѣтняя Рейтинакка, которую всѣ на кораблѣ ласкали, надѣляя подарками и лакомствами. Теперь, стоя въ лодкѣ, она посылала имъ свой послѣдній прощальный привѣтъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отъ Чукотскаго полуострова до Японіи.

Когда «Вега» проходила черезъ Беринговъ проливъ, высокія горы на азіатской сторонѣ его были покрыты густымъ туманомъ, изъ котораго только по временамъ показывались одинокія вершины. Море было покрыто пловучимъ льдомъ, на которомъ тамъ и сямъ красивыми группами отдыхали тюлени, отличающіеся необыкновенно пестрымъ цвѣтомъ шкуры. Надъ открытою водою летало множество морскихъ птицъ.

Передъ Беринговымъ островомъ, навстрѣчу кораблю выѣхалъ въ лодкѣ человѣкъ, спрашивая: «Не Норденшельдъ ли?» Это былъ первый европеецъ-финляндецъ, который привѣтствовалъ экспедицію. Онъ прежде работалъ на заводѣ Бьеркбуда, гдѣ часто бывалъ и Норденшельдъ въ молодые годы. Теперь этотъ человѣкъ служилъ въ американской компаніи.

Такъ какъ ледъ преграждалъ доступъ въ великолѣпную гавань залива Св. Лаврентія, то «Вега» стала на якорѣ у деревни Нинамо. Это становище расположено на небольшой воз-

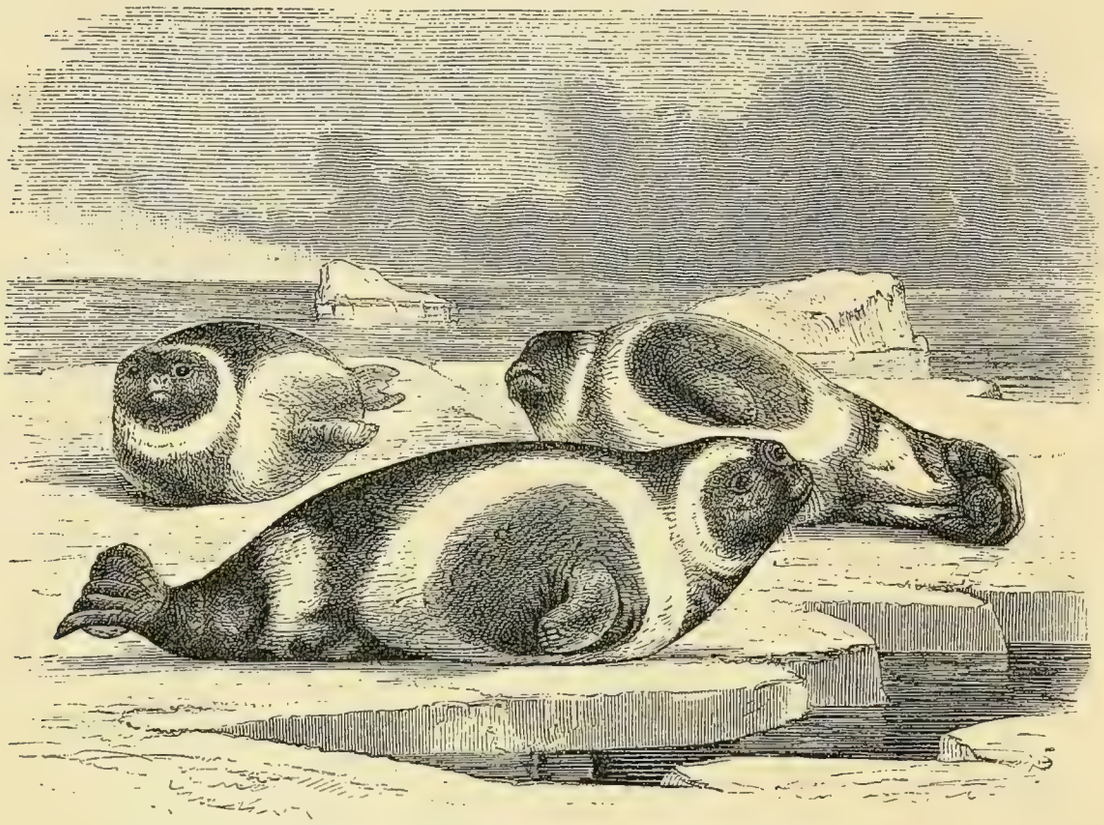
вышенности, за которою поднимается высокій горный хребетъ, со множествомъ вершинъ, спуски которыхъ образуютъ громадныя, въ видѣ террасъ, каменистыя груды.

Становище состояло изъ десяти юртъ. За недостаткомъ дерева, туземцы почти для всѣхъ своихъ домашнихъ нуждъ употребляютъ китовыя кости: остовомъ для юртъ служатъ вбитыя въ землю ребра и нижнія челюсти китовъ, обтянутыя тюленьими шкурами; пищу варятъ на открытомъ воздухѣ въ котлахъ, для которыхъ зацѣпкою служатъ такія же кости; китовые позвонки употребляются какъ ступки; лопатки служатъ вмѣсто дверей къ погребамъ съ саломъ; изъ выдолбленныхъ китовыхъ костей приготовляются лампы; китовые усы, части нижнихъ челюстей и тѣ изъ реберъ, которыя попрямѣе, употребляются подъ санныя полозья, а волокна изъ китовыхъ усовъ замѣняютъ шнурки и тесьму.

Передъ каждой юртой лежали груды чернаго тюленьяго мяса и длинныя бѣлыя колыхающіяся связки надутыхъ кишекъ, развѣшенныхъ для сушки. Весьма пріятное впечатлѣніе производили кучи зеленыхъ ивовыхъ вѣтвей, сложенныхъ почти у каждой юрты; ихъ обыкновенно окружали женщины и дѣти, и съ жадностью ѣли ихъ листья. Эти чукчи были, повидимому, въ частыхъ сношеніяхъ съ мореходцами, такъ какъ въ каждой почти юртѣ можно было найти хорошія ружья и множество европейской домашней утвари. Покойниковъ своихъ они хоронятъ такимъ же образомъ, какъ ихъ сѣверные одноплеменники; около мертвеца кладутъ копье, стрѣлы, трубку, и вообще все, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, покойникъ можетъ нуждаться на томъ свѣтѣ.

22-го іюля «Вега» бросила якорь въ великолѣпной гавани въ Портъ-Кларансѣ, которая находится къ югу отъ мыса Принца Уэльскаго. Отъ моря гавань охраняется длиннымъ песчанымъ рифомъ, а въ гавань изливается значительная рѣка, устье ко-

торой расширяется въ обширный водоемъ на подобіе озера. На востокѣ поднимаются высокія остроконечныя горы. Съ 18-го августа предыдущаго года, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ «Вега» выѣхала изъ гавани Актинія у Таймурскаго острова, это была первая настоящая гавань. Несмотря на то, благодаря опытности капитана Паландера и усердію экипажа, корабль былъ въ совершенно исправномъ состояніи.



Тюлени на льдахъ въ Беринговомъ морѣ.

Не успѣли еще бросить якорь, какъ къ кораблю подъѣхало множество кожаныхъ лодокъ, то большихъ и просторныхъ, то узкихъ и совершенно закрытыхъ, съ однимъ или двумя отверстіями для гребцовъ. Иногда на днѣ такой узкой лодки, подъ палубой, помѣщался еще одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ, дѣти часто сопровождаютъ родителей въ ихъ поѣздкахъ на лодкахъ,

Это были эскимосы. Изъ нихъ двое мужчинъ, которые прежде сопровождали китолововъ въ Санъ-Франциско или Го-

нолулу, говорили немного по-англійски. Здѣшніе эскимосы, въ отношеніи образованности, стоятъ далеко выше другихъ полярныхъ народовъ; частыя сношенія съ европейцами и американцами имѣли на нихъ благодѣтельное вліяніе.

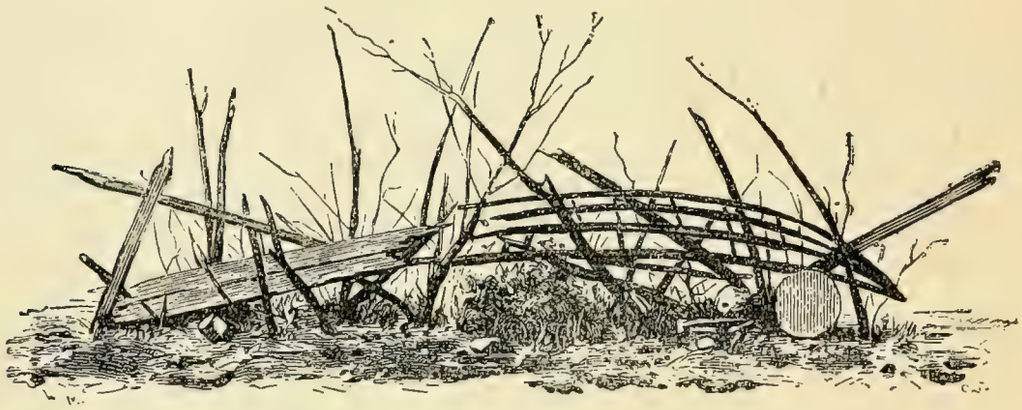
Большая часть эскимосовъ жили въ лѣтнихъ чумахъ изъ тонкой бумажной ткани. Нѣкоторые изъ нихъ носили европейскую одежду, на другихъ были одѣты панталоны изъ тюлень-

Семейство эскимосовъ изъ Портъ-Кларанса.

ихъ или оленьихъ шкуръ и мягкая, легкая, часто красиво убранная накидка изъ сурковыхъ или байбаковыхъ шкурокъ. Въ дождливую погоду надѣвались дождевые плащи изъ сшитыхъ кишекъ.

Женщины были татуированы нѣсколькими штрихами на подбородкѣ. Мужчины носили маленькіе усы, а иные и жиденькія бороды. Бо́льшая часть изъ нихъ имѣла въ нижней губѣ двѣ

продолговатыя дыры, въ которыхъ висѣли украшенія изъ стекла, кости или камня. Одна молодая, почти взрослая, дѣвушка имѣла большую синюю стеклянную жемчужинку подъ носомъ; она очень смутилась и спрятала свое лицо, когда замѣтила, что ея украшеніе сдѣлалось предметомъ всеобщаго вниманія. Всѣ женщины имѣли длинныя бусы въ ушахъ и носили желѣзные или мѣдные браслеты. Глаза у нихъ косоватые, лицо плоское, носъ маленькій и вдавленный. Большая часть мужчинъ и женщинъ съ виду здоровые и крѣпкіе. Въ чумахъ господствовалъ порядокъ и чистота, а полы были покрыты коврами, сплетенными изъ травы. Большая часть домашней утвари и оружія была



Могила эскимосовъ.

американскаго издѣлія, а охотничьи и рыболовные снаряды состояли изъ лука, стрѣлъ, костяныхъ багровъ и т. п. Многіе изъ нихъ, мѣстнаго издѣлія, были приготовлены съ большимъ искусствомъ и снабжены рѣзьбой и украшеніями. Особенно искусно были сдѣланы рыболовные крючки, выдѣланные изъ крашеныхъ костей, стеклянныхъ бусъ и красныхъ плавательныхъ перепонокъ; они имѣли видъ жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, употребляемыхъ для насадки.

Эскимосы Портъ-Кларанса—веселаго и добродушнаго нрава. Женщины у нихъ пользуются такимъ же почетомъ, какъ и мужчины, а дѣти очень скромны и благонравны. Всѣ они—

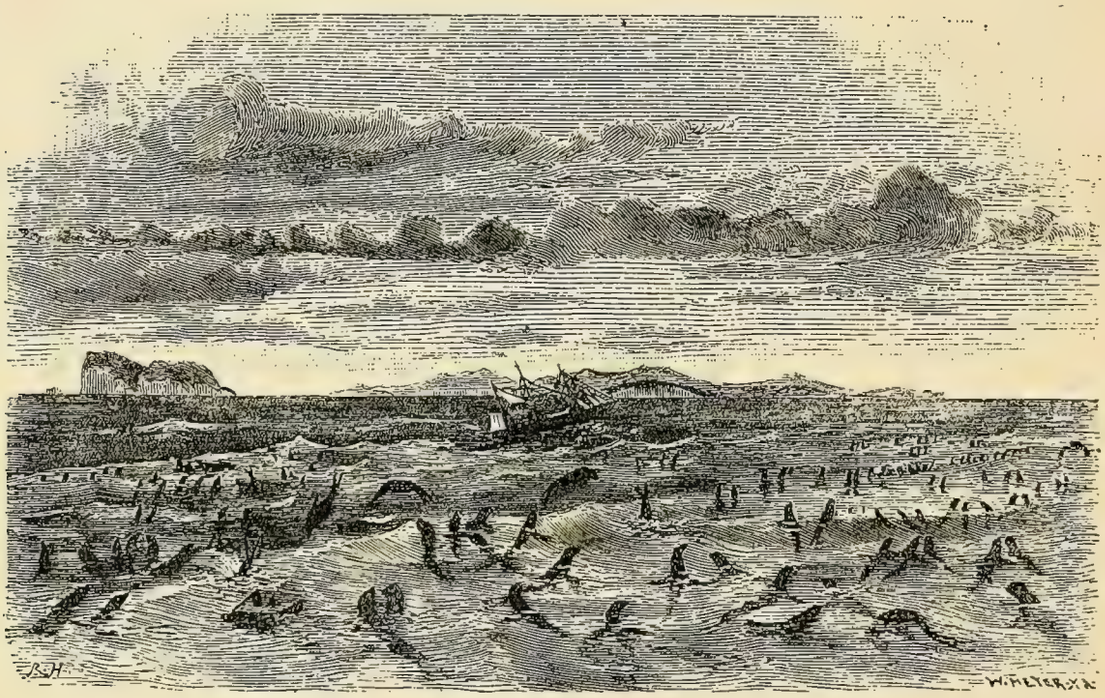
язычники. При нѣкоторыхъ чумахъ, на столбахъ, были поставлены деревянныя птицы съ распущенными крыльями, выкрашенными красной краской. Своихъ покойниковъ эскимосы кладутъ совершенно одѣтыми прямо на землю, безъ всякой могилы или гроба, и обставляютъ частою изгородью; около покойника путешественники видѣли лодку съ веслами, заряженное двуствольное ружье съ пистономъ и куркомъ на первомъ взводѣ, одежду, огниво, лыжи, посуду для питья, двѣ деревянныя миски, вымазанныя кровью, и странныя изображенія звѣрей.

Когда нѣкоторые ученые, около ста лѣтъ до Норденшельда, впервые посѣтили эти страны, жители ихъ были въ высшей степени невѣжественны и грубы. Одинъ путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое первое посѣщеніе острова Св. Лаврентія въ Беринговомъ проливѣ. Эскимосы постлали на полъ въ чумѣ грязную шкуру и пригласили его сѣсть, затѣмъ они поочередно стали подходить къ нему, обнимали его и крѣпко терли свои носы о его носъ; кончили они свое любезное привѣтствіе тѣмъ, что, плюнувъ себѣ на руки, вымазали руками нѣсколько разъ лицо гостя, затѣмъ поставили передъ нимъ большое корыто съ китовымъ саломъ, котораго онъ долженъ былъ съѣсть изрядное количество, чтобы не обидѣть своихъ гостепріимныхъ хозяевъ.

14-го августа «Вега» стала на якорь у Берингова острова, самаго западнаго изъ тѣхъ гористыхъ острововъ, которые длинною цѣпью окаймляютъ Берингово море на югѣ. На этихъ островахъ одна американская компанія содержитъ двѣ значительныя станціи для торговли съ туземцами, главный предметъ которой составляютъ шкуры такъ-называемыхъ морскихъ медвѣдей, единственнаго теперь большого млекопитающаго на островѣ, которыхъ здѣсь ежегодно убиваютъ отъ 20-ти до 50-ти тысячъ.

Этотъ родъ тюленей встрѣчается на островахъ сотнями ты-

сячъ и извѣстенъ своимъ особеннымъ нравомъ. Лѣтомъ морскіе медвѣди выходятъ на берегъ. Сперва являются самцы и начинаютъ между собою ожесточенныя, часто кровавыя битвы. Каждый изъ нихъ старается отстоять занятое имъ для себя и для своихъ подругъ пространство, внѣ котораго онъ не преслѣдуетъ своего побѣжденнаго врага. Послѣ боя побѣдитель ложится на спину съ самодовольнымъ хрюканьемъ, почесываетъ себя передними лапами и шевелитъ широкими задними плавни-



Морскіе медвѣди.

ками, словно вѣеромъ. Въ теплый лѣтній день на мѣстѣ подобнаго сборища можно видѣть въ движеніи сотни такихъ вѣеровъ. Когда являются самки, ихъ принимаютъ къ себѣ сначала тѣ самцы, которые заняли мѣста ближе къ водѣ; но, въ то время, какъ они уплываютъ за другими, оставшихся самокъ похищаютъ сосѣди. Наконецъ, когда уже всѣ мѣста заняты, оказывается, что самые сильные самцы имѣютъ отъ 12 до 15 самокъ около себя, а на долю слабыхъ достается по четыре и по пяти. Здѣсь

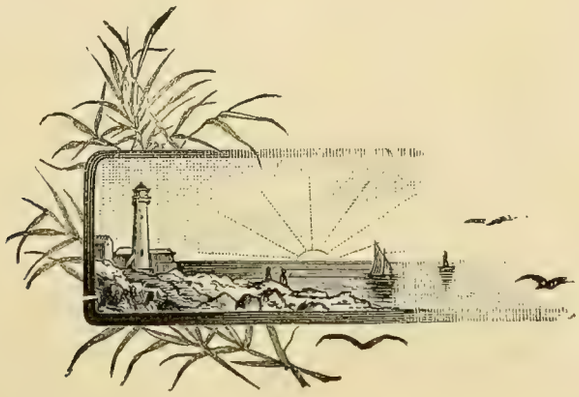
самцы остаются въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, послѣ чего они оставляютъ мѣста самкамъ и ихъ дѣтенышамъ.

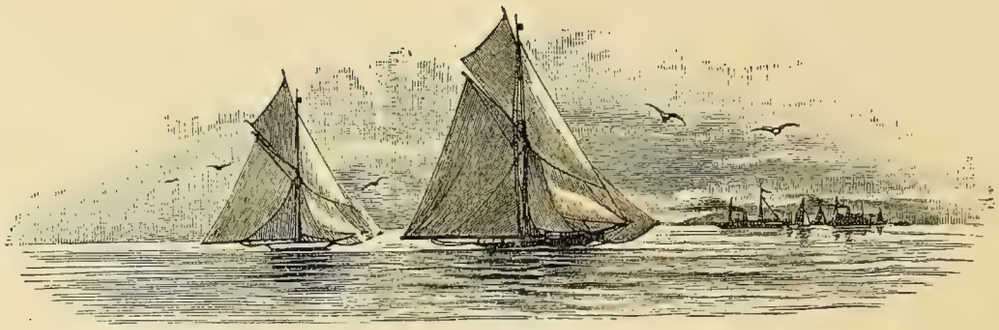
Охотники никогда не безпокоятъ колоніи этихъ тюленей и охотятся только за молодыми самцами, которые не могли добыть себѣ ни мѣста, ни самокъ. Съ этою цѣлью охотники потихоньку загоняютъ ихъ дальше на берегъ, потомъ находящихся между ними самокъ съ дѣтенышами угоняютъ обратно къ водѣ, а остальныхъ убиваютъ дубинами.

Отъ Берингова острова наши путешественники направились къ Іокагамѣ въ Японіи, гдѣ и бросили якорь 2-го сентября. Во время плаванія, при сильномъ порывѣ вѣтра съ дождемъ и громомъ, молнія ударила въ большую мачту корабля и расколола верхнюю часть ея. Всѣ на кораблѣ почувствовали сильное сотрясеніе, но несчастій съ людьми не было.

По прибытіи къ Іокагаму капитанъ Паландеръ распорядился обшить корабль мѣдью, чтобы предохранить его отъ встрѣчающихся въ тропическихъ моряхъ раковинъ, которыя пристаютъ ко дну корабля и портятъ дерево.

Теперь наши путешественники были уже въ теплыхъ, хорошо изслѣдованныхъ моряхъ, изборожденныхъ европейскими кораблями. Чрезвычайныя опасности полярнаго плаванія для нихъ кончились, и далѣе имъ предстоялъ путь, полный тріумфовъ за великую побѣду надъ суровою природою сѣвера.





ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

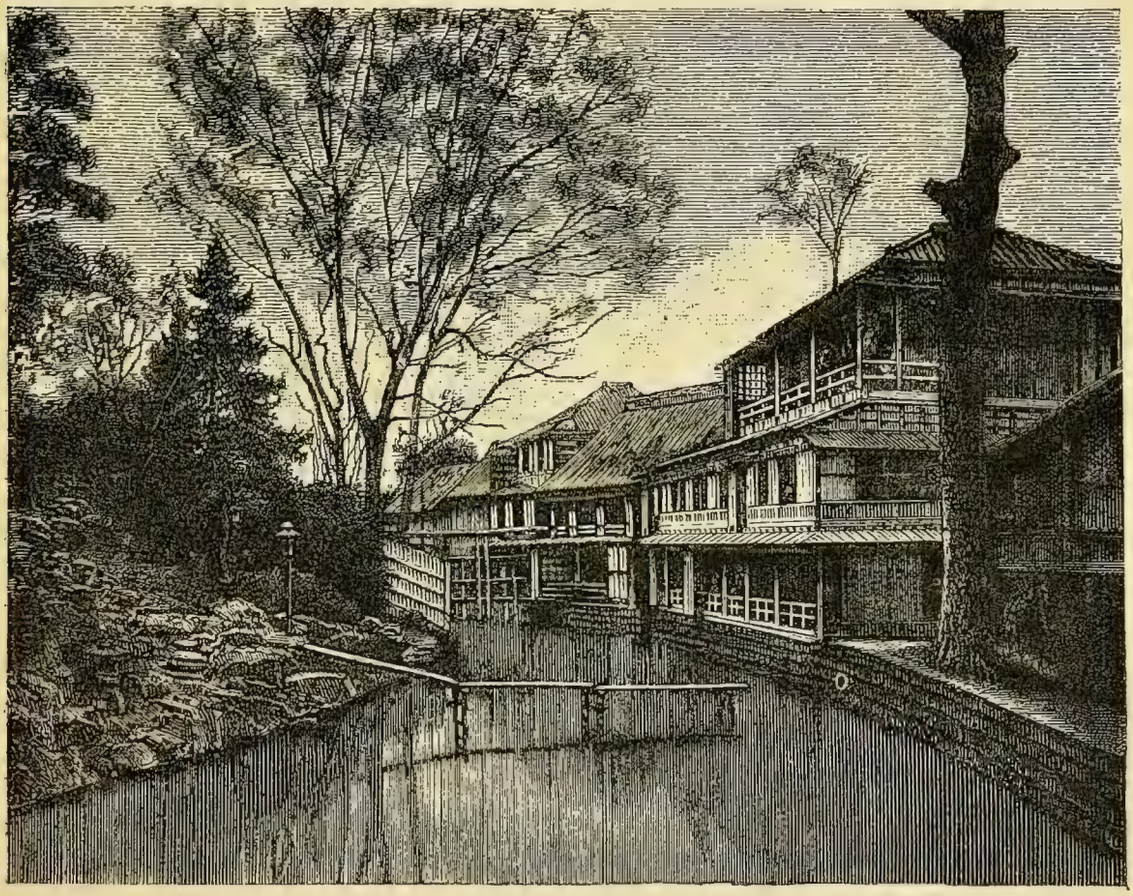
Изъ Японіи на родину.

Прежде иностраннымъ судамъ запрещено было посѣщать Японію; но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ нѣсколько береговыхъ мѣстностей, въ томъ числѣ и небольшая деревня Іокагама, были, наконецъ, открыты для европейской торговли. Въ настоящее время бывшая деревня превратилась въ цвѣтущій городъ съ огромнымъ населеніемъ, множествомъ европейскихъ домовъ, магазиновъ и гостинницъ. Отсюда проходитъ желѣзная дорога въ столицу Японіи, Токіо, и учреждено правильное пароходство съ Санъ-Франциско, Гонконгомъ, Индіей и т. д.

Какъ только распространилась вѣсть о прибытіи «Веги», къ Норденшельду стали являться съ поздравленіями одна за другою различныя депутаціи, и затѣмъ начался рядъ празднествъ въ честь путешественниковъ.

Между прочимъ, путешественники были приглашены къ обѣду въ лѣтній дворецъ, гдѣ роль хозяина исполнялъ япон-

скій имперскій принцъ. Дворецъ состоялъ изъ одноэтажнаго деревяннаго дома въ японскомъ стилѣ, но съ европейскою мебелью, и былъ окруженъ садомъ, который японцы находили очень красивымъ и большимъ; на самомъ же дѣлѣ это былъ миніатюрный паркъ. Японцы умѣютъ воспитывать малорослые экземпляры деревъ и кустарниковъ, и изъ такихъ именно



Японскій домъ въ Токіо.

экземпляровъ состоялъ этотъ паркъ, въ которомъ имѣлись хорошенькія зеленыя лужайки, прекрасно вычищенныя дорожки, маленькіе пруды и водопады и настоящіе кукольные мостики.

Путешественники были приняты также въ большой аудіенціи императоромъ, причемъ ихъ предупредили, чтобы они не поворачивали спины къ государю и чтобы при входѣ сдѣлали три поклона: одинъ въ дверяхъ, другой посрединѣ комнаты и

третій, когда дойдутъ до своихъ мѣстъ. Императоръ прочелъ имъ на японскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, которая толмачемъ была переведена на французскій. Норденшельдъ отвѣтилъ на нее привѣтствіемъ по-французски. Во все время, пока продолжалась аудіенція, императоръ стоялъ такъ неподвижно, что его можно было принять за восковую фигуру, еслибы передъ тѣмъ онъ не прочелъ самъ своей рѣчи.

На другой день послѣ аудіенціи Норденшельдъ совершилъ поѣздку въ лодкѣ вдоль рѣки, у устья которой расположенъ Токіо. Эта рѣка съ своими притоками составляетъ главный соединительный путь страны. На ней встрѣчались постоянно лодки, которыя направлялись въ городъ съ съѣстными припасами или возвращались оттуда съ товарами. Вдоль береговъ рѣки устроено множество гостинницъ и чайныхъ домовъ, большею частью предназначенныхъ только для японцевъ; европейцы ни за какую плату въ нихъ не допускаются. Причина этому — грубые и невѣжественные, въ глазахъ японцевъ, нравы европейцевъ: европеецъ ходитъ въ грязныхъ сапогахъ по коврамъ, плюетъ на полъ, невѣжливъ съ прислужницами и т. п.

Если, по ходатайству какого-нибудь чиновника, иногда допускаютъ европейца посѣтить гостинницу, предназначенную для японцевъ, то предварительно онъ обязанъ у порога снять свои сапоги, иначе онъ сразу скомпрометируетъ себя. Хозяинъ и служанки привѣтствуютъ гостя колѣнопреклоненіемъ, послѣ чего все время его окружаютъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, которыя безъ умолку болтаютъ и смѣются. Такъ случилось и съ нашими путешественниками. Одна изъ дѣвушекъ подошла къ нимъ и, ставъ на колѣни, подала японскій чай въ очень маленькихъ чашечкахъ, наполненныхъ только до половины. Затѣмъ гостей повели въ гостиныя, очень просторныя и замѣчательно чистыя комнаты, которыя чистотою своею могутъ соперничать съ лучшими гостинницами Европы. Мебели въ нихъ

совсѣмъ не было; полы были покрыты коврами изъ плетеной соломы, а стѣны украшены японскими картинами и соотвѣтствующими мѣсту стихами и поговорками. Комнаты раздѣляются тонкими стѣнками, передвигающимися какъ бы на рельсахъ. Поэтому случается, что заснешь въ большой комнатѣ, а утромъ просыпаешься въ очень маленькой. Постель состоитъ изъ толстаго разостланнаго на полу ковра, круглой подушки, или оби

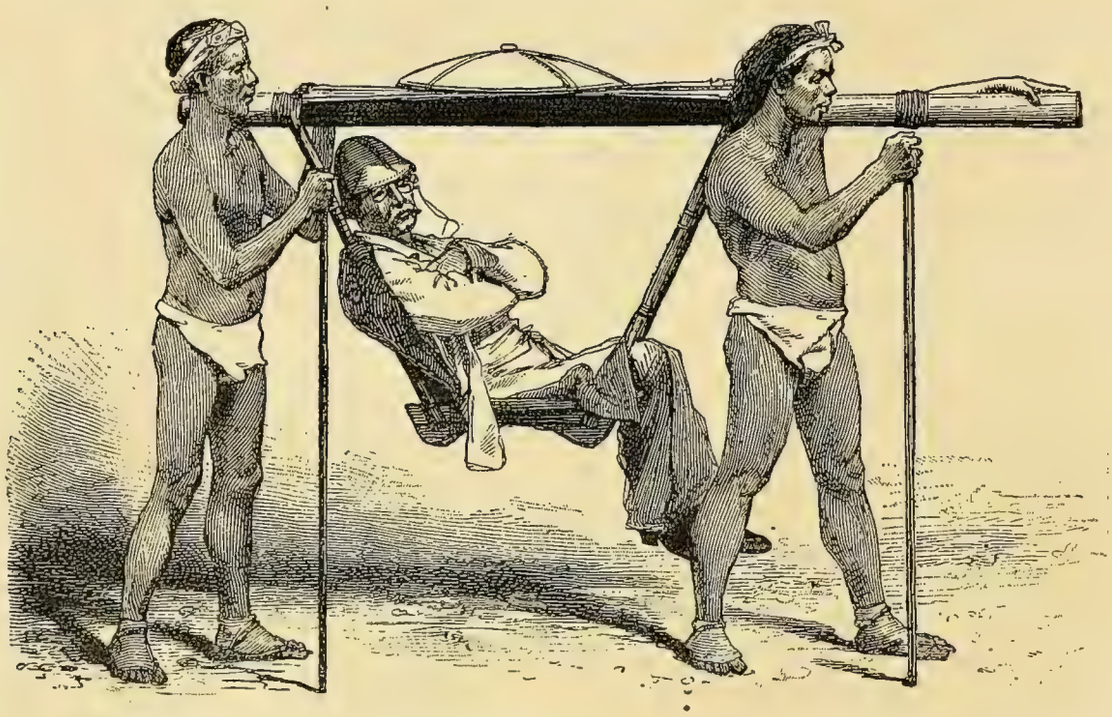
Японская спальня.

таго деревяннаго чурбана, и халата, который служитъ одѣяломъ.

При входѣ въ такую гостинницу, прислужницы тотчасъ раздаютъ четырехугольныя подушки для сидѣнія, которыя размѣщаются на полу вокругъ деревяннаго ящика. Послѣ того разносится чай, зажигаютъ трубки и начинается разговоръ. Къ обѣду вносятъ всѣ блюда одновременно на небольшихъ лакированныхъ столикахъ, вышиною въ полъ-аршина и величиною около полутора аршинъ въ квадратѣ. Кушанья подаются въ

лакированныхъ деревянныхъ чашкахъ, и ихъ берутъ съ помощью деревянныхъ палочекъ, безъ ножей, вилокъ или ложекъ. Во время обѣда гости окружены многочисленною женскою прислугою, которая, сидя на полу на корточкахъ, ведетъ съ ними оживленный, прерываемый смѣхомъ, разговоръ. Утромъ умываются на дворѣ или на балконѣ дома.

Норденшельдъ предпринялъ, между прочимъ, поѣздку внутрь страны. Дороги въ Японіи очень плохія и узкія, сравнительно



Японскія носилки.

съ европейскими; это потому, что здѣсь, кромѣ маленькихъ ручныхъ телѣжекъ, носильщиковъ и вьючныхъ лошадей и быковъ, никакихъ экипажей, запряженныхъ лошадьми или быками, не встрѣчается. Скотоводствомъ здѣсь мало занимаются, и земля обрабатывается руками. Несмотря на то, равнины вспаханы, покатости выровнены и вездѣ проведены каналы.

Норденшельдъ посѣтилъ по дорогѣ также нѣсколько японскихъ крестьянскихъ домовъ и былъ чрезвычайно радушно принятъ. Тотчасъ являлся деревянный ящикъ, подавали чай и сла-

дости, и завязывался оживленный разговоръ съ частыми поклонами. Разницы между жилищами богатыхъ людей и крестьянъ почти нѣтъ никакой; нищихъ въ странѣ совсѣмъ не видно.

Во время этого пути Норденшельду пришлось пробираться по такой худой дорогѣ, по которой обыкновенный двухколесный японскій экипажъ не могъ проѣхать, почему онъ долженъ былъ воспользоваться японскими носилками. Носилки эти для европейцевъ очень неудобны, такъ какъ они не могутъ сидѣть на нихъ, подобно японцамъ, поджавши ноги, а сидѣть сбоку, свѣсивши на одну сторону ноги, очень утомительно.

Въ одномъ селеніи Норденшельду удалось видѣть состязаніе въ борьбѣ. Борьба происходила въ кругу, діаметромъ въ три аршина, очерченномъ на пескѣ. Побѣдителемъ признавался тотъ, кто свалитъ противника на землю или вытѣснитъ изъ круга. При этомъ выбирался особый судья, который въ сомнительныхъ случаяхъ рѣшалъ споръ. Оригинальнѣе всего было начало состязанія, когда борцы, одежда которыхъ состояла изъ однихъ поясовъ, садились на корточкахъ въ серединѣ круга, въ ожиданіи сигнала зорко наблюдая другъ за другомъ. Въ состязаніи принимали участіе около дюжины стройныхъ молодыхъ людей, которые поочереди, съ вызывающими криками, становились въ кругъ, чтобы помѣряться силами.

Чѣмъ далѣе Норденшельдъ проникалъ въ страну, тѣмъ мѣстность казалась ему красивѣе. Здѣсь передъ глазами путешественниковъ разстилались долины съ самою роскошною растительностью, среди которой пробивались внизу журчащія рѣчки съ чистою, какъ кристаллъ, водою; тамъ бархатные луга и холмы, изрѣдка покрытые каштановыми или дубовыми деревьями. Жители въ это время были заняты собираніемъ каштановъ, и передъ каждымъ домикомъ были разостланы соломенныя цыновки, на которыхъ сушились эти плоды.

Во многихъ мѣстахъ дорога проходитъ вдоль глубокихъ обры-

вовъ, и никакая изгородь не отдѣляетъ ее отъ бездонной пропасти. Вездѣ вы видите себя окруженнымъ высокими, какъ-будто расколотыми вершинами утесовъ, а въ глубинѣ долины текутъ горные ключи, вода которыхъ собирается мѣстами въ маленькія озера. Черезъ страшныя пропасти перекинуты, повидимому, самые непрочные мосты, и тутъ же, почти у самой дороги, съ огромной высоты падаетъ въ пропасть широкій водяной потокъ. Всюду жизнь и движеніе, и вездѣ видны лишь довольныя лица; это пріятное впечатлѣніе никогда не нарушается никакимъ грубымъ словомъ или дѣйствіемъ, какъ то случается постоянно въ Европѣ.

Въ одно прекрасное утро Норденшельдъ остановился у гостинницы, около которой увидѣлъ молодыхъ японскихъ крестьянокъ, занимавшихся на дворѣ своимъ туалетомъ. Всѣ японскія дѣвушки чрезвычайно опрятны и миловидны. Онѣ мылись на дворѣ у водопровода, приглаживали свои искусно вычесанные волосы и чистили свои ослѣпительно бѣлые зубы. Вмѣсто мыла, онѣ употребляли мѣшечки, наполненные отрубями, а вмѣсто зубныхъ щеточекъ—мягкія деревянныя кисточки, причемъ мелко истертая раковина и кораллы служили порошкомъ.

Когда Норденшельдъ и его товарищи начали также выбирать свои дорожныя вещи и приступили къ своему туалету на дворѣ, какъ это водится въ Японіи, всѣ дѣвушки собрались около нихъ, чтобы посмотрѣть и предложить свои услуги. Нѣкоторыя изъ нихъ, прислуживая путешественникамъ, смѣясь и бѣгая, до того суетились, что сбивали съ ногъ другъ друга; одна держала мыльную кисть, другая мыло, третья зеркало и т. п. Вокругъ стояли женщины постарше, черные зубы которыхъ свидѣтельствовали, что онѣ замужнія, — при выходѣ замужъ японскія женщины чернятъ свои зубы. Немного поодаль стояли мужчины разныхъ возрастовъ. Все это вмѣстѣ составляло живописную картину свѣжей и веселой народной жизни

Во все время своего пребыванія въ Японіи путешественники не слышали ни одного обиднаго или оскорбительнаго слова. Къ такому изысканно-вѣжливому обращенію, одинаково принятому

Японскіе борцы.

какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ классѣ въ Японіи, у насъ въ Европѣ не привыкли.

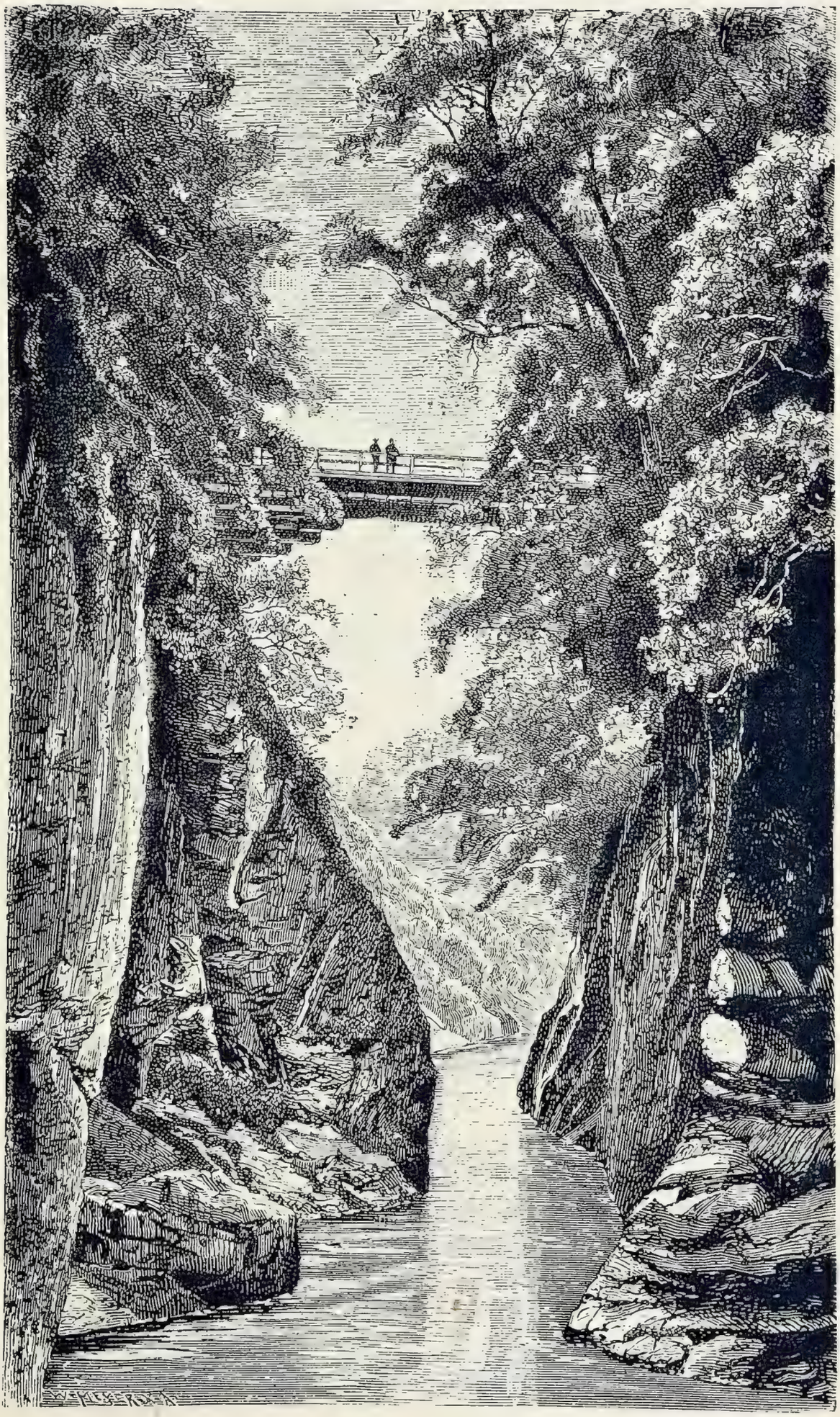
Въ Кіото, древнюю столицу Японіи, изъ Іокагамы проходитъ желѣзная дорога. Въ этомъ городѣ находится множество старыхъ дворцовъ и храмовъ и одно знаменитое своей красотой кладбище. Храмы деревянные и богато украшены рѣзьбой

и позолотою; многіе изъ нихъ безъ всякихъ изображеній боговъ, и иногда до того малы, что походятъ на голубятни и едва замѣтны между густыми деревьями, которыми они обыкновенно окружены. Противъ дверей внутри одного храма путешественники наши видѣли нѣчто вродѣ дарохранительницы-алтаря, запертаго тяжелыми дверями, снабженными крѣпкими замками и личинами. Тамъ, по словамъ жреца, обитаетъ самъ Будда.

Есть, однако, колоссальные идолы изъ бронзы, которые стоятъ на открытыхъ мѣстахъ и изображаютъ въ сидячемъ положеніи Будду, съ кроткимъ и серьезнымъ лицомъ. Иногда эти фигуры божествъ бываютъ такъ велики, что образуютъ какъ бы внѣшнюю оболочку цѣлаго храма, съ различными изображеніями и украшеніями внутри. Одно изъ этихъ огромныхъ изображеній Будды достигаетъ вышины слишкомъ 50 футъ.

18-го октября «Вега» снялась съ якоря въ Іокагамѣ и черезъ мѣсяцъ, 17-го ноября, была въ Лабуанѣ, на островѣ Борнео. Населеніе этого острова составляютъ малайцы; жилища ихъ построены у береговъ на сваяхъ и во время прилива окружены водою, а во время отлива—стоятъ на сушѣ. Чтобы войти въ нихъ, приходится взбираться по высокой, аршина въ три, лѣстницѣ, обращенной къ морю. Съ виду эти дома походятъ на наши береговые амбары; построены они изъ бамбука, который скрипитъ и гнется подъ ногами. Огня въ этихъ домахъ не разводятъ, а пищу варятъ на открытомъ воздухѣ. Малайцы устраиваютъ свои жилища на водѣ, вѣроятно, изъ боязни ядовитыхъ пресмыкающихся, которыхъ здѣсь множество.

На маленькомъ паровомъ катерѣ путешественники наши предприняли поѣздку во внутрь страны по небольшой рѣкѣ. У самаго устья ея находились двѣ малайскія деревушки, жители которыхъ съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на путешественниковъ. Толпа голыхъ ребятишекъ взапуски бѣжала вдоль



Японскій ландшафтъ.

берега, чтобы лучше разглядѣть странное для нихъ явленіе. Растительность вдоль береговъ была до того густа, что не было никакой возможности высадиться на берегъ: вездѣ непроницаемою стѣною стоялъ дѣвственный вѣковой лѣсъ. Нѣкоторыя изъ исполинскихъ деревъ, съ широкими блестящими листьями, цвѣли,

Буддійскій храмъ.

другія были украшены плодами. У берега большею частью росли фиговыя деревья, воздушные корни которыхъ спускались въ воду; далѣе виднѣлись высокія, свѣтло-зеленыя пальмы. По деревьямъ лазали обезьяны, а у береговъ ползали маленькіе алигаторы, около аршина длиною.

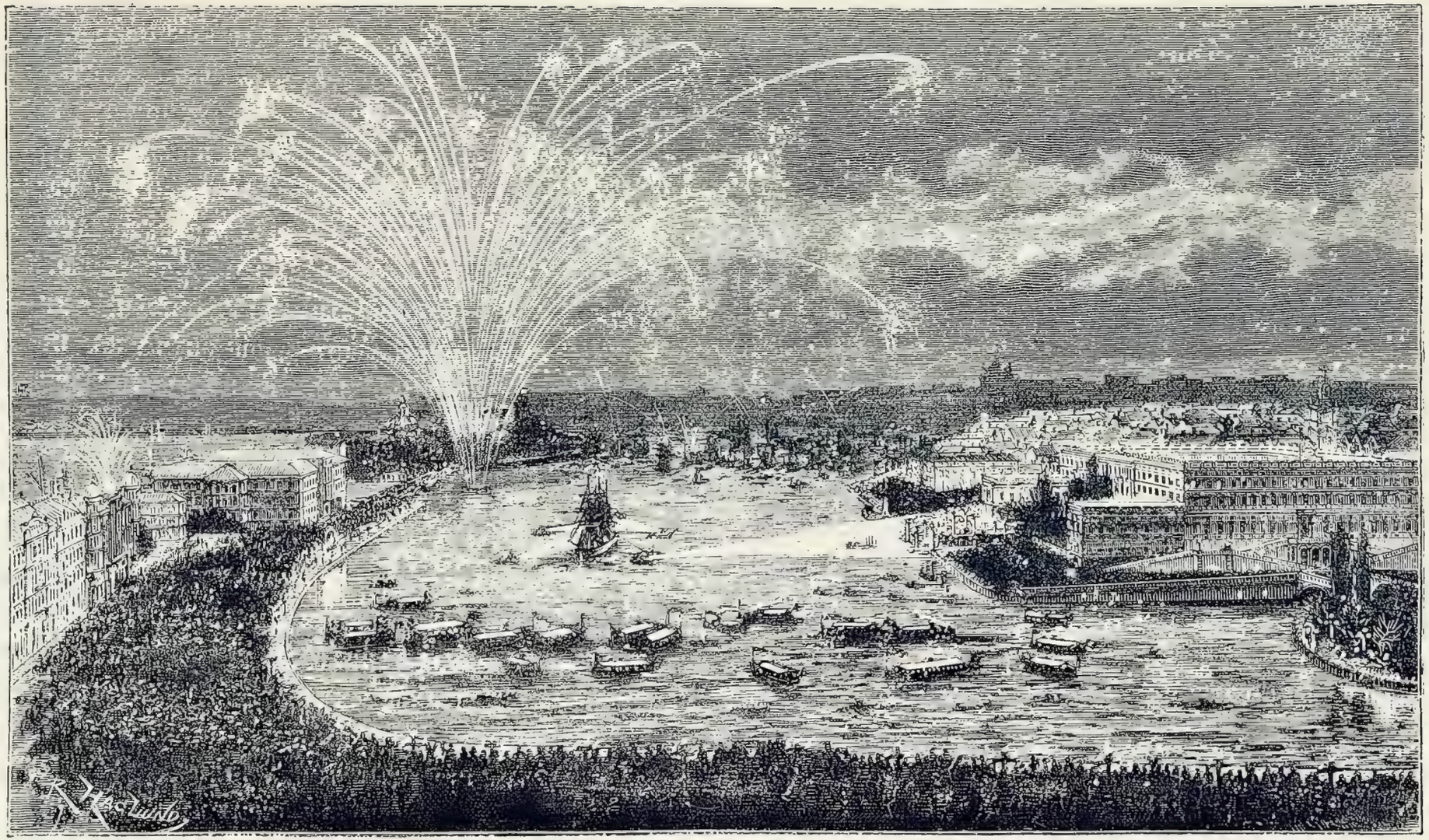
Несмотря, однако, на роскошную природу, малайцы ведутъ жизнь бѣдную и жалкую. Обѣ деревушки, видѣнныя путешественниками, носили слѣды величайшей нищеты. Полы въ домахъ были грязны, всякіе остатки отъ пищи кидались сквозь щели въ воду. Жители, казалось, не имѣли ничего, кромѣ тѣхъ лоскутковъ матеріи, которыми были покрыты ихъ бедра. Лодки ихъ были сдѣланы изъ выдолбленныхъ деревьевъ.

Изъ туземцевъ путешественникамъ удалось видѣть только двухъ мужчинъ среднихъ лѣтъ. При видѣ чужеземцевъ женщины и дѣти убѣжали сломя голову въ находящійся невдалекѣ домъ, откуда со страхомъ и любопытствомъ выглядывали изъ маленькаго окошечка.

15-го декабря «Вега» остановилась у Понтъ-де-Галь, на островѣ Цейлонѣ. Здѣсь путешественники посѣтили знаменитые пріиски драгоцѣнныхъ камней, которые на Цейлонѣ встрѣчаются преимущественно на мѣстахъ, изобилующихъ водяными потоками. Собиратели этихъ камней вырываютъ въ землѣ яму и вырытую глинистую землю складываютъ въ корзины; потомъ эта земля промывается и изъ нея выбираются драгоцѣнные камни, сборъ которыхъ иногда бываетъ очень богатый.

Жители Цейлона, сингалезы, довольно красивы и почти чернокожіе. Дѣти ходятъ голыя, украшенныя металлическими браслетами и цѣпью вокругъ тальи, отъ которой спереди виситъ маленькая серебряная или золотая пластинка. Вся одежда мужчинъ состоитъ изъ куска матеріи, обвитой вокругъ стана; женщины носятъ бумажную фуфайку. Длинные волосы у мужчинъ и женщинъ собираются кверху и придерживаются гребнемъ.

Жилища рабочихъ очень тѣсны, сложены изъ особеннаго рода кирпичей и крыты соломою; они походятъ болѣе на сараи, чѣмъ на жилыя помѣщенія. Богатые островитяне живутъ, впрочемъ, въ просторныхъ, почти открытыхъ верандахъ, кото-



Встрѣча Норденшельда въ Стокгольмѣ.

рыя раздѣляются ширмами на нѣсколько комнатъ. Храмы сингалезовъ очень невзрачны и выстроены изъ дерева. Служители этихъ храмовъ живутъ по близости въ грязныхъ и неудобныхъ домахъ. Климатъ теплый и сырой. Растительность острова очень богатая. Громадныя пальмы и разныя ароматныя растенія встрѣчаются повсюду. Цейлонъ гористая страна, пересѣченная огромными долинами. Лѣсъ почти весь теперь уже вырубленъ, и вмѣсто него всѣ высоты и долины покрыты кофейными кустами.

22-го декабря «Вега» отплыла изъ Цейлона и прибыла въ Аденъ, у входа въ Красное море, 7-го января. Во время плаванія въ Индѣйскомъ океанѣ канунъ Рождества праздновали въ совершенной тишинѣ. Но въ вечеръ новаго года, дверь въ каютъ-компанію отворилась, и вошла толпа чукчей, въ своихъ мѣховыхъ одеждахъ, которые на чистомъ шведскомъ языкѣ, съ примѣсью кой-какого незабытаго словца съ Питлекая, принесли дружескій поклонъ отъ друзей изъ ледяной страны на далекомъ сѣверѣ. Этотъ пріятный сюрпризъ устроили матросы корабля.

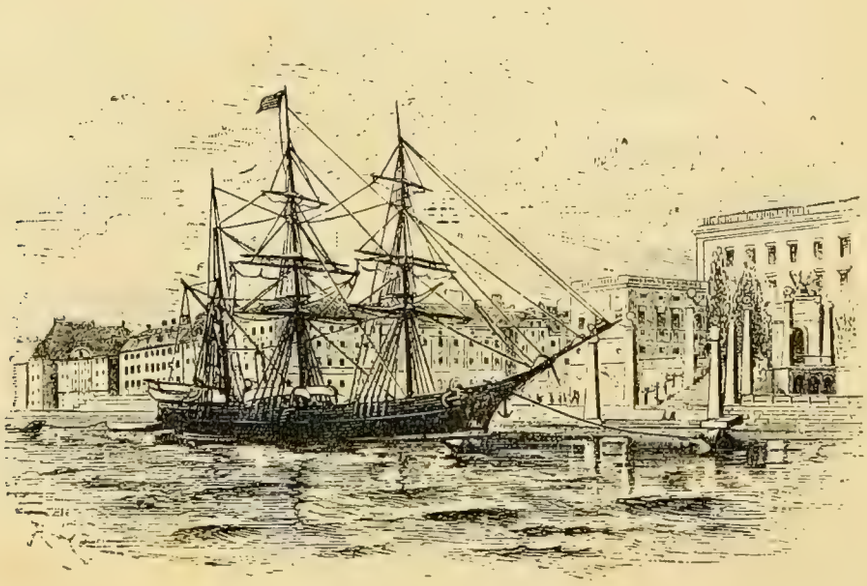
У Адена итальянскій военный корабль привѣтствовалъ путешественниковъ пушечными выстрѣлами и поднятымъ шведскимъ флагомъ, а офицеры его устроили для нихъ веселый пиръ. Затѣмъ «Вега» направилась чрезъ Бабельмандебскій проливъ и Красное море къ устью Суэзскаго канала, гдѣ бросили якорь 27-го января; оттуда плаваніе продолжалось по каналу, мимо Портъ-Саида, потомъ къ Неаполю, гдѣ Норденшельда ожидала торжественная встрѣча.

Въ Мессинскомъ проливѣ Норденшельдъ далъ приказаніе остановиться и, вмѣстѣ съ итальянскимъ лейтенантомъ Бове, высадился на берегъ, чтобы отправить телеграмму о прибытіи «Веги» въ Европу. Не успѣли они достигнуть берега, какъ начало темнѣть, и имъ пришлось пробираться ощупью, наудачу, пока не выбрались на желѣзно-дорожный путь, по которому

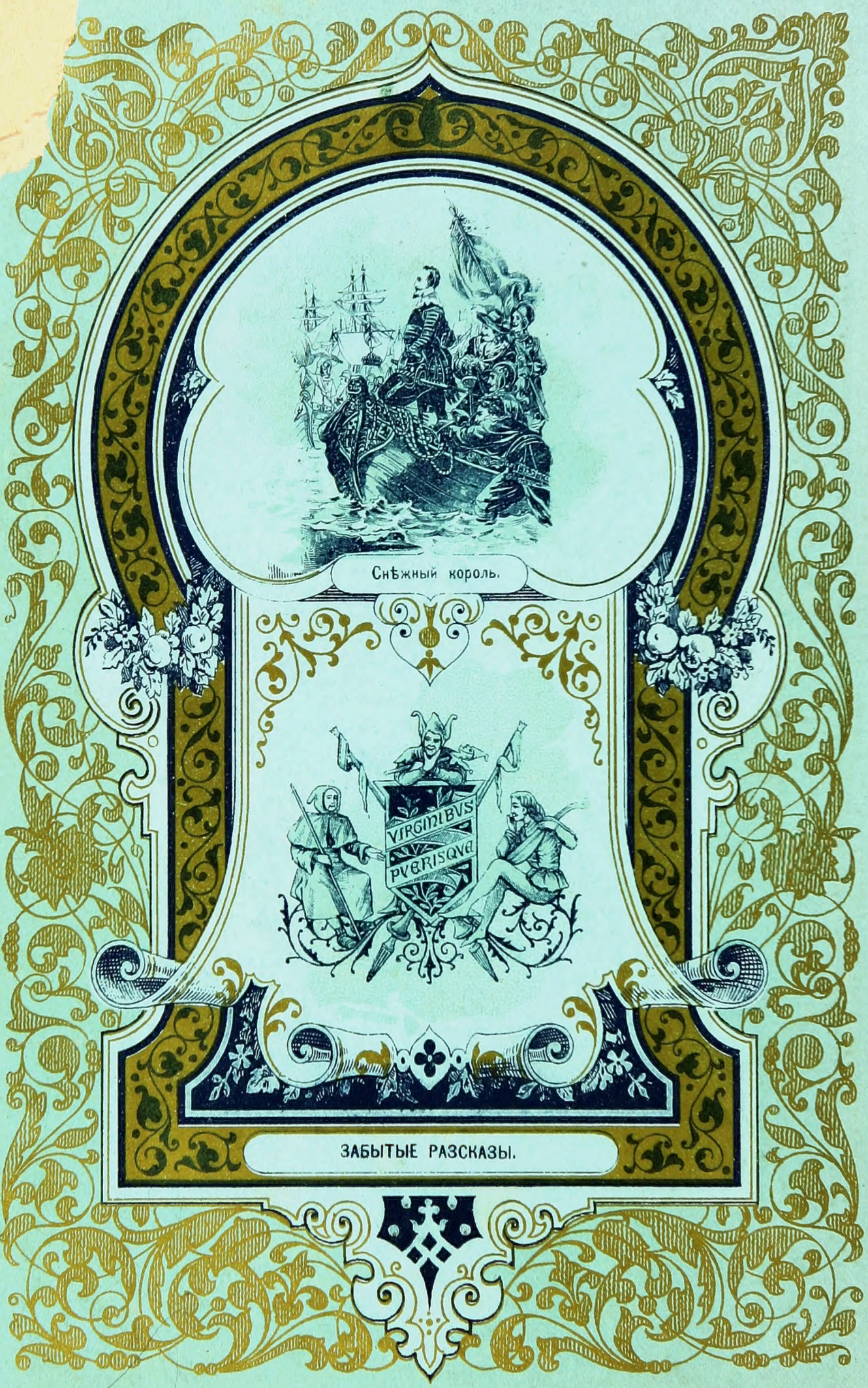
дошли уже до ближайшей станціи. На станціи желѣзно-дорожные и береговые сторожа приняли ихъ сначала за контрабандистовъ, но скоро недоразумѣніе разъяснилось, и обоихъ путешественниковъ встрѣтили съ большимъ почетомъ. Это было послѣднее приключеніе во время путешествія.

14-го февраля «Вега» прибыла въ Неаполь, и съ этого момента вездѣ по пути — въ Лиссабонѣ, Лондонѣ, Парижѣ Фальмутѣ, Копенгагенѣ и, наконецъ, въ Стокгольмѣ, экспедиція была предметомъ шумныхъ и задушевныхъ чествованій. 24-го апрѣля «Вега» бросила, наконецъ, якорь въ Стокгольмской гавани, и знаменитое путешествіе было окончено.

Приближаясь къ Стокгольму, «Вега» была встрѣчена множествомъ пароходовъ, переполненныхъ народомъ, которые послѣдовали за нею двумя длинными рядами къ гавани. Гавань съ своими безчисленными кораблями и лодками, городъ и, въ особенности, величественный королевскій дворецъ были великолѣпно иллюминованы. И едва путешественники, послѣ долгаго странствованія, снова ступили на родную землю, какъ несмѣтныя массы народа привѣтствовали ихъ несмолкавшими восторженными криками.



1 5000
0547
01048


Снѣжный король.
VIRGINIBVS
PVERISQVE
ЗАБЫТЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Варѳоломеевская ночь.

СЕМЬ МУДРЫХЪ ШКОЛЯРОВЪ.